

910

389

АМУРЪ.

Апр. 3 89

(Природа и люди Амурскаго края).

Ф. Груздева (Волгина),

Дѣйствительнаго Члена ИМПЕРАТОРСКАГО Русск. Географич. Общ.

Съ 22 рисунками и картой Амура.

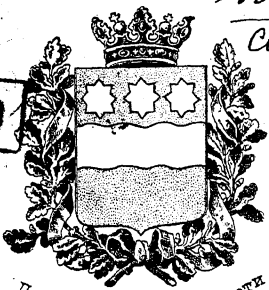
Второе, исправленное и дополненное изданіе.

Первое изданіе Учен. Комит. Минист. Народн. Просв. допущено въ учен. библ. средн. и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни. Циркуляромъ Гл. Управл. Военно-Учебн. Зав. рекомендовано для кадетскихъ библіот.

Мин. нар. просв. 454

Сп. учеб. к. м 52 / 1911

ПОГАСЕНО

Гербъ Амурской Области

С.-Петербургъ

Изданіе П. П. Сойкина
12, Стремянная, 12.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 17 ноября 1900 г

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

47967-46

2007061787

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе ко 2-му изданію	V
Предисловіе къ 1-му изданію	VII
Введеніе	1
I. Исторія приобрѣтенія Амурскаго края.	
Завоеванія казаковъ.—Подвиги Пояркова и Хабарова.— Мужественная защита Албазина —Нерчинскій трактатъ 1689 года.—Путешествія иностранцевъ.—Мнѣнія о непроходимости устья Амура.—Подвиги русскихъ моряковъ, съ Г. И. Невельскимъ во главѣ.—Нѣсколько словъ о русскихъ женщинахъ.—Изслѣдованіе Амура.—Айгунскій трактатъ.	3
II. Изслѣдованія Амурскаго края путешественниками.	
Недостаточность изслѣдованія Амурскаго края въ научномъ отношеніи.—Историческій ходъ экспедицій, направленныхъ на Амуръ.—Путешествіе Миддендорфа.—Жизнь и дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка.—Краткое описаніе Амурскихъ горъ, теченія рѣки Амура и его главнѣйшихъ притоковъ	27
III. Почвенныя и климатическія условія края.	
Верхнее, среднее и нижнее теченіе Амура.—Пригодность ихъ для культуры.—Общій видъ степной полосы.—Лѣсная область.—Приморская полоса края.—Уссурийская область.—Общій взглядъ на климатическія условія Амурскаго края и пригодность его для заселенія.—Климатъ Благовѣщенска	44
IV. Растительный міръ Амурскаго края.	
Разнообразіе растений въ Амурскомъ краѣ по вертикальному и горизонтальному направленіямъ.—Первобытные лѣса.—Лѣсные пожары.—Особенности Амурской флоры.—Лѣсные ландшафты Уссурийскаго края по описаніямъ д-ра Елисѣева.—Корень „жень-шень“	50

V. Животный міръ Амурскаго края.

Общій характеръ животнаго населенія.—Промысловыя животныя.—Тигръ.—Медвѣдь.—Выдра.—Рысь.—Лисица.—Бѣлка.—Олень.—Кабарга.—Рыбы Амура.—Кѣта и горбуша.—Насѣкомыя.—Жемчужныя раковины и добываніе жемчуга

65

VI. Минеральныя богатства Амурскаго края.

Недостаточность изслѣдованія края въ геологическомъ отношеніи.—Его предполагаемая минеральныя богатства.—Каменный уголь.—Мраморь.—Сурьмяный блескъ.—Желѣзо.—Золото.—Желтугинская республика и ея разгромъ.—Новая „Русская Калифорнія“

85

VII. Амурскіе инородцы.

Главныя народности, населяющія Амурскій край.—Тунгусы.—Ихъ нравы и обычаи.—Олени, собачьи, скотоводные, конскіе, лѣсные и береговые тунгусы.—Судьба тунгусской народности.—Характеръ тунгусовъ и образъ жизни.—Орочоны.—Мангры.—Бирары и гольды.—Гиляки.—Судьба амурскихъ бродячихъ инородцевъ.—Туземное земледѣльческое населеніе Амура: китайцы, окитаившіеся манджуры и дауры.—Корейцы

95

VIII. Русское населеніе Амура.

Наши переселенцы.—Исторія заселенія края.—Казакъ, солдаты и крестьяне.—Общій ходъ хозяйства.—Движеніе населенія.—Главные города

132

IX. Сельское хозяйство края.

Различныя сельско-хозяйственныя области.—Верхнее Приамурье.—Зейско-Буреинская равнина.—Южно-Уссурийскій край.—Полеводство и животноводство.—Другія главнѣйшія отрасли мѣстнаго хозяйства.—Общее заключеніе

154

X. Манджурія.

Знакомство съ нею русскихъ.—Устройство поверхности.—Горы и рѣки.—Населеніе.—Промышленность.—Города.—Нѣсколько словъ о манджурской вѣтви Сибирской желѣзной дороги

168

ПОГАСЕНО

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Успѣхъ, выпавшій на долю настоящей книги, и быстрое распространеніе ея среди общества, побудивъ издателя приступить ко 2-му ея изданію, въ то же время даютъ автору возможность исправить нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся въ 1-ое изданіе, и дополнить содержаніе нѣкоторыхъ главъ новѣйшими свѣдѣніями, соотвѣтственно даннымъ литературы по Амурскому краю.

Дополненія эти касаются, главнымъ образомъ, хозяйственно-экономической жизни края и сдѣланы по солидному труду Е. Т. Смирнова, только что выпедшему въ свѣтъ, — «Приамурскій край на Амурско-Приморской Выставкѣ въ 1899 г. въ г. Хабаровскѣ». Кромѣ того, нѣкоторыя новѣйшія данныя взяты изъ очерка П. Θ. Унтербергера — «Приморская область» (1856—1898 гг.) («Зап. Имп. Рус. Географ. О-ва по отд. статистики, т. VIII, вып. II).

Наконецъ, проведеніе части Великаго Сибирскаго пути по Манджуріи и вызванное столкновеніемъ съ китайцами занятіе нашими войсками этой области Китая, которое (занятіе) приведетъ, быть можетъ, къ присоединенію къ Россіи и праваго берега Амура, такъ что эта рѣка сдѣлается внутреннею русскою рѣкою, побудили автора дать, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, описаніе Манджуріи.

Съ своей стороны, издатель нашелъ возможнымъ рисунки и даже карту Амурскаго края замѣнить во 2-мъ изданіи новыми, шрифтъ—перемѣнить на болѣе крупный и увеличить форматъ книги.

Благоприятные отзывы, которыми было отмечено появление 1-го издания (см. «Русская Школа», 1898 г., № 9; «Педагогич. Сборн.», 1898 г., III; «Русск. Обзоріе», 1897 г., № 11; «Бирж. Вѣд.», 1896 г., № 348; «Нов. Вр.», 1896 г.; «Южный Край», № 5463, 1896 г.; «Народн. Образ.», IV, 1897 г.; «Отголоски», 1897 г., № 53; «Развѣдчикъ», № 321, 1896 г. и пр.), даютъ издателю и автору смѣлость — питать надежду, что и второе изданіе встрѣтитъ со стороны общества и печати тотъ же радушный пріемъ, какъ и первое.

Ф. Груздевъ.

Спб., 1900 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ основу настоящаго сочиненія авторъ положилъ «Описаніе Амурской области», капитальный трудъ Г. Е. Грумъ-Гржимайло, изданный по порученію Г. Министра Финансовъ. Кромѣ того, при изложеніи исторической части, авторъ пользовался нѣкоторыми непосредственными источниками, напр., записками адмирала Невельскаго («Подвиги русскихъ моряковъ на Крайнемъ Востокѣ Россіи» 1849—55 г.), изд. 1878 г., — Трудями Пекинской миссіи, — сочиненіемъ Шперка «Россія Дальняго Востока» и др.; затѣмъ, при описаніи природы и людей Амурскаго края, онъ многое извлекъ изъ трудовъ путешественниковъ, посѣщавшихъ эту страну. Наконецъ, нѣкоторыя свѣдѣнія дала періодическая пресса Сибири (главнымъ образомъ, «Восточное обозрѣніе»).

Выпуская свою книгу, авторъ имѣлъ въ виду, съ одной стороны, познакомить читателей съ природными богатствами Амурскаго края, который, при умѣлой эксплуатаціи, можетъ сдѣлаться богатѣйшею страной въ мірѣ, съ другой, — указать на достойные подражанія патріотическіе подвиги первыхъ пионеровъ — завоевателей края. Насколько авторъ достигъ этой цѣли и достигъ-ли ея вообще, — судить объ этомъ, конечно не ему.

Ф. Груздевъ (Волгинъ).

Спб., 1896 г.

ВВЕДЕНІЕ.

При взглядѣ на карту Сѣверной Азіи бросается въ глаза положеніе, которое занимаетъ тамъ богатая Сибирь. Эта страна, щедро надѣленная природой и хорошимъ климатомъ, и плодородною почвою, и ископаемыми богатствами, — какъ будто совсѣмъ разобщена съ окружающимъ міромъ. Въ самомъ дѣлѣ, на сѣверѣ ея тянутся безконечныя ледяныя пустыни, примыкающія къ холодному, негостепрѣимному Ледовитому океану, — съ юга Сибирь отдѣляютъ снѣговыя горы и цѣлыя моря песковъ, — на востокѣ опять запираютъ выходъ изъ страны тѣ же горы, тундры и болота. Кое-какое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ можно было-бы установить на западѣ, гдѣ могучія водныя системы Енисея и Лены, затѣмъ рѣки Индигирка, Колыма и др. — могли-бы связать Сибирь съ окружающимъ міромъ. Но вся бѣда въ томъ, что онѣ впадаютъ въ почти недоступный океанъ.

Единственнымъ быстрымъ, удобнымъ и дешевымъ путемъ сообщенія Сибири съ внѣшнимъ міромъ является громадная рѣка Амуръ, впадающая въ весьма важный для насъ, русскихъ, Тихій океанъ, — и вся область этой рѣки пріобрѣтаетъ для насъ особенное значеніе. Съ постройкою великаго желѣзнодорожнаго пути, который, прорѣзавъ поперекъ всю Россію, свяжетъ Атлантическій океанъ съ Великимъ, — богатый При-

амурскій край еще болѣе выиграетъ. Поэтому-то теперь, когда Сибирская желѣзная дорога близка къ окончанію, когда, слѣдовательно, для всей Сибири скоро загорится заря блестящаго будущаго, вполне умѣстно познакомить читателей съ богатою природою Амурскаго края, очертить характеръ и нравы его обитателей — туземцевъ, сходящихъ теперь со сцены и мало-по-малу вытѣсняющихся русскими поселенцами, наконецъ, напомнить исторію приобрѣтенія этого края, которая составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ исторіи Русскаго народа.

I.

Исторія приобрѣтенія Амурскаго края.

Завоеванія казаковъ.—Подвиги Пояркова и Хабарова.—Мужественная защита Албазина.—Нерчинскій трактатъ 1689 года.—Путешествія иностранцевъ.—Мнѣніе о непроходимости устья Амура.—Подвиги русскихъ моряковъ, съ Г. И. Невельскимъ во главѣ.—Нѣсколько словъ о русскихъ женщинахъ.—Изслѣдованіе Амура.—Айгунскій трактатъ.

Исторія постепеннаго проникновенія русскихъ въ Пріамурскій край немногосложна, но глубоко поучительна. Когда завоеванная Ермакомъ и его славными сподвижниками, Западная Сибирь вошла въ предѣлы Московской Руси, то волны казацкихъ дружинъ направились далѣе къ востоку. Своими собственными силами, безъ помощи правительства, руководимая единственно жаждой добычи, отважная русская вольница,—эти доморожденные Пизарро и Кортесы,—заходила все далѣе и далѣе, присоединяя къ владѣніямъ Русскаго Царя огромныя области. Наконецъ, уже въ первой половинѣ XVII столѣтія она дошла до Охотскаго моря. Дальше на востокъ уже некуда было двигаться,—и нашимъ пионерамъ пришлось искать новаго поприща для своихъ дѣйствій. Въ это время они узнали отъ тунгусовъ о существованіи по ту сторону горъ (т. е. Хинганскаго хребта) большихъ рѣкъ Шунгала (Сунгари), Зеи (Джи) и Шилькара, или Маму (Амура *). «Наткисы привозятъ намъ,—говорили

*) Происхожденіе слова „Амуръ“ до сихъ поръ не выяснено: одни производятъ его отъ „Ямуръ“—гиляцкаго слова, которое зна-

тунгусы,—хлѣбъ съ Шунгала и рассказываютъ, будто на рѣкахъ Джи и Шилькарѣ живутъ дучеры и дауры, занимающіеся хлѣбопашествомъ, что у нихъ много скота и серебра и, наконецъ, что вся страна по Шилькару, Зеѣ и Шунгалу изобилуетъ пушными звѣрями».

Этихъ свѣдѣній было совершенно достаточно, чтобы двинуть жадную до добычи вольницу въ тѣ далекія, невѣдомыя страны, чтобы «новыя землицы провѣдывать», какъ выражались тогда. Съ разрѣшенія якутскаго воеводы, П. Головина, 132 человекъ сибирскихъ казаковъ, подъ начальствомъ нѣкоего Пояркова, «письменнаго воеводы» изъ Якутска, отправились лѣтомъ 1643 г. за горы.

Тяжелъ и труденъ былъ казацкій путь, но охотники оказались бывалыми людьми: не страшили ихъ ни опасности, ни невзгоды пути... Пока можно было, Поярковъ съ товарищами плыли на легкихъ ладьяхъ по водѣ. Такъ, проѣхавъ Лену, повернули въ Алданъ, затѣмъ, достигнувъ устья рѣки Учуръ, направились по этой рѣкѣ и по ея притоку Гонамъ. Между тѣмъ время шло. Не успѣли казаки оглянуться, какъ ихъ застали холода; жестокіе, настоящіе сибирскіе морозы сковали ледъ. Что было дѣлать? Не долго думая, Поярковъ бросаетъ лодки, кладетъ необходимый провіантъ и оружіе на салазки, и по снѣгу, на лыжахъ, переваливаетъ черезъ Становой хребетъ, откуда выходитъ на р. Бранду, а потомъ — на Зею. Весною 1644 г. онъ былъ уже на берегахъ Амура; здѣсь ему пришлось имѣть неоднократныя стычки съ туземцами, перебившими большую часть его отряда. Не смущаясь этимъ, храбрый воевода поѣхалъ внизъ по Амуру и достигъ его устья; тамъ, у гиляковъ, близъ Амгуни, онъ выстроилъ острогъ, гдѣ и переждалъ зиму 1644 г., а раннею весною 1645 года вышелъ на лодкахъ въ Охотское море. Цѣлыхъ три мѣсяца носило безстрашныхъ казаковъ по бурнымъ волнамъ, наконецъ, выкинуло на берегъ

читать „большая вода“,—другіе отъ „Эмуръ“, какъ называлась раньше рѣчка Албазинъ, впадающая въ Амуръ. Туземцы, живущіе по Амуру, и китайцы даютъ ему другія названія, напр., манджуры—„Куэнь-тонгъ“, китайцы—Хэ-Шуй (Черная рѣка), и пр.

около устья р. Ульи. Здѣсь Поярковъ опять зазимоваль, а весною 1646 года снова перевалилъ чрезъ горы, спустился въ Алданъ и потомъ по Ленѣ добрался до Якутска, осенью 1646 года.

Всего, значить, года три гуляла по Амурскому краю удалая казацкая дружина, покорила жившихъ здѣсь гиляковъ, собрала съ нихъ ясакъ (подать) драгоценными соболями, а еще больше набрала себѣ добычи, и только на четвертый годъ, уменьшившись болѣе, чѣмъ наполовину, добралась домой.

Успѣхъ Пояркова и его рассказы о богатствѣ новооткрытыхъ странъ увлекли новыя толпы вольныхъ людей. Сольвычегодскій промышленникъ Ерофей Хабаровъ *), всего съ 70-ю человекѣми вольницы, смѣло пустился въ невѣдомый край**), набралъ, сколько могъ, добычи, но, чувствуя слабость своего отряда, не рѣшился на завоеванія, а вернулся въ Якутскъ. Здѣсь къ нему пристало множество вольницы, которой хотѣлось покормиться чужимъ добромъ. Все это были люди смѣлые до безразсудства, но не дисциплинированные, почти разбойники, которые шли въ далекія страны единственно изъ жажды корысти. Что нравилось этимъ удалцамъ на Амурѣ, такъ это вольная, безотвѣтственная жизнь: они свободно развѣзжали по Амуру и Сунгари, забирались даже въ глубь Манджурии, брали, что хотѣли,—словомъ, жили въ свое удовольствіе, хотя часто и платились головами за свою безшабашную удачу. Съ толпами этихъ молодцовъ Хабаровъ предпринялъ въ 1651 году настоящій походъ въ Амурскую область. Во время этого похода не только было сдѣлано много завоеваній разныхъ мелкихъ народцевъ, но и положено твердое основаніе русскому господству основаніемъ г. Албазина при устьѣ рѣчки того же имени, впа-

*) Хабаровъ переселился въ Сибирь еще въ 1636 г. и сначала занимался вываркою соли на р. Ленѣ, а потомъ — земледѣліемъ въ довольно большихъ размѣрахъ.

**) Хабаровъ пошелъ по новому пути, показанному ему тунгусами: спустившись по Ленѣ, онъ достигъ Олекмы и поднялся вверхъ ея до устья Тугира. Отсюда, перебравшись черезъ Становой хребтъ, онъ вышелъ на р. Урку и по ней достигъ Амура.

дающей въ Амуръ. Правда, были не разъ горячія схватки съ врагами, подавлявшими казаковъ своею численностью. Но мужество и превосходство вооруженія казаковъ вездѣ одерживали верхъ, съ легкими, сравнительно, потерями для нихъ; такъ, въ одной битвѣ съ даурами со стороны русскихъ было всего 4 чел. убитыхъ и 45 раненыхъ, а со стороны дауровъ пало 661, да захвачено въ плѣнъ 243 женщины и 118 дѣтей, кромѣ громадныхъ запасовъ хлѣба и цѣлыхъ стадъ скота. Казаками было построено нѣсколько остроговъ (Кумарскій, Косогорскій, Ачанскій и др.), которые должны были держать туземцевъ и сосѣдей—манжуровъ въ страхѣ. Въ то же время завоеватели немедленно отправили въ Москву посольство за подкрѣпленіями, такъ какъ скоро между казаками начались несогласія,—и болѣе трети отряда (100 чел.) отдѣлилось отъ атамана и бѣжало на грабежъ.

Отъ этихъ смѣлыхъ набѣговъ и безпрестаннаго грабежа амурскимъ инородцамъ, видимо, было не по себѣ: спасаясь отъ грубыхъ, дерзкихъ разбойниковъ—«лоче» (русскихъ), они стали переселяться на югъ, въ глубь Манджурии (главнымъ образомъ, на берега р. Нонни), и скоро послѣдній дауръ простился съ великой Черной рѣкой (Амуромъ).

Между тѣмъ московское правительство осталось очень довольно завоеваніями казаковъ и успѣшило удовлетворить ихъ просьбы, но при этомъ строго-на-строго наказывало довольствоваться сборомъ ясака и отнюдь не грабить ни туземцевъ, ни манжуровъ. Но казаки, не привыкшіе ни къ дисциплинѣ, ни къ труду, не слушали такихъ повелѣній и вели себя по прежнему, хотя порою и страдали за это. Присланный изъ Москвы чиновникъ Зиновьевъ не могъ ничего подѣлать съ этою буйною вольницею, тѣмъ болѣе, что онъ сразу лишилъ себя довѣрія казаковъ, обошедшись грубо съ Хабаровымъ *) и, наконецъ,

*) Въ Москвѣ все-таки похвалили Хабарова и пожаловали саномъ боярина, но на Амуръ не пустили, а послали „прикащикомъ“ поселеній на Ленѣ. Кстати можно сказать, что дѣйствія Зиновьева по отношенію къ Хабарову были не совсѣмъ несправед-

покинулъ Амуръ, поручивъ управленіе краемъ казаку Онуфрію Степанову. Но и послѣдній не могъ ничего сдѣлать съ казаками, которые рвались на грабежъ, а грабить близко—некого было, такъ какъ жители удалились. Пришлось даже за собственными припасами ходить на берега далекой Сунгари. Наконецъ, припасовъ совсѣмъ не стало,—и вотъ, среди богатѣйшей страны, несчастные стали умирать съ голоду. Около четырехъ пятыхъ всего Степановскаго отряда погибло такою ужасною смертью, а изъ остальныхъ—270 человекъ, вмѣстѣ со Степановымъ, легло костями въ неравномъ бою съ манджурами,—и только 230 человекъ возвратились въ Якутскъ. Это была первая рѣшительная побѣда манджуровъ надъ смѣлымъ и дерзкимъ, но обезсиленнымъ голодомъ врагомъ.

Съ разсвѣніемъ «степановскихъ» отрядовъ, Амуръ совсѣмъ было опустѣлъ. Но вотъ сюда бѣжить, съ толпою искателей приключеній, полякъ Черниговскій, возстановляетъ (въ 1666 г.), оказавшійся въ развалинахъ Албазинъ устраиваетъ пашни, поселенія... А вмѣстѣ съ этимъ опять поднимаются слухи о

ливны. Правда, казакскій атаманъ отличался смѣлымъ, рѣшительнымъ характеромъ, но въ то же время былъ самоуправенъ и горячъ. Поддаваясь иногда порывамъ великодушія, онъ зато жестоко мстилъ лицамъ, обманувшимъ его довѣріе. Съ инородцами же онъ поступалъ прямо-таки безчеловѣчно. „Въ своихъ походахъ,—говоритъ Шперкъ („Россія Дальнаго Востока“),—онъ, такъ сказать, окрестилъ все туземное населеніе Амура огнемъ и мечомъ, и его походы едва-ли были для инородцевъ легче Татарскаго погрома“. Въ его отчетахъ сплошь и рядомъ встрѣчаются такія жестокія выраженія, какъ, напр., „И Божіей милостью, и Государевымъ счастіемъ тѣхъ Дауровъ въ пень порубили, всѣхъ съ головы на голову“... „И мы ихъ въ пень рубили, а женъ и дѣтей имали, и скоть“...

Подобнымъ же характеромъ отличался и первый завоеватель Амура—Поярковъ, который, наряду съ блестящими дарованіями вождя, обнаруживалъ мелочность, алчность, презрѣніе къ подчиненнымъ и т. п.

Однако, чтобы судить такихъ лицъ, какъ Поярковъ и Хабаровъ, нужно вспомнить условія среды, духъ времени и общій нравственный уровень ихъ современниковъ,—и мы поймемъ тогда, что на нихъ нельзя смотрѣть слишкомъ строго.

казацкихъ грабежахъ. Положимъ, казаки не все грабили: ихъ набѣги и завоеванія все болѣе и болѣе расширяли область русскихъ владѣній. Со своей стороны, и московское правительство, сознавая всю важность этихъ завоеваній, рѣшило обратить серьезное вниманіе на новооткрытыя земли и образовать изъ нихъ отдѣльное воеводство, при чемъ Албазину были даны особый гербъ и печать, а первымъ воеводой назначенъ былъ Алексѣй Толбузинъ, котораго щедро снабдили и войскомъ, и деньгами. (Черниговскому боялись вручить власть).

Однако, параллельно съ постепеннымъ упроченіемъ русскихъ въ Пріамурскомъ краѣ, росли и опасенія манджуровъ, нашихъ новыхъ сосѣдей на югѣ. Манджурская династія (Тзинъ), незадолго передъ тѣмъ (въ 1644 г.) свергнувшая національную династію Мингъ, завладѣла Небесной имперіей, и власть ея являлась еще весьма мало упроченною даже внутри центрального Китая, не говоря уже объ его окраинахъ. Немудрено поэтому, что появленіе на сѣверѣ новаго могущественнаго сосѣда, все дальше и дальше распространявшаго свои завоеванія, не могло не обезпокоить китайско-манджурскихъ правителей, въ глазахъ которыхъ русскіе («лоче») были страшными врагами. «Люди царства Лоче, — писали тогда о насъ китайцы, — всѣ съ впалыми глазами, высокимъ носомъ, зелеными зрачками и красными волосами. Оружіе въ ихъ рукахъ страшно. Они храбры, какъ тигры, и искусны въ стрѣльбѣ. У нихъ есть пушки, называемыя арбузами, потому что ядра ихъ напоминаютъ по своей формѣ арбузы; они мѣтко попадаютъ изъ нихъ на разстояніи нѣсколькихъ ли *). Кто имъ ни попадался, они всегда убивали. Манджуры испугались. Цзянь-цзюнь (начальникъ края), донося о семъ государю, молилъ о спасеніи»...

Сознавая серьезность борьбы съ такимъ страшнымъ противникомъ, манджуро-китайскія власти рѣшили немедленно отбросить русскихъ завоевателей за горы, такъ какъ боялись, что иначе эти смѣльчаки, прекрасно для того времени вооруженные, несмотря на свою малочисленность, могутъ причинить

*) Ли — нѣсколько меньше полуверсты.

не мало хлопотъ новой династіи, власть которой и безъ того была еще очень непрочна.

Вотъ почему, вскорѣ послѣ назначенія Албазина мѣстопробываніемъ новаго воеводы, китайцы, чтобы въ зародышѣ убитъ новый городъ, отправили въ 1685 г. большое войско, которому было поручено, во что-бы то ни стало, разрушить Албазинъ и прогнать русскихъ. Толбузинъ имѣлъ всего 450 человекъ (съ 3 пушками и 300 мушкетами), китайцы же подступили въ количествѣ болѣе 15,000, при чемъ привезли 150 полевыхъ и 50 осадныхъ орудій. Немудрено, что албазинцы, терпѣвшіе, къ тому же, недостатокъ въ огнестрѣльномъ оружіи и снарядахъ, скоро принуждены были вступить въ переговоры. Толбузину удалось выговорить себѣ и своимъ подчиненнымъ право свободнаго отступленія въ Нерчинскъ; только 25 албазинцевъ приняли предложеніе манджуровъ отдаться имъ и увлекли съ собою священника Максима Леонтьева, основавшаго въ Пекинѣ первую русскую церковь *), а городъ Албазинъ былъ уничтоженъ.

*) Мѣсто, отведенное албазинцамъ, находилось въ сѣверо-восточномъ углу Пекина; здѣсь была выстроена часовня, гдѣ о. Максимъ, при помощи присланныхъ Тобольскимъ митрополитомъ священника и діакона, и совершалъ богослуженіе. Эта-то часовня съ ея небольшимъ причтомъ и дала основаніе нашей „Духовной Пекинской миссіи“, которая насчитываетъ нынѣ почти 200 лѣтъ существованія.

По прибытіи въ Пекинъ, русскіе были зачислены въ почетное знаменное Манджурское войско, т. е. въ наслѣдственное военное сословіе, и надѣлены землями. Кромѣ того, такъ какъ большая часть казаковъ были холостые, то китайское правительство дало имъ въ жены китайнокъ, правда, изъ одного почтеннаго учрежденія („Разбойничьяго Приказа“). Это обстоятельство имѣло роковое вліяніе: подъ вліяніемъ браковъ съ язычницами бывшіе казаки стали быстро окитаиваться, забывали свой языкъ и вѣру и скоро „отъ россіянъ совершенно отдѣлились духомъ“,—какъ писалъ впоследствии одинъ начальникъ миссіи въ 20-тыхъ годахъ текущаго столѣтія. Потомки бывшихъ православныхъ стали такъ приверженны къ вѣрѣ своихъ предковъ, что только подарками и можно было заставить ихъ хоть изрѣдка заглядывать въ церковь. „Шеньфу-бушанъ ишанъ, вомынъ бу нынѣ шанъ-танъ“,—нагло говорили они

Китайцы, замѣтивъ малолюдство выходявшихъ изъ «острога» (крѣпости) русскихъ, бросились на страдальцевъ и, обобравъ у нихъ послѣднія крохи, оставили въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Съ дороги Толбузинъ донесъ нерчинскому воеводѣ Власову, который былъ главнымъ начальникомъ и албазинскаго управленія, что онъ идетъ въ нерчинскій острогъ «съ великою нужею и питается кореньями и травою».

Власовъ, получивъ донесеніе о разрушеніи Албазина и вполне сознавая всю важность этого города, какъ опорнаго пункта для дѣйствій на Крайнемъ Востокѣ, сейчасъ же распорядился отправить Толбузина назадъ, снабдивъ его припасами и усиливъ его отрядъ «тобольскими, туринскими и верхотурскими служилыми людьми», подъ командою «енисейскаго сына боярскаго» Бейтона. Войско Толбузина и Бейтона представляло изъ

священнику („Если священникъ не дастъ намъ платья, мы не пойдемъ въ церковь“). Миссія платила такой христіанской цѣнѣю тою же монетою, величая пасомыхъ—„албазинскимъ старьемъ“, „мусоромъ лѣни, тунеядства и спѣси“ и т. п. Впрочемъ, и сама миссія рѣдко стояла на высотѣ своего призванія, и отчеты ея ревизоровъ переполнены обвиненіями въ „лѣности, пьянствѣ“ и прочихъ художествахъ монаховъ. Только въ послѣднее время на эту злосчастную миссію было обращено серьезное вниманіе нашихъ духовныхъ властей...

Въ настоящее время православныхъ „албазинцевъ“—сотни три. Насколько они искренно исповѣдуютъ христіанство, сказать трудно. По признанію самихъ же членовъ миссіи, подарки занимаютъ не послѣднее мѣсто въ ряду побужденій, заставляющихъ ихъ держаться христіанства.

По внѣшнему виду современный „албазинецъ“— тотъ же китаецъ: передъ вами то же широкоскулое лицо, съ щелкообразными глазами. Въ нравственномъ же отношеніи—это въ лучшемъ случаѣ тунеядецъ, живущій подачками, а въ худшемъ—пьяница и плутъ. Буйства и мошенничества—заурядныя явленія въ албазинской цѣнѣю, поставляющей кандидатовъ для тюрьмы и ссылки. При такомъ направленіи, эти почтенные „воины“ очень рѣдко заглядываютъ въ церковь, развѣ только тогда, когда ожидается раздача денегъ... Въ послѣднее время, вслѣдствіе гоненія на христіанъ, воздвигнутаго китайцами, въ „албазинцахъ“ исчезли, вѣроятно, и послѣдніе признаки христіанства...

себя нестройныя ватаги буйныхъ людей, которые только и думали сначала о грабежѣ. Но достойные начальники, имена которыхъ должны быть записаны въ Русской Исторіи среди самыхъ славныхъ, оказались на высотѣ призванія и сумѣли водворить дисциплину среди своихъ подчиненныхъ.

Прибывъ на мѣсто разрушеннаго Албазина, Толбузинъ и Бейтонъ прежде всего собрали съ полей хлѣбъ, засѣянный раньше и какимъ-то чудомъ не уничтоженный китайцами; затѣмъ быстро возобновили разрушенныя укрѣпленія,—и уже въ 1687 году почти ничто въ Албазинѣ не напоминало разгрома. Тогда императоръ Каханъ-Сю рѣшилъ дѣйствовать энергично: въ юнѣ того же года 8,000 манджуровъ съ 40 орудіями подступили къ Албазину и начали громить его стѣны. Русскіе защищались отчаянно и отказались принять предложеніе о сдачѣ, несмотря на то, что черезъ 10 мѣсяцевъ осады въ Албазинѣ изъ 736 человекъ гарнизона осталось въ живыхъ только 66 человекъ храбрецовъ. Положеніе осажденныхъ было ужасно: одни, безъ надежды на поддержку со стороны, они должны были выдерживать осаду вдесятеро сильнѣйшаго врага. Спасенія не откуда было ждать, потому что монголы и тунгусы, по наущенію китайцевъ, стали производить набѣги на ближайшій Нерчинскій острогъ, откуда могла придти помощь. вмѣстѣ съ ними поднялись и покоренные было нами инородцы,—харалуты, чемчигары, пойнкиты, онкоты и др. Осажденные испытывали недостатокъ и въ военныхъ припасахъ, и въ одеждахъ, даже въ хлѣбѣ. Къ этому присоединились еще болѣзни... Но, благодаря энергіи своихъ начальниковъ, казаки не теряли мужества и своими вылазками безпокоили врага. Въ одной изъ такихъ вылазокъ они лишились своего доблестнаго воеводы, незабвеннаго Толбузина. Начальство перешло къ его достойному товарищу—Бейтону. Русскіе еще держались, но положеніе ихъ становилось все хуже и хуже. Израненный и больной Бейтонъ совершенно изнемогъ и на костыляхъ выходилъ командовать оставшимися въ живыхъ 82 казаками. Къ довершенію несчастья, стѣнные припасы истощились; осажденные принуждены были взяться за основную кору и коренья, которые доставали съ опасностью жизни. Отъ

скудной пищи, житья въ сырыхъ землянкахъ и непосильныхъ трудовъ явилась цынготная болѣзнь, которая свирѣпствовала, впрочемъ, и среди китайцевъ. Албазинъ былъ до того заваленъ трупами, что не хватало рукъ и зарывать ихъ. Гибель мужественныхъ защитниковъ казалась неизбѣжна. Вдругъ 4 мая 1688 г. они съ изумленіемъ увидѣли, что враги снимаются съ лагерей и уходятъ. Можно себѣ представить радость осажденныхъ! Оказалось, что самъ Богдыханъ приказалъ снять осаду. Однако, Албазину не суждено было оставаться въ рукахъ русскихъ: едва только начались, по окончаніи войны, переговоры съ Богдыханомъ, какъ китайцы первымъ и главнѣйшимъ условіемъ поставили переходъ Пріамурскаго края въ ихъ руки и полное, окончательное разореніе Албазина, на что нашему уполномоченному, Головину, заключившему мирный трактатъ (такъ называемый Нерчинскій), и пришлось волей-неволей согласиться: говорятъ, что китайцы просто застращали Головина своимъ 10-тысячнымъ охраннымъ отрядомъ, хотя и нашъ посланникъ явился не съ голыми руками, а съ конвоемъ изъ 3 полковъ.

Какъ-бы то ни было, но Россія потеряла 27 августа 1689 года весь богатѣйшій Пріамурскій край, стоившій государству, къ тому же, многихъ жертвъ. Впрочемъ, Головинъ не придавалъ уступкѣ края китайцамъ особеннаго значенія и, кажется, согласился на нее довольно легко. Но это вполнѣ объясняется тѣмъ, что, при заключеніи Нерчинскаго трактата, русское правительство и его агенты вовсе еще не представляли себѣ ясно всей цѣны этого уголка на Крайнемъ Востокѣ; даже Петръ Великій, такъ стремившійся открыть Россіи выходъ къ морю, не обратилъ на Амуръ должнаго вниманія.

Такъ или иначе, но, лишившись Пріамурскаго края, русскіе, волей-неволей принуждены были обратить свои вожделѣнія на Сѣверо-Востокъ—на Камчатку и Курильскіе острова, которые и сдѣлались центромъ стремленій нашихъ пионеровъ. Правда, вольные казаки попрежнему ходили за добычей на югъ, но дѣлали это не только безъ согласія русскихъ властей, а и съ «великою опаскою»: московское правительство приказало свято соблюдать договоръ съ китайцами и грозило ослушникамъ опа-

лою. Впрочемъ, съ своей стороны и китайцы, довольные договоромъ, ограничились только постройкою на верхнемъ Амурѣ Айгунской крѣпости, оставивъ весь Приамурскій край въ такомъ положеніи, въ какомъ нашелъ его Поярковъ въ 1644 году, т. е. свободнымъ.

На смѣну безшабашной, удалой вольницы, на Амурѣ (собственно около устья его) появляются ученые путешественники, сначала иностранцы, французы, англичане, которые прѣзжаютъ сюда съ скромною цѣлью произвести изслѣдованія береговъ Амура, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ стеченія благоприятныхъ обстоятельствъ, и съ заднею мыслію водворить тамъ свое господство. Такъ, въ 1783 г. сюда явилась экспедиція знаменитаго Лаперуза, который, слѣдуя къ сѣверу по берегу Татарскаго пролива, хотѣлъ пройти въ Охотское море. Но постепенное уменьшеніе глубины пролива, многочисленныя отмели и показанія туземцевъ заставили французовъ отказаться отъ этого намѣренія, убѣдивъ ихъ, что Сахалинъ соединяется съ материкомъ отмелью, которая покрывается водою только въ приливѣ, и что устье Амура затерто мелями.

Черезъ 10 лѣтъ послѣ этого, въ 1793 г., въ Татарскій проливъ пришелъ знаменитый англійскій мореплаватель Браутонъ, который тоже хотѣлъ непременно пройти въ Амуръ и Охотское море и тоже оставилъ свое намѣреніе, напуганный встрѣчными мелями.

Въ 1803 г. наше правительство поручило И. Ф. Крузенштерну описать берега Сахалина и Охотскаго моря, а по пути и устье р. Амура. Но и Крузенштернъ *) подтвердилъ заключенія иностранныхъ путешественниковъ о томъ, что Сахалинъ—полуостровъ, и что лиманъ Амура усѣянъ мелями и потому недоступенъ съ моря. Въ 1846 г. то же убѣжденіе высказалъ и поручикъ Гавриловъ, посланный, по предписанію правительства, Россійско-Американскою Компаніей специально къ устьямъ Амура, на бригѣ «Константинъ».

*) Говорятъ, Крузенштернъ, изъ ложнаго страха предъ политическимъ могуществомъ, Китая, выполнилъ возложенную на него задачу поверхностно, что и было причиною его заблужденія.

Положительныя заключенія такихъ авторитетныхъ мореплавателей, какъ Лаперузъ, Браунтъ и Крузенштернъ, о невозможности для мореходныхъ судовъ проникнуть въ амурскій лиманъ, естественно породили вопросъ, для чего намъ добиваться обладанія рѣкою, которая не имѣетъ сообщенія съ моремъ и потому бесполезна для насъ. Къ тому же всѣ думали, что, добываясь Амура, мы можемъ имѣть большія неприятности со стороны Китая, который можетъ повредить нашей кяхтинской торговлѣ. Поэтому понятно, что наше правительство рѣшило «вопросъ объ Амурѣ, какъ рѣкѣ бесполезной, оставить» и въ 1848 года было уже почти готово окончательно и безповоротно уступить Китаю весь Приамурскій край.

«Для чего намъ эта рѣка, — говорилъ Императоръ Николай Павловичъ на доводы вновь назначеннаго генераль-губернатора Восточной Сибири, Н. Н. Муравьева, — когда уже положительно доказано, что входить въ ея устье могутъ только однѣ лодки»?!

Послѣ такого рѣшенія нечего было и думать уже о снаряженіи новой экспедиціи для открытія важной географической ошибки. «Озарить Амурскій край свѣтомъ истины и чрезъ это отклонить правительство отъ потери его навсегда для Россіи — возможно было лишь случайно и при содѣйствіи лицъ, твердо убѣжденныхъ въ ошибочности взгляда на этотъ край. Тутъ нужны были люди, которые-бы рѣшились дѣйствовать при этой случайности внѣ повелѣній, — люди, вмѣстѣ съ тѣмъ, одушевленные и гражданскимъ мужествомъ, и отвагою, и готовые на всѣ жертвы для блага своего отечества *).

Такими самоотверженными патріотами явились отважные русскіе морскіе офицеры съ Геннадіемъ Ивановичемъ Невельскимъ во главѣ.

Твердо увѣренный въ ошибочности ходячаго мнѣнія о недоступности р. Амура съ моря, Г. И. Невельской захотѣлъ воспользоваться представившимся ему случаемъ ѣхать къ восточно-сибирскимъ берегамъ и изслѣдовать устье Амура. Слу-

*) Записки адмирала Невельского.

чай былъ такого рода: Невельской былъ назначенъ командиромъ военнаго транспорта «Байкалъ», который везъ изъ Кронштадта въ восточно-сибирскіе порты военные снаряды и припасы. Отправляясь съ этимъ транспортомъ, Невельской просилъ, чтобы разрѣшили изслѣдовать попутно и устье Амура. Но ему отвѣтили, что «это бесполезно, и притомъ теперъ, когда рѣшено отдать Приамурскій край Китаю, сдѣлать это безъ Высочайшаго разрѣшенія невозможно»; въ противномъ случаѣ ослушникъ подвергается строжайшей отвѣтственности. Потерявъ надежду добиться просимаго разрѣшенія, отважный морякъ рѣшилъ дѣйствовать напроломъ и въ августѣ 1848 года покинулъ Кронштадтъ, а 12 мая 1849 года былъ уже въ Петропавловскѣ (въ Камчаткѣ), гдѣ благополучно и сдалъ довѣренныя ему транспорты. Послѣ этого, съ одобренія своихъ офицеровъ, онъ на томъ же «Байкалѣ» отправился къ устьямъ Амура. Здѣсь, въ іюлѣ 1849 г., была исправлена, наконецъ, важная географическая ошибка: благодаря точнымъ съемкамъ и промѣрамъ, Невельской и его товарищи убѣдились, что Сахалинъ не полуостровъ, а островъ, и что устье р. Амура вполне доступно для морскихъ судовъ. 1 августа 1850 г. отважные моряки вошли въ самый Амуръ и подняли тамъ русскій флагъ, объявивъ весь Приамурскій край владѣніемъ Россіи.

Однако, когда въ Петербургѣ узнали о такихъ дѣйствіяхъ храбрыхъ патріотовъ, то не только не одобрили, но и нашли ихъ «въ высшей степени дерзкими, достойными строжайшаго наказанія», а Невельского хотѣли, на страхъ прочимъ, разжаловать въ рядовые. Только заступничество генераль-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева спасло храбрыхъ моряковъ отъ грозы. Иначе взглянулъ на «продерзостный» поступокъ ихъ и государь императоръ Николай Павловичъ, который изволилъ отозваться, что «поступокъ Невельского Онъ находитъ молодецкимъ, благороднымъ и патріотическимъ». Относительно поднятаго моряками флага Его Величество замѣтилъ: «гдѣ разъ поднять русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ» *).

*) Тамъ же, см. стр. 114.

(Эти знаменательныя слова начертаны теперь на памятникѣ Невельскому, поставленномъ во Владивостокѣ) *).

Несмотря, однако, на такое заявленіе государя, прошло слишкомъ восемь лѣтъ, пока русское правительство, повѣривъ правдивости донесеній Невельского (раньше его обвиняли въ обманѣ), торжественно заявило Китаю о своихъ правахъ на Примурскій край.

Все это время Н. Н. Муравьевъ и единомышленная ему партія патриотовъ готовяли дипломатическимъ путемъ торжество идеи Невельского и боролись съ придворною партією,

*) Нѣкто Овсянниковъ сообщаетъ въ „Моск. В.“ (1900 г.) интересныя свѣдѣнія о свиданіи Невельского съ императоромъ Николаемъ I. Государь потребовалъ его къ себѣ во дворецъ и встрѣтилъ серьезно, даже какъ будто сурово, но безъ гнѣва:

— Итакъ, Невельской,—сказалъ императоръ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія,—итакъ, ты организуешь свои собственныя экспедиціи... Такъ, вѣдь?.. Ты измѣняешь, по своему усмотрѣнію, инструкціи, утвержденныя твоимъ государемъ! Да?..

Николай I взялъ лежавшую на столѣ бумагу и снова спросилъ:

— Ну-съ, что-же ты мнѣ на это скажешь?

Невельской хранилъ мертвое молчаніе.

— Эта бумага сдѣлала тебя простымъ матросомъ!—продолжалъ государь, показывая пальцемъ на бумагу, бывшую у него въ рукѣ.

Затѣмъ онъ взялъ карту и началъ медленно водить пальцемъ по пути, пройденному Невельскимъ.

— Матросъ!—воскликнулъ Николай I.—Да, матросъ. Но здѣсь ты уже сталъ мичманомъ, здѣсь... лейтенантомъ, дальше капитаномъ, еще дальше—командиромъ корабля!.. Контръ-адмиралъ... Нѣтъ, еще нѣтъ,—сказалъ Николай I, когда палецъ его остановился на Николаевскѣ.—Нужно сначала наказать тебя за неповиновеніе..

Императоръ взялъ приговоръ комитета, поднялся со своего мѣста, обнялъ Невельскаго и собственноручно надѣлъ ему крестъ ордена Владиміра 4-й степени.

— Спасибо, Невельской,—сказалъ Николай I.—Спасибо за твое усердіе.—Въ другой разъ только будь осторожнѣе: старайся не превышать тѣхъ полномочій, которыя тебѣ даются“..

боявшейся вмѣшательства европейскихъ державъ въ амурскія дѣла или не желавшей затѣвать «хлопотливыя» недоразумѣнія съ Китаемъ, словомъ, не хотѣвшей беспокоиться: извѣстно, что наши дипломаты, оберегая собственное спокойствіе, не любятъ затѣвать хлопотливыхъ дѣлъ.

Адмиралъ Г. И. Невельской.

Тѣмъ временемъ Г. И. Невельской и его сподвижники, въ числѣ которыхъ нужно упомянуть И. К. Бошняка, прапорщика Д. И. Орлова, лейтенанта Гаврилова, прапорщика Семёнова, д-ра Орлова, затѣмъ мичмановъ—Разградскаго, Попова, Чихачева и др., съ командою въ нѣсколько десятковъ матросовъ, ревностно изслѣдовали и описывали открытое ими устье Амура, а также ближайшій къ Амуру берегъ Сахалина. При

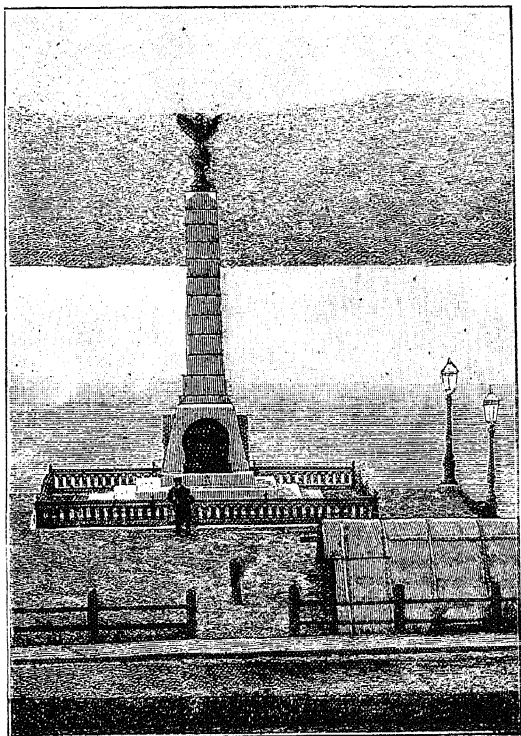
этомъ около 5 лѣтъ (съ 1850 по 1855 годъ) имъ пришлось прожить въ необитаемыхъ мѣстностяхъ, среди самой суровой природы; такова была, напр., Петровская кошка, ихъ штабъ-квартира на дикомъ побережьи Охотскаго моря.

Однако, несмотря на всевозможныя условія и нужду, горсть патріотовъ горячо дѣлала свое скромное, но великое дѣло, подь руководствомъ своего энергичнаго начальника. Результаты ихъ трудовъ можно назвать блестящими. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря имъ русскіе встали твердою ногою на устьѣ Амура; они открыли, что рѣка въ 300 верстахъ выше устья весьма близко подходитъ къ единственному заливу близъ Лимана—де-Кастри; заняли озеро Кази и сосѣдній съ нимъ заливъ де-Кастри, служащій станціей для судовъ, идущихъ съ юга въ устье Амура; открыли богатыя мѣсторожденія каменнаго угля на Сахалинѣ, заняли одну изъ лучшихъ гаваней въ морѣ, гавань императора Николая I, и главные пункты Сахалина. Они доказали независимость жителей Амурскаго края и острова Сахалина и тѣмъ подтвердили право русскихъ, какъ первыхъ европейцевъ, занявшихъ страну; они описали бассейнъ р. Уссури, изслѣдовали Хинганскій становой хребетъ, доказали, что весь край отъ верховья р. Уды къ востоку до моря, заключающій въ себѣ южный и сѣверный бассейнъ р. Амура, устье р. Сунгари и весь бассейнъ р. Уссури, съ ихъ бережьями до Корейской границы, а равно и островъ Сахалинъ, составляютъ неотъемлемую собственность Россіи.

«Вотъ что сдѣлалъ, — пишетъ нѣкто Романовъ *), — въ Приамурскомъ краѣ ничтожный экипажъ транспорта «Байкаль» въ 1849 г. и горсть людей, брошенная въ 1850 г. на дикое побережье Охотскаго моря, среди непроходимыхъ пустынь, за 10,000 верстъ отъ образованнаго міра. Претерпѣвая невыразимыя лишенія: зимою—холодъ, а часто—и голодъ отъ неприсылки судовъ съ припасами изъ Камчатки или Аяна; подвергаясь опасности быть потопленными наводненіемъ, эти добровольные изгнанники изъ образованнаго круга не унывали

*) „Русское Слово“, 1860 г.

не падали подъ бременемъ выпавшихъ на ихъ долю тяжелыхъ трудовъ и лишеній. Руководимая своимъ достойнымъ начальникомъ и примѣромъ его супруги, раздѣлявшей, наравнѣ со всѣми, всѣ опасности и лишения; дѣйствуя всегда внѣ повелѣній, подъ ежеминутнымъ опасеніемъ, при малѣйшей неудачѣ,

Памятникъ Невельскому во Владивостокѣ.

подвергнуться строжайшей отвѣтственности,—эта горсть людей не страшилась ни голодной смерти, ни ножа дикаря, скромно, въ безмолвной тишинѣ пустынь, собирала камни, изъ которыхъ начальникъ ея создалъ твердый фундаментъ для событій, совершившихся на Далекомъ Востоку нашего отечества».

«Если бы подобныя дѣйствія были совершены гдѣ-либо

иностранцами, то мы давно бы затвердили наизусть имена ихъ, боясь показаться варварами предъ образованной Европой. Тогда бы всё удивлялись имъ и провозглашали подвиги ихъ, подобно подвигамъ Росса, Парри, Франклина и пр. Но почти всё мы до сихъ поръ не знаемъ тѣхъ русскихъ именъ, которымъ наше отечество обязано водвореніемъ русскаго вліянія на пустынныхъ берегахъ низовьевъ Амура и прибрежьяхъ Восточнаго Океана, а съ этимъ вмѣстѣ отечество обязано имъ и приобрѣтеніемъ Пріамурскаго и Пріуссурійскаго края, съ ихъ прибрежьями и островомъ Сахалиномъ».

«При этомъ нельзя не отдать должной справедливости,—продолжаетъ г. Романовъ,—тѣмъ женщинамъ, которыя добровольно и бодро раздѣляли труды, лишенія и опасности, не свойственныя ихъ полу. Имена г-жъ Невельской, Орловой и Бачмановой, въ особенности первой, занимаютъ почетное мѣсто въ исторіи Амурскаго и Уссурійскаго края».

«Послѣ роскошныхъ залъ и гостинныхъ,—говоритъ г. Бошнякъ *), одинъ изъ участниковъ экспедиціи Невельскаго,—недавней воспитанницѣ Смольнаго монастыря, со средствами и возможностью жить иначе, пришлось пріютиться въ 3-хъ комнатномъ флигелѣ, раздѣливши его съ семействомъ г. Орлова. Толпы грязныхъ гиліковъ, тунгусовъ и рядъ встрѣченныхъ непріятностей не утратили ее. Мы откровенно сознаемся, что многимъ обязаны ея внимательной любезности ко всѣмъ, и прямо скажемъ, что ея примѣръ благодѣтельно дѣйствовалъ на тѣхъ, можно сказать, несчастливицъ изъ женъ нижнихъ чиновъ, которыхъ судьба забросила, вмѣстѣ со своими мужьями, на горькую долю. Часто находясь въ обществѣ г-жи Невельской, мы никогда не слышали отъ нея ни одной жалобы или упрека; напротивъ, мы всегда замѣчали въ ней спокойное и гордое сознаніе того горькаго, но высокаго положенія, которое предназначило ей Провидѣніе. Занятія по устройству новаго хозяйства и книги прогоняли отъ нея скуку. Во всемъ обнаруживалась твердость ея характера, привычка къ занятіямъ и

*) „Морской Сборникъ“, 1859 г., № 2.

способность обходиться безъ баловъ и вечеровъ—способность, столь рѣдко встрѣчающаяся въ наше время».

«Наконецъ, поспѣть и домъ, въ 5 саж длины и 3 саж. ширины, въ 5 конурокъ; наступила зима, а съ нею вмѣстѣ и тѣ страшныя выюги, въ продолженіе которыхъ погнбло нѣсколько человѣкъ. Вездѣ—холодъ страшный, все замело глыбами снѣга, такъ что для прохода вынуждены были разгребать снѣжные корридоры, а въ казарму иногда выходъ былъ чрезъ чердакъ. Г-жа Невельская проводила зиму одна (всѣ мы были въ командировкахъ), въ комнатахъ при 5° тепла, и, дрожа отъ холода, продолжала оставаться съ тою же стоическою твердостью убѣжденій. Наступилъ 1852 годъ. Неприсылка изъ Камчатки судовъ ставила насъ въ положеніе, болѣе чѣмъ отчаянное. Для грудныхъ дѣтей не было молока, больнымъ не было свѣжей пищи и нѣсколько человѣкъ легло въ могилу отъ цынги *)».

«И тутъ этотъ чудный женскій инстинктъ нашелся, чтобы подать руку помощи страданіямъ. Единственная корова изъ хозяйства г. Невельского, завезенная въ 1851 г., снабжала молокомъ несчастныхъ дѣтей, а солонина явилась за столомъ начальника экспедиціи. Все, что было свѣжаго, дѣлилось пропорціональными частями, и опять ни одной жалобы, ни одного

*) Цынга, можно сказать, спеціальная болѣзнь сѣверныхъ странъ. характеризуется изліяніемъ крови во всѣхъ частяхъ тѣла. У пораженнаго ею больного десны становятся мягки, подобно губкѣ, покрываются кровоточивыми язвами и издають зловонный запахъ. Кожа, отъ выступающей крови, покрывается багровыми пятнами. Ноги пухнуть. Дыханіе затрудняется. Вездѣ чувствуется въ тѣлѣ страшная боль. При дальнѣйшемъ теченіи болѣзни кровь выступаетъ изъ десенъ; легкихъ и кишечника, зубы выпадаютъ, — и больной, въ страшныхъ мученіяхъ, умираетъ, отъ слабости и удушенія. Цынга способствуетъ сырой, смертый воздухъ, недостатокъ свѣжей, особенно растительной, пищи, питаніе солониной, недостатокъ передвиженій... Лучшими средствами противъ этого бича сѣверныхъ странъ служить настой ложечной травы (*Cochlearia officinalis*), растущей на сѣверѣ же въ изобиліи, клюква, лимонъ. подвижная жизнь, свѣжая пища.

Прим. автора.

упрека! Въ такихъ дѣйствіяхъ, по моему мнѣнію, заключаются главные заслуги Амурской экспедиціи: они поддерживали духъ покорности и терпѣнія, безъ чего она должна была бы рушиться. Спросимъ теперь, послѣ этого очерка, многіе ли бы мужчины согласились на подобную жизнь? Конечно, немногіе. А это была женщина 19 лѣтъ! Скажутъ, можетъ быть, что много такихъ примѣровъ. Да, но все-таки въ мѣстахъ, болѣе многолюдныхъ, и гдѣ не было такихъ лишеній, которыя предстояли для женщины въ Амурскомъ краѣ. Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ г-жа Невельская вышла побѣдительницею, несмотря на то, что, конечно, нажила многихъ враговъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ нашихъ захоlustяхъ и закоулкахъ».

Словомъ, судя по словамъ самихъ участниковъ экспедиціи, дамы, во главѣ съ г-жей Невельской, являли собою примѣръ настоящихъ русскихъ женщинъ. Мужественныя, кроткія, терпѣливыя, онѣ были достойными спутницами для своихъ мужей,—оттого, быть можетъ, послѣднимъ и холодная мазанка на Дальнемъ Востокѣ казалась теплымъ, домашнимъ гнѣздомъ. Честь и хвала этимъ благороднымъ труженицамъ, облегчившимъ своимъ мужьямъ ихъ великую задачу и подтвердившимъ достоинство женщины вообще и русской въ особенности!!

Возвращаясь, однако, къ вопросу объ Амурѣ.

Много мѣшали упроченію русскихъ на Амурѣ и козни китайскаго правительства, постоянно натравливавшаго на русскихъ манджуровъ и тунгусовъ. Наконецъ, благодаря настойчивости и политическому такту Н. Н. Муравьева, всякіе пограничные споры кончились, и Китай согласился подписать знаменитый договоръ въ Айгунѣ.

Г. И. Невельской передаетъ о сопровождавшихъ заключеніе трактата церемоніяхъ слѣдующія подробности.

Для заключенія трактата, генераль-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ и китайскій уполномоченный Цзянь-Цзюнь (главнокомандующій), князь И-шанъ, съѣхались въ городъ Айгунѣ, куда генераль-губернаторъ прибылъ 10-го мая 1858 года на катерѣ, при чемъ его сопровождали еще два катера, вооружен-

ные небольшими орудіями. Въ первый день встрѣчи былъ назначенъ обѣдъ у Цзянь-Цзюня, и манджуры уже во время этого обѣда начали заговаривать о «дѣлѣ». Но генераль-губернаторъ предложилъ отложить обсужденіе серьезныхъ вещей до слѣдующаго дня, для того, чтобы не портить веселаго пира. Этимъ генераль, между прочимъ, хотѣлъ показать манджурамъ, что онъ вовсе не торопится переговорами съ ними».

На слѣдующій день начались правильные переговоры, и почти все первое засѣданіе посвящено было выясненію китайцамъ историческаго хода русскихъ завоеваній на Амурѣ, о которыхъ китайцы, повидимому, имѣли очень слабое представленіе. 12-го мая 1858 года Цзянь-Цзюню представленъ проектъ договора изъ пяти пунктовъ. Тотчасъ послѣ этого начались со стороны манджуровъ обычные въ такихъ случаяхъ возраженія. Рассмотрѣвъ проектъ договора, Цзянь-Цзюнь прислалъ на слѣдующій день своего чиновника заявить, что онъ, Цзянь-Цзюнь, никакъ не можетъ подписать такой договоръ, такъ какъ «искони жители Пріамурскаго края платятъ дань Богдыхану и т. д.». Другими словами, чиновникъ сталъ повторять прежніе доводы. Въ доказательство несостоятельности редакціи проекта онъ указывалъ на то мѣсто, гдѣ было написано: «для большей славы и пользы обоихъ государствъ»— и утверждалъ, что его родина и безъ того славна, и «большей славы» ей желать невозможно. Такого рода бесплодныя пренія продолжались четыре дня. 14-го мая генераль-губернаторъ велѣлъ объявить Цзянь-Цзюню, что «лично онъ остается съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, но что, по его мнѣнію, мирнымъ путемъ далѣе вести переговоры будетъ невозможно». Одновременно китайцамъ былъ представленъ ультиматумъ.

Князь И-шанъ, вѣроятно, имѣлъ серьезныя инструкціи, потому что одно упоминаніе о «мирныхъ» и «немирныхъ» способахъ совершенно измѣнило его поведеніе. На слѣдующій же день всѣ недоразумѣнія были улажены, а 16-го мая трактатъ подписанъ почти во всемъ въ той формѣ, какъ онъ первоначально предложенъ генераль-губернаторомъ.

Въ тотъ же день Н. Н. Муравьевъ написалъ Г. И. Невельскому *) слѣдующее письмо.

«Любезный Геннадій Ивановичъ! Сегодня подписанъ трактатъ въ Айгунѣ. Примурскій край утвержденъ за Россією. Сигъшу увѣдомить Васъ объ этомъ знаменательномъ событіи. Отечество никогда не забудетъ Васъ, какъ перваго дѣателя,

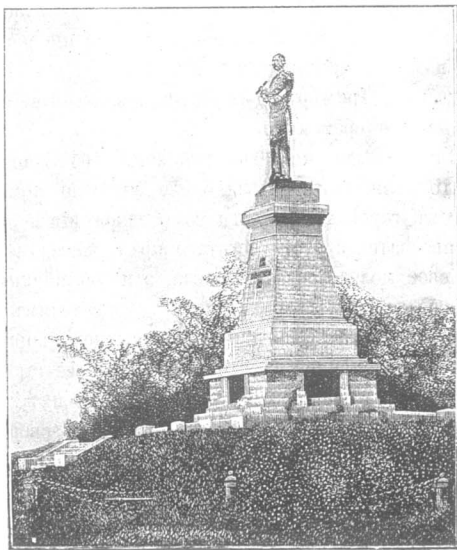

Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій.

создавшаго основаніе, на которомъ воздвигнуто настоящее зданіе. Цѣлую ручки Екатеринѣ Ивановнѣ, раздѣлявшей, наравнѣ съ Вами и со всеми вашими достойными сотрудниками, труды, лишенія и опасности и поддерживавшей Васъ въ этомъ славномъ и трудномъ подвигѣ; искренно Васъ обнимаю, благодарю и еще разъ поздравляю».

*) Въ это время Невельской былъ въ Смоленской губ., въ имѣніи дяди своей жены.

На другой день, 17 мая, Н. Н. Муравьевъ возвратился въ недавно основанный предъ этимъ Благовѣщенскъ, гдѣ 18 мая, въ воскресенье, епископъ Иннокентій (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) торжественно отслужилъ молебенъ. На бывшемъ послѣ молебна церковномъ парадѣ прочтенъ былъ предъ войсками слѣдующій лаконическій приказъ генераль-губернатора.

Памятникъ Муравьеву-Амурскому въ Хабаровскѣ.

«Товарищи, поздравляю васъ! Не тщетно трудились мы! Амуръ сдѣлался достояніемъ Россіи! Святая православная церковь молитъ за васъ. Россія благодаритъ. Да здравствуетъ Императоръ Александръ II и да процвѣтаетъ подъ кровомъ Его вновь пріобрѣтенная страна.—Ура!!».

Такимъ образомъ, 16-го мая 1858 г. Россія совершенно мирнымъ путемъ увеличила свои владѣнія на полмилліона квадратныхъ верстъ богатой территоріи, открывшей Сибирь

естественный выходъ къ океану. Нечего и говорить, что всѣ виновники этого важнаго въ исторіи Россіи трактата были щедро награждены государемъ, начиная съ Муравьева, который получилъ графскій титулъ.

Вскорѣ послѣ этого, Айгунскій трактатъ былъ подтвержденъ Тянь-Цзинскимъ и Пекинскимъ 1860 г., укрѣпившимъ за русскими и Уссурійскій край. Въ этомъ случаѣ наши дипломаты, Игнатъевъ и Путятинъ, умѣло воспользовались англо-французскою войною съ Китаемъ и, устроивъ соглашеніе между воюющими сторонами, успѣли извлечь пользу для Россіи изъ своего положенія. Примѣръ, достойный подражанія и для дипломатовъ нашего времени!!

Теперь, когда для насъ вполне ясно громадное значеніе Пріамурскаго края, какъ нельзя болѣе умѣстно помянуть добрымъ словомъ геройскіе подвиги самоотверженія первыхъ пионеровъ и завоевателей этого богатаго края, часто платившихъ жизнью за свое молодечество. Правда, эти російскіе Пизарро и Кортесы, не уступая американскимъ завоевателямъ въ отвагѣ и твердости, не уступали имъ и въ ненасытномъ корыстолюбіи, а также въ безчеловѣчной жестокости. Но все-таки русскій народъ съ признательностью вспоминаетъ имена ихъ, такъ какъ они первые проложили путь къ рѣкѣ Амуру и своимъ водвореніемъ на ея берегахъ дали Россіи неоспоримое право на ихъ владѣніе.

Здѣсь, кстати приведемъ отрывокъ изъ стихотворенія одного изъ позднѣйшихъ дѣятелей края, Л. Волкова *), посвященный первымъ русскимъ пионерамъ.

„Не богатъ нашъ край преданьями	Вой вести пришлось съ холодомъ,
Эпопей вѣковой,	Съ бездорожіемъ тайги,
Переполненъ онъ страданьями,	Неизвѣстностью и голодомъ
Тьмой глубокой и нуждой.	Замедлялись ихъ шаги...
Не легка была съ природою	Да! тяжелыми лишениями
Первыхъ выходцевъ борьба...	Покорень Амурскій край!..

*) Сотникъ Л. П. Волковъ, имѣвшій недюжинный поэтический талантъ, былъ одинъ изъ первыхъ жертвъ нашего столкновенія съ Китаемъ и убитъ въ дѣлѣ подъ Айгуномъ, 21 іюля 1900 г.

Подъ трудами невозможными
 Надломилось много силъ;
 Подъ деревьями таежными
 Много вырыто могилъ...
 Не волнуясь больше злобами
 Завоеванной рѣки,

Спать подъ снѣжными сугробами
 Безпробудно казаки.
 И поеть имъ память вѣчную
 Дикимъ голосомъ пурга,
 Да бесѣду безконечную
 О быломъ ведетъ тайга»...

II.

Изслѣдованія Амурскаго края путешественниками.

Недостаточность изслѣдованія Амурскаго края въ научномъ отношеніи.—Историческій ходъ экспедицій, направленныхъ на Амурь.—Путешествіе Миддендорфа.—Жизнь и дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка.—Краткое описаніе Амурскихъ горъ, теченія рѣки Амура и его главнѣйшихъ притоковъ.

Занимая громадное пространство въ нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ, Амурскій край является, несомнѣнно, одною изъ обширнѣйшихъ областей нашего отечества *). При такой обширности, при неодинаковости устройства поверхности, заключая въ себѣ, съ одной стороны, бассейнъ одной изъ величайшихъ рѣкъ земнаго шара **), съ другой—обширную горную страну,—Амурскій край отличается крайнимъ разнообразіемъ и климата, и своей фауны и флоры. Все это дѣлаетъ его одною изъ интереснѣйшихъ странъ для научныхъ изслѣдованій. Между тѣмъ путешественники рѣдко избирали его цѣлью своихъ экспедицій, и этотъ богатѣйшій край оказался гораздо менѣе изслѣдованнымъ, чѣмъ другія, гораздо позже присоеди-

*) Въ административномъ отношеніи Амурскій край составляетъ одно генераль-губернаторство, въ составъ котораго входятъ: Амурская область—393,400 кв. верстъ при 118,000 населенія, Приморская—1.688,424 кв. в. съ населеніемъ въ 220,000 чел. и Забайкальская—520,000 кв. в. при 664,000 населенія. Мы имѣемъ въ виду собственно Амурскую область и Уссурийскій край—Приморской области.

**) Длина Амура отъ соединенія Шилки и Аргунни—около 3,000 верстъ, а если принять за верховье ея—Ононь, то болѣе 4,000 верстъ.

ненныя области Россіи, напр., Туркестанскій край. Правда, при совершенной дикости и ненаселенности большей части края, при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, изслѣдованія представляютъ тамъ большія трудности,—оттого мы и видимъ, что путешественники больше работали въ доступныхъ, сравнительно, мѣстностяхъ: по берегамъ Амура и въ низовьяхъ его главнѣйшихъ притоковъ,—но, вѣдь эти тяжелыя условія не должны же представлять непреодолимыхъ препятствій для страстныхъ изслѣдователей природы! На экспедиціяхъ Пржевальскаго, Пѣвцова, Потанина и др. мы видимъ, что можно работать при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, въ самой «отчаянной» обстановкѣ.

Не будемъ разбирать, что было причиной такого невниманія по отношенію къ богатѣйшему краю Россіи; нужно надѣяться, что теперь, съ основаніемъ Амурскаго отдѣла Географическаго Общества и съ проведеніемъ Великой Сибирской дороги, Амуръ скоро привлечетъ къ себѣ ученыя силы, а пока съ грустью принуждены удостовѣрить печальный фактъ что, за исключеніемъ небольшой, сравнительно, прибрежной полосы и устьевъ, весь Амурскій край, особенно гористая часть его. (къ сѣверу отъ рѣки Амура) остается для насъ почти совсѣмъ невѣдомою страной. У насъ имѣются только отрывочныя свѣдѣнія, изъ которыхъ мы и постараемся составить болѣе или менѣе цѣльное описаніе. Но прежде сообщимъ, вкратцѣ, историческій ходъ изслѣдованій Амура.

Первыми изслѣдователями, посѣтившими (еще въ 1735 г.) великую Черную рѣку, были геодезисты Скобельцынъ и Шетилловъ; но объ ихъ путешествіи почти ничего неизвѣстно. По той же причинѣ приходится пройти молчаніемъ и поѣздку полк. Лодыженскаго въ 1832 г. Честь перваго и притомъ наиболѣе обстоятельнаго изслѣдованія края принадлежитъ недавно скончавшемуся (16 янв. 1894 г.) академику А. Ф. Миддендорфу, который занялся его изслѣдованіемъ на возвратномъ пути (въ 1844 г.) изъ своей замѣчательной экспедиціи на Сѣверъ и Востокъ Россіи. Этотъ неутомимый путешественникъ въ теченіе 4 зимнихъ мѣсяцевъ обошелъ южные склоны Станового хребта,

изслѣдовалъ большую часть бассейна Амура и вынесъ столько драгоценныхъ данныхъ, что его путешествіе и до сихъ поръ считается самымъ обстоятельнымъ *).

Въ виду этого мы считаемъ нелишнимъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Миддендорфа, — этого отважнаго русскаго дѣятеля на поприщѣ науки и практической жизни.

Александръ Федоровичъ Миддендорфъ, почетный членъ Императорской Академіи Наукъ, отличался самыми разносторонними способностями: неутомимый путешественникъ и талантливый натуралистъ, искусный врачъ и опытный сельскій хозяинъ, — онъ вездѣ занималъ выдающееся положеніе и всегда проявлялъ рѣдкую энергію къ дѣлу. Плодомъ его дѣятельности остался цѣлый рядъ работъ, снискавшихъ ему громкую извѣстность **).

По мѣсту рожденія Миддендорфъ — петербуржецъ. Онъ родился 8 августа 1815 г., воспитывался въ 3-й гимназіи, потомъ въ Педагогическомъ институтѣ и Дерптскомъ университетѣ. Удостоенный въ послѣднемъ степени доктора медицины, въ 1831 г., онъ вслѣдъ за тѣмъ около двухъ лѣтъ слушалъ лекціи по естествознанію и медицинѣ въ лучшихъ заграничныхъ университетахъ. По возвращеніи въ Россію, его назначили на кафедру зоологіи въ Кіевскій университетъ, а въ слѣдующемъ, 1840 году предложили принять участіе въ экспедиціи

*) Маршрутъ Миддендорфа шелъ по такому направленію: р. Тургуръ, р. Немилень, р. Керби, переваль чрезъ Бурейскія горы, внизъ по Бурей до устья р. Нимань, потомъ вверхъ по этой послѣдней и ея притоку Кебели, далѣе, водораздѣломъ Буреи и Селимджи, вершинами горныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Селимджу, водораздѣломъ между послѣдней и Зеей, Зейскимъ краемъ до устья р. Гилюя, вверхъ по Гилюю, водораздѣломъ между послѣднимъ и р. Олдоемъ, наконецъ, долиной Амура отъ устья р. Уричи къ Усть-Стрѣлочному посту.

***) Кромѣ капитальнаго своего труда, „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири“, Миддендорфъ написалъ рядъ изслѣдованій: „О зайцахъ“, „О сибирскихъ мамонтахъ“, „О буромъ медвѣдѣ“, „О задачахъ гиппологіи“ и др., помѣщенныхъ частью въ нѣмецкихъ, частью въ русскихъ журналахъ.

Бѣра въ Лапландію. Это первое путешествіе, помимо научныхъ результатовъ, имѣло для молодого натуралиста еще и другое значеніе; оно закалило тѣло юноши и внушило ему страстную любовь къ нашей угрюмой, суровой сѣверной природѣ. Онъ съ наслажденіемъ могъ лежать по цѣлымъ ночамъ въ Лапландскихъ болотахъ, подкарауливая водяныхъ птицъ, а какъ пѣшеходъ могъ утомить самаго крѣпкаго моржебойца. Умѣлъ онъ собственноручно построить лодку, умѣлъ и управлять ею въ студеныхъ волнахъ сѣвернаго моря и, обладая вѣрнымъ глазомъ, зналъ, что не уйдетъ отъ его пули дичь. Сѣверная природа, несмотря на свою непривѣтливость, пришлась такъ по душѣ Миддендорфу, что, возвратившись изъ Лапландіи, онъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ предложеніе Академіи Наукъ—снарядить ученую экспедицію для изслѣдованія сѣверныхъ береговъ Сибири, именно Таймыра, самой сѣверной и самой пустынной части Сибири.

Путешествіе по суровой странѣ, безъ достаточныхъ запасовъ провіанта и багажа, было полно лишеній, начавшихся съ прибытія въ г. Туруханскъ (на р. Енисеѣ), начальный пунктъ экспедиціи.

Едва общество путешественниковъ, состоявшее, кромѣ Миддендорфа, изъ датчанина Брандта, одного топографа и 3-хъ казаковъ, тронулось въ апрѣлѣ 1843 г. изъ Туруханска по направленію къ р. Таймуру, какъ спутники Миддендорфа заболѣли корью. Эта болѣзнь свирѣпствовала тогда эпидемически, не щадя самыхъ отдаленныхъ самоѣдскихъ юртъ въ тундрѣ, и поѣтому мѣшала нашимъ путешественникамъ воспользоваться услугами такихъ опытныхъ и свѣдущихъ въ тундрѣ людей, какъ самоѣды. Безъ помощи послѣднихъ, они принуждены были цѣлыхъ два мѣсяца проводить ночи подъ открытымъ небомъ, не зная палатокъ. Наконецъ, перебираясь отъ одной самоѣдской стоянки къ другой, экспедиція добралась 14 іюня до р. Таймура. Здѣсь построили небольшую (въ 12 футовъ длины) лодку и, дождавшись вскрытія рѣки, тронулись внизъ по теченію.

Главною цѣлью путешествія лѣтомъ было изслѣдованіе неизвѣстнаго теченія Таймура, но экспедиція еще не достигла

моря, какъ съ 6 августа начались ночные морозы. Между тѣмъ недостаточная пища, неимовѣрные труды путешествія по холодной водѣ, при вѣтренной погодѣ, наконецъ, страшный холодъ, — все это истощало силы путешественниковъ. Кое-какъ они достигли моря, по которому и плыли до 76° с. ш., въ теченіе двухъ дней. Но скоро пришлось подумать объ обратномъ путешествіи, такъ какъ приближавшаяся быстрыми шагами зима грозила застать ихъ въ морѣ. 26 августа путешественники повернули назадъ. Къ счастью первое время дулъ попутный вѣтеръ, такъ что «Тундра», — такъ называлась ихъ лодка, — быстро летѣла по волнамъ, хотя была уже покрыта ледяной корой. Холодъ, сырость и голодъ мучили ея экипажъ, ежедневно шель снѣгъ и крупа. Благодаря сильному вѣтру, уже при 2—3° Р. платье путешественниковъ обледенѣло. Такія затрудненія заставили ихъ остановиться на нѣсколько дней въ попавшейся на пути пещерѣ.

Но вотъ, 8 сентября Миддендорфъ, охотившійся по высотамъ за куропатками, увидѣлъ въ трубу серебристую полосу: это былъ ледъ, покрывавшій озеро, черезъ которое протекала р. Таймуръ. Пришлось немедленно сняться въ путь, несмотря на вѣтеръ и погоду. Тутъ наступило совершенное безвѣтріе, и Миддендорфъ съ изумленіемъ увидѣлъ, какъ только что пройденное пространство воды покрывалось тонкимъ сплошнымъ льдомъ. Путешественникамъ грозила очевидная опасность замерзнуть среди озера. Они повернули лодку на фарватеръ рѣки, но уже и тамъ ледъ предупредилъ ихъ. Къ довершенію бѣдствія, опять поднялся вѣтеръ, ледъ пришелъ въ движеніе и раздробилъ лодку, вмѣстѣ съ которою погибли сѣстные припасы и рыболовная сѣть. Кой-какъ состроили санки, сложили на нихъ оставшіяся пожитки и продолжали путь пѣшкомъ. Но не прошли и 3 версты какъ санки сломались. А тутъ еще Миддендорфъ совершенно лишился силъ. Положеніе экспедиціи стало отчаяннымъ: голодные, холодные, безъ крова, путешественники отчаялись въ спасеніи. Припасы истощились. Пришлось даже прирѣзать вѣрную собаку Миддендорфа. Кровь ея и костяной наваръ были тотчасъ же съѣдены сообща, а мясо раздѣлили на разныя части. Наконецъ,

путешественники рѣшились на отчаянное средство: оставили больного предводителя совершенно одного въ снѣжной пустынь, близъ 75° с. ш., а остальные съ узелками платья на спинѣ и остатками собачьяго мяса пошлѣ по направленію кочевьевъ самоѣдовъ, которые-бы могли подать помощь.

Между тѣмъ силы все больше и больше покидали Миддендорфа. Онъ уже не могъ подняться съ мѣста, чтобы достать себѣ воды. Мятель заносила его снѣгомъ. Тягостныя чувства, терзавшія его, не давали уснуть. Порою ему казалось, что онъ сходитъ съ ума. Наконецъ, собравши послѣдній остатокъ силъ, онъ зажегъ оставшіяся дрова, растопилъ на огнѣ немного снѣгу и влилъ туда спирту изъ-подъ препаратовъ. Напитокъ успокоилъ его. Онъ заснулъ и проснулся, сравнительно, гораздо бодрѣ... Прошло 18 дней, казавшихся безконечными въ томительномъ ожиданіи... А помощь все не приходила. Чтобы утолить голодь, Миддендорфъ поѣлъ всѣ кожаныя вещи, даже посуду изъ бересты. Больше уже ничего не оставалось для наполненія желудка. Несчастному грозила голодная смерть со всѣми ся ужасами... Однако, судьба сжалилась надъ нимъ: когда онъ уже совсѣмъ отчаялся въ спасеніи, явились самоѣды на своихъ быстроногихъ оленяхъ. Уложивши ослабѣвшаго путешественника на сани, они помчались къ своимъ дымнымъ юртамъ и 21 октября были уже въ своемъ кочевьѣ, на р. Боганидѣ, притокѣ Хеты, впадающей въ Хатангу. Оправившись у гостепріимныхъ дикарей, экспедиція тронулась въ обратный путь и 22 ноября была уже въ Туруханскѣ.

Здѣсь Миддендорфъ пробылъ мѣсяцъ съ небольшимъ и, запасшись свѣжими силами, 1 января 1844 г. отправился въ Якутскъ, чтобы оттуда двинуться къ Удскому острогу и на Шантарскіе острова. Путь, хотя былъ не опасенъ, но почти такъ же труденъ, какъ и по тундрамъ, особенно, когда пришлось всходить на Становой хребетъ. Поваленныя деревья, крутые склоны, кучи камней и каменные розсыпи изнуряли и вьючныхъ животныхъ, и людей. Громадныя болота и бушующія горныя рѣки заставляли дѣлать большіе обходы. Иногда приходилось прочищать дорогу топоромъ. Наконецъ, путники съ

трудомъ добрались до Удскаго острога, соорудили кожаную лодку и стали спускаться внизъ по Удѣ до моря. Непривѣтливо встрѣтилъ путешественниковъ океанъ. Безпрерывные туманы, утесистые берега, къ которымъ трудно было пристать, и подводныя камни, наконецъ, холодная вода ($+2,4^{\circ}$ P.),—

Академикъ А. Ф. Миддендорфъ.

все это крайне затрудняло путешествіе. Однако, неутомимые путешественники не унывали. Наконецъ, изслѣдовавши побережье океана, они возвратились въ Удскій острогъ.

Отсюда Миддендорфъ предпринялъ новое большое путешествіе, какого никто до него не предпринималъ, да врядъ-ли кто предприметъ и въ будущемъ, — именно, онъ рѣшился про-

ѣхать нѣсколько тысячъ верстъ по южной, сибирской границѣ Россіи, по безлюдной, лишенной дорогъ, пустынѣ, при томъ зимою. Не перечисляя всѣхъ неизвѣстныхъ до того времени рѣкъ, которыя пришлось перейти неутомимому путешественнику, и горъ, встрѣчавшихся ему на пути, замѣтимъ только, что Миддендорфъ, достигнувъ 26 января 1845 г. самыхъ отдаленныхъ казачьихъ постовъ при слияніи Шилки и Аргуни; въ первый разъ послѣ болѣе чѣмъ 6-ти-мѣсячнаго путешествія отдохнулъ подъ кровлей.

Дальнѣйшій путь его не представляетъ ничего особеннаго. 13 апрѣля 1845 г. онъ возвратился въ Петербургъ, сдѣлавъ въ теченіе 2 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ 28,000 верстъ, изъ нихъ болѣе тысячи по пустынямъ, почти совершенно необитаемымъ.

По окончаніи этого путешествія, избранный въ члены Академіи Наукъ, Миддендорфъ занялся разработкою собранныхъ имъ богатыхъ коллекцій. Но разстроенное сибирскою экспедиціею здоровье немного позволило ему быть въ Петербургѣ. Въ 1855 г. его избрали было въ непремѣнные секретари Академіи, но уже чрезъ два года онъ принужденъ былъ, по болѣзни, сложить съ себя это званіе и удалился въ свое имѣніе въ Лифляндіи, гдѣ съ увлеченіемъ занялся сельскимъ хозяйствомъ, особенно скотоводствомъ.

Въ имѣніи знаменитый путешественникъ пробылъ до самой смерти (16 января 1894 года) и только три раза покидалъ свое уединеніе, — именно въ 1867, 1869 и 1870 гг., когда ему пришлось сопровождать Великихъ Князей Владиміра и Александра Александровичей въ ихъ путешествіи по Россіи къ Бѣлому морю, на Новую землю и другія мѣста. Тогда же, при посѣщеніи Новой Земли, Миддендорфъ убѣдился, что Гольфстремъ, это животворное теплое теченіе, оказывающее громадное вліяніе на климатъ Европы, особенно западныхъ и сѣверозападныхъ береговъ ея, заходитъ за Новую Землю. Живымъ доказательствомъ этого являются кокосовые орѣхи и даже большіе обломки тропическихъ деревьевъ, заносимые сюда съ юга.

Возвратимся, однако, къ Амурскимъ экспедиціямъ.

Вскорѣ послѣ Миддендорфа на Амуръ отправилась экспе-

диція подполковника Ахте, охватившая своими съемками (съ 1849 по 1853 гг.) громадную площадь отъ сѣверныхъ склоновъ Станового хребта до лѣваго побережья Амура. Результатомъ ея явилось исправленіе карты Амура. О другихъ работахъ ея ничего неизвѣстно.

Съ 1854 г. по 1856 г. на Амурѣ работали двѣ экспедиціи: академика Леопольда ф.-Шренка, которая собрала громадныя естественно-научныя коллекціи, и К. И. Максимовича (впослѣдствіи тоже академика), который далъ намъ самое живое описаніе края.

Въ томъ-же году посѣтила Амуръ военная экспедиція (Пермикинъ, Аносовъ, Поповъ и Свербеевъ), сопровождавшая генераль-губернатора во время его плаванія по рѣкѣ Амуру.

Въ 1855 г. начала свои работы большая Сибирская экспедиція Географическаго Общества (астрономъ Шварцъ, натуралистъ Радде, офицеры: Орловъ, Усольцевъ, Рожковъ и Смирягинъ, художникъ Мейеръ и впослѣдствіи Шмидтъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ Сибирскій отдѣлъ Общества въ свою очередь послалъ экспедицію подъ начальствомъ Маака, которая вернулась въ слѣдующемъ году, тогда какъ Шварцъ со своими товарищами проработалъ до конца 1862 года. Послѣдняя экспедиція охватила своими изслѣдованіями обширный районъ отъ Саянскихъ горъ на западѣ до Охотскаго моря, о-ва Сахалина и оз. Ханка на востокѣ.

Въ 1859 г. тотъ-же Маакъ и затѣмъ Максимовичъ совершили путешествіе по р. Усури, а въ 1865 г. съ тою-же цѣлью былъ Гельмерсенъ.

Въ 1866 г. производилъ съемку Сунгари Хилковский.

Въ 1868 и 69 гг. работалъ въ Уссурійскомъ краѣ столь прославившійся впослѣдствіи Н. М. Пржевальскій.

Въ 1870 г. экспедиція Географическаго Общества, подъ начальствомъ архим. Палладія занималась съемкою пути отъ Айгуна до Пекина.

Съ 1872 по 1899 гг. работы по изслѣдованію Амурскаго края ограничивались, большею частью, съемкою пути и только изрѣдка описаніемъ. Наконецъ, въ 1891 г. состоялась извѣст-

ная поѣздка проф. Коржинскаго, снаряженная Восточно-Сибирскимъ отдѣломъ Географическаго Общества для изученія почвы и растительности края. Въ томъ же году совершилась экспедиція въ Хинганъ Путяты, а въ 1889—93 гг. работала въ Уссурийскомъ краѣ экспедиція горнаго инженера Иванова.

Изъ одного этого перечня научныхъ изслѣдованій видно, какъ неполны наши свѣдѣнія о сѣверной окраинѣ Амурской области—Становомъ хребтѣ и его отрогахъ. Поэтому намъ придется ограничиться одними общими замѣчаніями, которыя читатель найдетъ въ слѣдующихъ главахъ, въ описаніи притоковъ рѣки Амура. Теперь-же мы скажемъ нѣсколько словъ объ Яблоновомъ или Становомъ хребтѣ *), наполняющемъ своими отрогами всю сѣверную часть Амурскаго края.

Становой хребетъ спускается къ долинѣ средняго теченія Лены очень скалистыми уступами, изрѣзанными, къ тому-же, такими извилистыми и крутоярыми падыми, что даже неустрашимымъ завоевателямъ Сибири—казакамъ онѣ казались почти непроходимыми. Въ общемъ-же хребетъ носитъ характеръ плоскогорій, изъ которыхъ тамъ и сямъ выдаются крутыя коническія вершины (6—7,000 футовъ), обозначающія протяженіе края. Такой-же видъ имѣетъ Становой хребетъ и съ юга: южные склоны его представляются намъ широкими, плоскими грубопесчаными съ гальками, горами, въ которыя глубоко врѣзываются рѣчныя долины. Эти горы покрыты сплошнымъ лѣсомъ изъ черной и бѣлой березы, дуба, осины и орѣшника, а выше лѣса тянутся моховыя болота и мочажины, по которымъ по всѣмъ направленіямъ сбѣгаютъ ручьи. Такова суровая и вмѣстѣ съ тѣмъ однообразная природа сѣверной полосы Амурскаго

*) Въ названіяхъ этого хребта и его отроговъ существуетъ большое разногласіе. Г. Е. Грумъ-Гржимайло предлагаетъ называть Становымъ хребтомъ всю цѣпь отъ 117° до Чукотской земли, а названіе Яблоноваго оставить только за юго-западною частью хребта, отъ Кентея до поворота Витима; точно также онъ совѣтуетъ называть горы лѣваго побережья Буреи — Буреинскими, а продолженіе ихъ на правомъ берегу Амура — малымъ Хинганомъ.

края, которую разнообразять развѣ только одинокія горы (гольцы), торчація по всеѣмъ направленіямъ.

Плоскія горы выше Благовѣщенска мѣстами имѣютъ болѣе глубокую почву, способную къ обработкѣ; но по мѣрѣ приближенія къ верховьямъ Амура плоскогорія становятся выше, удобную для обработки почву смѣняютъ болота,—и вся страна принимаетъ суровый, угрюмый характеръ. Въ верхнемъ теченіи Амуръ является уже запертымъ среди рядовъ утесовъ и скалъ, раздѣленныхъ узкими и глубокими ущельями, одѣтыми соснами и лиственницами.

Стиснутый крутыми берегами, которые только мѣстами расходятся, понижаясь въ рѣчныя долины, въ устьяхъ притоковъ. Амуръ имѣетъ здѣсь ширину всего 250—300 саж. *). Долины эти покрыты большею частью ивой, черемухой, а иногда — березой и лиственницей.

У станицы Амазаръ къ Амуру подходятъ крутыя, скалистыя горы, отроги Большаго Хингана, между которыми онъ течетъ большими извилинами, причемъ ширина амурской долины не болѣе 2 верстѣ. За рѣчку Невѣромъ гористые берега раздвигаются, рѣка разливается шире (до 400 саж.) и образуетъ множество острововъ, съ которыхъ открывается прекрасная картина внизъ по рѣкѣ: Амуръ течетъ въ открытой долинѣ среди множества острововъ, поросшихъ богатою растительностью, которая какъ бы сливается съ богатыми пажитями и лѣсами обоихъ его береговъ,—и вся эта масса зелени окаймлена дикими скалами, длинными, расходящимися цѣпами, уходящими въ даль. У Албазина долина рѣки еще болѣе расширяется, но чрезъ нѣсколько десятковъ верстѣ суживается, теченіе дѣлается извилистымъ, берега опять поднимаются крутыми обрывами, покрытыми наверху лиственнымъ лѣсомъ. Далѣе слѣдуютъ мѣстами низкіе берега, чередуясь съ высокими, и между Албазинымъ и Кумарой мелководье въ началѣ лѣта

*) Названіе Амура рѣка получаетъ отъ Усть-Стрѣлки, соединенія Шилки и Аргуни, откуда и начинается правильное судоходство, между тѣмъ какъ по Шилкѣ оно стѣснено мелководьемъ.

часто затрудняетъ судоходство. У Корсаковской станицы горы близъ рѣки кончаются, и долина, начиная со впаденія Зеи, на правомъ берегу гораздо выше, чѣмъ на лѣвомъ. Вообще отъ Кумары до Благовѣщенска (устья Зеи) Амуръ собранъ въ одно русло, и судоходство удобно.

Принявъ Зею, Амуръ расширяется до $1\frac{1}{2}$ —2 версты, а принимая во вниманіе острова, и до 3 версты. вмѣстѣ съ этимъ лѣвый берегъ понижается и производитъ впечатлѣніе громадной, безлѣсной равнины, теряющейся на далекомъ горизонтѣ. Взамѣнъ лѣсовъ, здѣсь всюду видѣются роскошныя луговья травы, а мѣстами непроходимыя болота съ тростниками. Правый берегъ большею частью тоже скорѣе низменный. Несмотря на это, по всему участку отъ Зеи до Буреи судоходство свободно.

Ниже устья р. Буреи Амуръ версты на 120 пробивается чрезъ горы Малый Хинганъ и на этомъ пространствѣ ширина его уменьшается до 300 саж. Берега его становятся круги и обрывисты, и кажется, что рѣка течетъ среди громаднаго каменнаго корридора. Зато берега покрыты здѣсь роскошною растительностью, состоящею изъ кленовъ, ясеней, ильма, бѣлой березы, липы, ольхи и черемухи, перевитыхъ вьющимися растеніями, напр., дикимъ виноградомъ. Ниже Хингана Амурская долина опять становится однообразной: обиліе низкихъ, болотистыхъ острововъ, почти полное отсутствіе лѣса и слабая населенность придаютъ ей унылый видъ.

Вскорѣ въ Амуръ, поворотившій на С.-В., впадаетъ его главный правый притокъ Сунгари; эта рѣка, со своими притоками—Нонни и др., орошаетъ большую часть Манджуріи. Мутныя, желтовато-бѣлыя воды Сунгари, происходящія отъ взвѣшенныхъ въ нихъ мельчайшихъ глинистыхъ частицъ, такъ рѣзко отдѣляются отъ чистыхъ, но болѣе темныхъ водъ Амура, что, по словамъ Максимовича, «можно держать руку пальцами въ водѣ одной рѣки, а ладонью—въ другой».

Нѣсколько далѣе, Амуръ принимаетъ Уссури, вблизи устья котораго вправо поднимается гора Хехцырь, а лѣвѣе берегъ по прежнему остается низменнымъ. За Уссури Амуръ сразу

расширяется до $1\frac{1}{2}$ версты и образуетъ множество острововъ съ обрывистыми песчаными берегами. Низкіе берега идутъ вообще верстъ на 180, затѣмъ они повышаются, затѣмъ лѣвый образуетъ нѣсколько сопокъ. Лиственный лѣсъ верхняго теченія Амура здѣсь смѣняется хвойнымъ, настоящей сибирской «тайгой». Чѣмъ ближе къ Горыни, тѣмъ выше становятся береговыя горы, — нерѣдко попадаются и «гольцы», — небольшія кручи снѣга или горы, лишенныя растительности и поросшія мхами. Эти горы носятъ названіе Горынскаго хребта. Ниже Горыни лѣвый берегъ и мѣстность къ сѣверу отъ него представляетъ уже обширную равнину, покрытую озерами, направо же все еще идутъ горы.

У Софійска Амуръ встрѣчается съ невысокими отрогами Сихотэ-Алина и поворачиваетъ на сѣверъ. Здѣсь, вблизи правого берега, у подножья горъ, лежитъ большое озеро Кизи, соединенное протоками съ Амуромъ и отстоящее отъ моря (залива де-Кастри) всего въ 20 верстахъ. Стоило-бы провести здѣсь каналъ, — и судоходство много бы выиграло, такъ какъ каналъ позволилъ бы избѣгать мелкихъ и опасныхъ устьевъ Амура. Впрочемъ, у правительства и существуетъ уже такого рода предположеніе.

Ниже Кизи Амуръ принимаетъ слѣва значительный притокъ—Агмунь, при чемъ лѣвый берегъ опять становится гористымъ. Принявъ этотъ притокъ, Амуръ огибаетъ сѣверную оконечность хребта Сихотэ-Алинъ и вливается въ Татарскій проливъ, образуя обширный лиманъ (Амурскій), забросанный песками и иломъ. Ширина рѣки въ устьѣ, между входными мысами Табакъ и Пронге — 14 верстъ; здѣсь берега рѣки, особенно правый, окаймлены невысокими лѣсистыми горами, которыя мѣстами спускаются къ самой водѣ, въ видѣ скалистыхъ обрывовъ. Глубина Амура въ устьѣ, въ лучшемъ фарватерѣ, южномъ (всего у Амура три фарватера), доходитъ мѣстами до 84 футь, не спускаясь ниже $13\frac{1}{2}$.

Кромѣ трехъ выше названныхъ большихъ притоковъ (Зеи, Буреи и Амгуни), Амуръ принимаетъ еще слѣва Амазаръ и Олдой выше Зеи, а ниже Буреи и Уссури — Горынь. Значи-

чительныхъ правыхъ притоковъ, кромѣ Сунгари и Усури, Амуръ не имѣеть.

Первый изъ этихъ притоковъ — Амазаръ — представляетъ довольно значительную рѣку, около 300 верстъ длиною. Онъ начинается въ Становомъ хребтѣ и течетъ по долинѣ, стѣсненной довольно высокими, въ низовьяхъ, горами, принимая по дорогѣ множество мелкихъ рѣченокъ. Недалеко отъ устьевъ его открыты, говорятъ, минеральные ключи.

Слѣдующій лѣвый притокъ Амура—р. Олдой—по длинѣ, одинаковъ съ Амазаромъ (около 250 в.). Онъ течетъ въ довольно узкой долинѣ, ограниченной не очень высокими горами; долина эта мѣстами расширяется и представляетъ то болотистыя, то сухія, покрытыя роскошными лѣсами низменности. Путешествовать по бассейну этой рѣки очень затруднительно: съ одной стороны, непроходимая тайга, съ другой—топкія болота представляютъ непреодолимые препятствія.

Главнѣйшій лѣвый притокъ Амура, р. Зея (1,000 в. длины) беретъ свое начало на южныхъ склонахъ Станового хребта. Бассейнъ этой рѣки охватываетъ огромный районъ, раскинутый по склонамъ горъ. На сѣверѣ, куда ни кинуть взоръ, всюду виднѣются нагроможденные другъ на друга горы, одѣтыя непроходимымъ лѣсомъ; а узкія ущелья ихъ испещрены озерами, обросшими ивовыми и тиссовыми кустарниками, больше же покрыты мшистыми болотами. Къ югу горы эти постепенно понижаются, долины ихъ расширяются, наконецъ, мѣстность превращается въ необозримую равнину, покрытую высокою травою.—Это настоящія американскія преріи. Мѣстами рѣчная долина Зеи опять суживается, а горы начинаютъ стѣснять русло рѣки. Такъ, напр., путешественникъ Усольцевъ описываетъ такое ущелье, ниже устья Монгди.

«Теченіе становилось быстрѣе. У береговъ и въ срединѣ появились камни. Они обозначались періодическими всплесками воды. И чѣмъ мы плыли далѣе, тѣмъ ихъ обозначалось болѣе. Наконецъ, рѣка во всю ширину заволновалась, во многихъ мѣстахъ камни высывались изъ воды, и послѣдняя, пѣнясь, съ шумомъ билась о нихъ. Нашъ плотъ несло съ необычайною

быстротою. Мы ожидали порога. Глаза не отрывались отъ воды, и мы едва успѣвали увертываться отъ камней, которые на каждомъ шагу угрожали разорвать плотъ на части. Такъ пронесли мы мимо такого же горнаго ущелья, въ которомъ стремился Гилюй. Еще 22 версты плыли мы такими же мѣстами, встрѣтивъ на пути слѣва рѣчку Алгаю, а справа—Барамаконъ и Илачумру, послѣ чего горы круто отклонились вправо и влѣво, и передъ нами открылась широкая долина, покрытая высокою травою. Рѣка раздвинулась, и теченіе сдѣлалось тихо, такъ тихо, что долгое время казалось, будто нашъ плотъ стоитъ на мѣстѣ...

Ниже Селимджи Зей вступаетъ въ широкую луговую долину, въ которой и течетъ до самаго устья.

На своемъ пути этотъ главный притокъ Амура въ свою очередь принимаетъ нѣсколько рѣкъ: справа—Токъ, Брянду, Гилюй и Урь, слѣва—Ковури, Арги, Урганъ, Дѣнь, Селимджу, Тонъ, Большую Бѣлую и Будинду. Но о нихъ мало извѣстно.

Второй значительный лѣвый притокъ Амура, Бурей, беретъ начало въ ущельяхъ высокаго Буренскаго хребта. Благодаря сравнительной высотѣ этого хребта, Бурей обладаетъ сначала стремительнымъ, бурливымъ теченіемъ и только потомъ, выйдя въ довольно широкую долину, течетъ медленно, разбѣившись на рукава. Въ Бурей также впадаетъ нѣсколько рѣчекъ, изъ которыхъ самая значительная (справа)—Нюманъ.

Боясь утомить вниманіе читателей, мы не будемъ перечислять другихъ притоковъ Амура, такъ какъ описанія ихъ были бы довольно однообразны. Скажемъ лишь нѣсколько словъ о главнѣйшемъ притокѣ Амура съ лѣвой стороны—Уссури.

Уссури вытекаетъ изъ горныхъ хребтовъ Сихотэ-Алинъ, прорѣзывающихъ Уссурійскій край по всей его длинѣ. Въ верхнемъ своемъ теченіи рѣка, сжатая каменными грядами горъ, стремительно вьется по узкимъ долинамъ, покрытымъ хвойными лѣсами. Мѣстами горы какъ бы раздвигаются—и рѣка, словно вырвавшись на волю, широко разливается по всей длинѣ. Тутъ уже появляется и лиственный лѣсъ. Въ среднемъ теченіи гористые берега пропадаютъ, — Уссури спокойно и

плавно катить теперь свои волны по широкой степи. Здѣсь въ нее вливается нѣсколько притоковъ, изъ которыхъ значительный—Сунгачь. Послѣдній беретъ начало изъ большого (около 250 верстъ въ окружности) озера Ханки и отличается замѣчательно извилистымъ теченіемъ: рѣчка, словно гигантская змѣя, свивается въ прихотливыя петли, такъ что иногда часа 2—3 приходится кружиться на одномъ мѣстѣ. При впаденіи въ Амуръ Уссуръ имѣетъ болѣе 100 сажень ширины.

Заканчивая обзоръ Великой «Черной» рѣки, нельзя умолчать объ одной любопытной особенностях ея, и именно: въ противность нашимъ европейскимъ рѣкамъ, Амуръ и его притоки разливаются не весной, а лѣтомъ, въ іюлѣ и августѣ. Явленіе удивительное, когда вспомнишь, что въ то время, какъ Волга, напр., мелѣетъ изо-дня въ день, и всѣ со страхомъ считаютъ убыль ея воды,—на Амурѣ слышатся жалобы другого рода: тамъ не знаютъ, куда спастись отъ половодья. Эта странная, на первый взглядъ, особенность Амура объясняется очень просто: воды этой рѣки пополняются не отъ таянія снѣговъ, какъ это бываетъ у насъ, въ Европейской Россіи, потому что и снѣга выпадаетъ въ истокахъ очень мало, а отъ дождей, которые въ изобиліи идутъ въ верховьяхъ Амура и его притоковъ какъ разъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Кромѣ того, нужно еще принять во вниманіе, что весна въ Пріамурскомъ краѣ наступаетъ исподволь—днемъ тепло и вѣтренно, а ночью—тихо и морозно. Вся вода, успѣвшая образоваться днемъ отъ таянія снѣга, къ ночи отчасти подмерзаетъ, отчасти скатывается, не производя особеннаго переполненія рѣчекъ и рѣкъ. Наконецъ, нельзя забывать и того обстоятельства, что Амуръ течетъ на громадномъ протяженіи, переходя изъ сѣверныхъ странъ въ болѣе южныя. И вотъ въ послѣднихъ-то притоки Амура и самъ онъ, вслѣдствіе ранняго наступленія весны, вскрываются раньше, чѣмъ въ верховьяхъ. Оттого весной и не бываетъ особенной прибыли воды.

За то въ лѣтніе разливы вода поднимается иногда на 6—7 сажень выше средняго уровня. Понятно, такое наводненіе причиняетъ страшныя бѣдствія всѣмъ береговымъ селеніямъ.

Въ 1872 г. въ городѣ Благовѣщенскѣ вода поднялась на 5 сажень выше нормальнаго уровня и затопила половину города, такъ что жители разбѣзжали по улицамъ въ лодкахъ, и даже небольшой пароходъ причаливалъ къ домамъ, стоящимъ на базарной площади. Отъ нѣкоторыхъ поселковъ не осталось и слѣда: вода разметала ихъ во всѣ стороны и смыла самое мѣсторасположенія. Половодье продолжалось дня 3—4. Но бывало, что высокая вода стояла дней 10. Можно себѣ вообразить положеніе жителей, селенія которыхъ были взяты приступомъ бурными волнами рѣки!!

Во время своихъ разливовъ Амуръ представляетъ, мѣстами, изъ себя цѣлыя озера мутной воды, въ нѣсколько верстъ ширины, изъ которыхъ кое-гдѣ торчатъ верхушки деревьевъ на затопленныхъ водою островахъ; береговья скалы спускаются вездѣ своими отвѣсными стѣнами къ водѣ рѣки, образующей около нихъ сильные прибой. Мимо нихъ стремительно несутся иногда цѣлыя столѣтнія деревья, обломки строеній, бревна, стоги сѣна, крестьянскія избы... Словомъ, получается печально-величественная картина полнаго разрушенія. Если еще прибавить къ этому, что въ то же время «разверзаются всѣ хляби небесныя» и дождь падаетъ съ неба уже не ведрами, а цѣлыми бочками; что по рѣкѣ стелется густыми клубами туманъ, заслоняющій солнце, — то предъ нами будетъ полная картина первобытнаго потопа!

При спадѣ водъ Амуръ представляетъ иное зрѣлище: гдѣ въ половодье береговья скаты и скалы горъ прямо высовывались изъ воды, тамъ теперь тянутся въ необъятную даль унылыя отмели, усыпанныя галькой и обломками; мѣстами, на самой срединѣ рѣки возвышаются песчаные бугры, а селенія кажутся отодвинутыми такъ далеко отъ воды, на края высокихъ береговъ, что даже не вѣрится, будто они могли быть застигнуты наводненіемъ.

III.

Почвенныя и климатическія условія края.

Верховье, среднее и нижнее теченіе Амура.—Пригодность ихъ для культуры. — Общій видъ степной полосы.—Лѣсная область.—Приморская полоса края.—Уссурийская область.—Общій взглядъ на климатическія условія Амурскаго края и пригодность его для заселенія.—Климатъ Благовѣщенска.

Обнимая собою громадное пространство, орошаемый большими судоходными рѣками, Амурскій край не вездѣ, однако, пригоденъ для заселенія. Причина этого кроется въ неодинаковыхъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ его. Можно сказать, большая часть этой обширной территоріи навсегда останется необитаемой.

Невысокія, покрытыя мелкимъ кустарникомъ горы, перемежающіяся съ болотами въ долинахъ, — чѣмъ характеризуется бассейнъ верхняго теченія Амура и его притоковъ, — очевидно не пригодны для культуры. Сырой, суровый климатъ дѣлаетъ эту мѣстность еще печальнѣе. Лучшія мѣста заняты здѣсь непроходимой тайгой, расчистка которой требуетъ нечеловѣческихъ усилій.

Средняя температура воздуха ($-7,7^{\circ}$) здѣсь ниже, чѣмъ въ Березовѣ ($4,5^{\circ}$); лѣто холоднѣе, чѣмъ въ Якутскѣ, а зимы немногимъ уступаютъ своею суровостью. Понятно, что постоянное земледѣліе здѣсь затруднительно. Зимой здѣсь мало снѣга, за то весной и лѣтомъ много дождя.

Болѣе удобны для культуры верховья Амура (Нерчинскъ, Албазинъ), но и тамъ все-таки климатъ суровѣе, чѣмъ въ Иркутскѣ; отъ того здѣсь не рѣдкость встрѣтить вѣчно мерзлую почву. Но все-таки земледѣліе еще возможно. Зима и здѣсь почти безснѣжна.

Въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ находится *степная* полоса Амуро-Уссурийскаго края, начинающаяся, приблизительно,

отъ устья вѣ р. Зеи, да и то не вся, а только часть ея, между Хинганомъ (Буреинскимъ хребтомъ) и рѣкой Тунгуской, впадающей въ Амуръ немного ниже Хабаровска. Здѣсь горы отходятъ отъ Амура, оставляя болѣе или менѣе широкую, довольно низменную полосу, которую недаромъ называютъ нижне-амурскою преріею: высокая, почти въ ростъ человѣка, трава устилаетъ здѣсь необъятныя пространства. Глазъ не можетъ охватить этихъ уходящихъ въ ширь и даль волнъ зеленого моря,—не можетъ достаточно налюбоваться пышнымъ ковромъ цвѣтовъ, которыми пестрѣетъ степь... А толстые слои вѣками сложившагося здѣсь тучнаго чернозема только ждутъ пахаря или скотовода, чтобы сторицею вознаградить ихъ за трудъ. Таковъ характеръ нижней, заливной, части указываемаго района, представляющаго долину, ширина которой измѣняется, въ иныхъ мѣстахъ, десятками верстъ. Но вся бѣда въ томъ, что эта «прерія» подвергается постоянной опасности быть совершенно затопленной во время обычныхъ лѣтнихъ разливовъ Амура. И земледѣліе является возможнымъ только въ нѣкоторыхъ, болѣе возвышенныхъ, преимущественно западныхъ частяхъ ея, гдѣ встрѣчаются дубовые лѣса... Здѣсь не мало хорошаго чернозема, лежащаго на песчаной почвѣ. Въ низинахъ же почва илистая, способствующая вымоканию хлѣба.

Болѣе возвышена и потому безопасна средняя полоса «преріи», начинающаяся отъ заливной долины Амура и доходящая до подножія сѣверной горной страны. Это ровная площадь, сложенная изъ вязкой глины, прикрытой перегноемъ. Лишняя подчвенная глина задерживаетъ воду и заболачиваетъ мѣстность. Оттого большая часть этой «преріи» покрыта или болотистыми лугами, окрашенными въ концѣ мая въ ярко-желтый цвѣтъ отъ массы лютиковъ, а въ началѣ іюня—въ оранжевый отъ *Trollius asiaticus*, или же прямо мокрыми, покрытыми осокой болотами. На болѣе высокихъ мѣстахъ и здѣсь встрѣчается дубъ, въ смѣси съ орѣшникомъ. Болота дѣлаютъ и эту область неудобною для обработки, но съ проведеніемъ осушительныхъ каналовъ, она, несомнѣнно, покроется полями.

Третій участокъ описываемаго района составляютъ горныя

гряды, пересѣченныя долинами и ущельями. Непролазная, дѣвственная тайга и здѣсь отпугиваетъ земледѣльца. Но въ общемъ все-таки нужно сказать, что степная полоса, въ предѣлахъ Благовѣщенскъ-Хабаровскъ, кажется, удобнѣе всего для заселенія по своему климату. Въ самомъ дѣлѣ, хотя здѣсь средняя годовая температура близка къ температурѣ Иркутска и Томска (около 0°), а зимы столь же суровы, какъ и въ Березовѣ (градусовъ въ 20), но за то все лѣто отличается несравненно большею теплотою (14°), чѣмъ во всей остальной Сибири. Климатъ здѣсь вполнѣ континентальный, но очень сырой; атмосферныхъ осадковъ выпадаетъ достаточно и зимой, и лѣтомъ.

Въ образецъ климата средней части Амурскаго края можно поставить климатъ г. Благовѣщенска, единственнаго пункта собственно Амурской области, о которомъ получены обстоятельныя метеорологическія свѣдѣнія.

Здѣсь зима продолжается чуть не полгода, съ начала ноября по конецъ апрѣля; все это время погода стоитъ тихая, ясная, съ морозомъ градусовъ 20. Ночью, среди зимы, нерѣдко бываетъ туманъ: небо ясно, луна окружена какъ бы кругомъ, а сверху сыплются мелкіе, иглистые кристаллы. Морозы выше 40° Ц.—не рѣдкость, но снѣга выпадаетъ мало, а про метели совсѣмъ не слышно.

Съ апрѣля начинается теплая погода, но вмѣстѣ съ тѣмъ появляются и вѣтры, приносящіе облака, а нерѣдко—и снѣгъ, и дождь. На днѣ погода нѣсколько разъ перемѣнится: рано утромъ тихо и ясно, днемъ вѣтренно и дождливо. Съ 20-хъ чиселъ мая весна уже быстро входитъ въ свои права,—и въ нѣсколько дней природа дѣлается неузнаваема: все цвѣтетъ, зеленѣетъ. Съ іюня начинаются жары (до 37° Ц. въ тѣни) и душныя ночи; дожди бываютъ, но рѣдко. Съ половины іюля новая перемѣна картины: наступаетъ дождливый сезонъ, и рѣдкій-рѣдкій день, особенно въ августъ, не бываетъ дожда. Въ дни, свободные отъ дожда, являются «изгари»—сухіе туманы, распространяющіе такую мглу, что солнце уже съ 5 час. вечера кажется только краснымъ дискомъ. Съ началомъ дождей жара спадаетъ; листья желтѣютъ, туманы переходятъ въ

иней. Наступаетъ осень. Къ концу сентября деревья теряютъ свою листву, въ началѣ октября холодъ достигаетъ 9° — 12° Ц., а въ концѣ этого мѣсяца температура падаетъ ночью уже до 25° Ц. А тамъ скоро настаетъ и суровая зима.

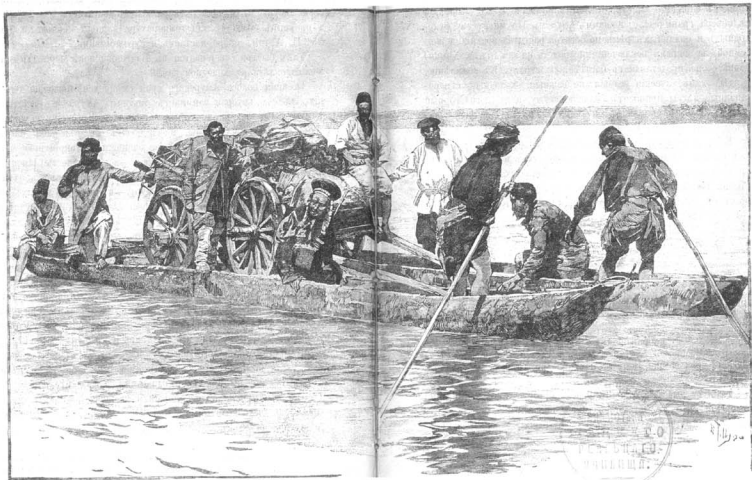
Такъ быстро совершается въ Благовѣщенскѣ переходъ отъ знойнаго лѣта къ холодной зимѣ!!

Степная полоса Амурскаго края смѣняется, ниже по теченію, *лѣсною*, которая занимаетъ низовья Амура и бассейны Уссури. Это—сплошная тайга, заключающая роскошную растительность. Но обиліе воды, масса болотъ въ сѣверной части ея и близость океана дѣлаютъ ее очень неблагоприятною для заселенія. Густые туманы окутываютъ всю мѣстность. Иногда, среди яснаго дня, такой туманъ вдругъ, словно саваномъ, охватитъ васъ, когда вы ѣдете по Амуру,—и въ двухъ шагахъ вы не видите ничего. Городъ Николаевскъ, находящійся при устьи Амура, цѣлыми мѣсяцами бываетъ погруженъ въ туманную мглу.

Къ сильнымъ туманамъ здѣсь присоединяются еще сильныя холодныя юго-западные вѣтры; а лѣтомъ, вмѣстѣ съ юго-восточными вѣтрами, приносятся частые дожди. Въ общемъ сѣверная часть лѣсной области имѣетъ чрезвычайно холодную весну и осень, какъ нигдѣ на земномъ шарѣ подъ этими широтами. Амуръ у Николаевска покрытъ льдомъ долѣе, чѣмъ сѣверная Двина у Архангельска. Здѣсь морской климатъ—со среднею температурою лѣта, близкаго къ таковой же Якутска ($11,8^{\circ}$), что уже ставитъ препятствіе къ земледѣлію. Здѣсь идутъ обильныя дожди и лѣтомъ, и осенью, а зимою выпадаетъ мало снѣга, что крайне неблагоприятно отзывается на растительности *).

Всѣ эти причины такъ повліяли на переселенцевъ, которые пробовали было селиться въ низовьяхъ Амура, что они передвинулись далѣе къ югу, въ Уссурійскій край.

*) Безснѣжность зимы во всемъ Приамурьи происходитъ оттого, что наибольшее количество атмосферныхъ осадковъ выпадетъ здѣсь лѣтомъ. Такъ, въ Николаевскѣ изъ 512 мм. общаго количества осадковъ на лѣто приходится 184, или 36% , въ Хабаровскѣ изъ 603—364, или 60% , во Владивостокѣ изъ 336 мм.—лѣтомъ выпадаетъ 158, или 45% .

Переправа переселенцев через р. Амуръ.

Уссурійскій край, омываемый съ востока—водами Японскаго моря, съ запада р. Усури, съ юга примыкаетъ къ Корей, а съ сѣвера граничитъ съ нижнимъ Амуромъ. По множеству судоходныхъ и славныхъ рѣкъ, по богатой растительности и черноземной, за малыми исключеніями (болота на югъ отъ оз. Ханки) почвъ,—онъ представляетъ богатѣйшую страну. Къ сожалѣнію, и здѣсь климатическія условія не важныя: холодные сѣверо-западные вѣтры приносятъ сильную стужу, а съ юга горный хребетъ, расположенный въ китайскихъ предѣлахъ, преграждаетъ доступъ теплomu южному вѣтру.

Какъ велика суровость климата Амурскаго края, показывають слѣдующія цифры годовыхъ температуръ мѣстностей этого края, лежащихъ на одинаковыхъ параллеляхъ Европейской Россіи: Въ Хабаровскѣ годовая температура $+4,5^{\circ}$, а въ лежащемъ съ нимъ на одной параллели ($48^{\circ}, 16'$) Елизаветградѣ $+7$; въ Николаевскѣ на Амурѣ $-2,55^{\circ}$, а въ Пензѣ ($53^{\circ} 8'$) $+4,5^{\circ}$, во Владивостокѣ $+4,6^{\circ}$, а во Владикавказѣ ($43^{\circ} 9'$) $+8,7^{\circ}$ п т. д.

IV.

Растительный міръ Амурскаго края.

Разнообразіе растений въ Амурскомъ краѣ по вертикальному и горизонтальному направленіямъ.—Первобытные лѣса.—Лѣсные пожары.—Особенности Амурской флоры.—Лѣсные ландшафты Уссурійскаго края по описаніямъ д-ра Елисѣева.—Корень «жень-шень».

Если съ высоты птичьяго полета бросить общій взглядъ на Амурскій край, то получишь такое впечатлѣніе, какъ будто видишь предъ собою настоящее море зелени, далеко раскинувшееся и вширь, и вдаль. Мѣстами, по рѣчнымъ долинамъ, зелень какъ бы свѣтлѣетъ: тамъ, значить, лежатъ луга. Но общій фонъ картины—темный: тутъ царитъ мрачная, непривѣтная тайга, шумитъ зеленый, темный лѣсъ. Скучная, мрачная зелень придаетъ особенное однообразіе ландшафту, неволью навѣвая грустныя думы. Только на сѣверѣ, въ горной странѣ, по-

отрогамъ Станового хребта, унылый видъ волнистаго океана дремучихъ лѣсовъ мѣняется. Тамъ, изъ чащи зеленого лѣса, словно проплѣшины, выступаютъ обнаженные или прикрытыя только лишаями да мохомъ одиночныя вершины горъ. Неказистый видъ этихъ «гольцовъ», — какъ ихъ называютъ, — еще болѣе усиливаетъ тоскливое чувство наблюдателя. Нѣкоторое разнообразіе еще вносятъ въ общую картину Амурской природы обширныя моховыя болота, которыя покрываютъ долины горной страны, пестряя всѣми переливами цвѣтовъ, отъ буро-краснаго до ярко-зеленаго.

Но и болота представляютъ безотрадную мѣстность. Здѣсь, на зыбкой, пропитанной водою, какъ губка, песчаной почвѣ, съ трудомъ влачить существованіе нѣсколько жалкихъ неприхотливыхъ растений, главнымъ образомъ — мховъ, ерника (*Betula Middendorffii*) да осокъ, къ которымъ, мѣстами, примѣшиваются кустики голубики, клюквы и кассандры (*Cassandra caliculata*). Словомъ, Амурскія сѣверныя болота носятъ типичный характеръ тундръ.

Съ каждымъ шагомъ къ югу почва становится суше, безчисленные ручьи, доселѣ извилистыми линіями пробравшіеся по мхамъ, собираются въ русла, — и взамѣнъ болотныхъ травъ начинаютъ появляться деревья, сперва хвойныя, на западѣ — лиственница, на востокѣ — аянская ель. Одновременно, въ лощинахъ, среди моха, показывается яркая зелень рододендроновъ и вербъ. По мѣрѣ приближенія къ югу, составъ и древесныхъ, и травянистыхъ породъ все болѣе и болѣе разнообразится. Является пихта, таволга, показываются кусты моронки, среди травъ уже видишь кой-какіе злаки, гвоздику и др. *). Дальше къ нимъ примѣшиваются ремень (*Rheum compactum*), полынь, крестовникъ и др.

«Но это разнообразіе растительныхъ типовъ скоро прекра-

*) Къ сожалѣнію, богатая луговая растительность Приамурья почти не пригодна для домашняго скота, такъ какъ травы здѣсь отличаются малою питательностью, что принуждаетъ поселенцевъ снимать луга на правомъ, китайскомъ берегу Амура.

щается. По мѣрѣ обогащенія водою все глубже и глубже становится русло рѣки. Это уже ущелье, съ оголенными, почти отвѣсными скалами, за которыя съ трудомъ цѣпляется невзрачный шиповникъ, со щелями, поросшими непроходимымъ хвойнымъ лѣсомъ. Дорога спускается въ русло рѣки, бѣжитъ извилистымъ плесомъ и, наконецъ, упирается въ загороди, нагроможденныя самой природой, изъ бурелома и валуновъ. При первой же возможности она покидаетъ сырую, дикую щель, минуетъ поясъ скалъ, подошвы которыхъ тонуть въ мочажинахъ, поросшихъ ерникомъ, багульникомъ, кассандрой и голубикой, и вступаетъ подъ своды дремучаго лѣса, которымъ и пробирается до гребня стѣны. А тамъ либо тянутся луга, покрытые озерками и мелкими водоемами и поросшіе преимущественно болотными травами и рощицами ольхи, либо—опять лѣсъ, на этотъ разъ, можетъ быть, на десятки—сотни верстъ протяженіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лѣса, занимающіе внутреннія части Амурской области, могутъ быть названы первобытными, такъ какъ чело-вѣкъ еще никогда не пользовался ими, и только развѣ изрѣдка пробираются по имъ звѣроловы и золотопромышленники. Типическая черта этихъ лѣсовъ—поразительное однообразіе.

«По цѣлымъ днямъ, — пишетъ Миддендорфъ, — и недѣлямъ ѣдешь въ подобномъ лѣсу, состоящемъ изъ одной какой-нибудь породы, которая, повидимому, и подавила всѣ другія деревья и своимъ густымъ покровомъ заглушила проблески иной растительной жизни. Томительное однообразіе! Только мхи устилаютъ здѣсь почву да въ видѣ бородъ спускаются съ вѣтвей какихъ-нибудь отживающихъ старцевъ. И много-много, если смѣняется здѣсь, на обширныхъ участкахъ, двѣ-три породы, безъ примѣси какихъ бы то ни было иныхъ древесныхъ породъ».

Это однообразіе дремучихъ хвойныхъ лѣсовъ рѣдко нарушается прогалинами, и только иногда долины рѣкъ и ручьевъ служатъ естественными просѣками, по которымъ съ трудомъ пробирается здѣсь рѣдкій путникъ.

По мѣрѣ приближенія къ югу и вмѣстѣ съ тѣмъ пониженія горизонта, къ хвойнымъ лѣсамъ начинаютъ примѣшиваться сперва березнякъ, за нимъ—кленъ, душистый тополь, ива, ря-

бина, черемуха, которыя сопровождаются цѣлой свитой кустарниковъ и травянистыхъ растений, не встрѣчавшихся раньше. Вслѣдъ затѣмъ мы видимъ кедры, можжевельникъ, черную березу (*Betula dahurica*), вязъ, боярышникъ, липу и дубъ. Полярные кустарники исчезаютъ совсѣмъ и замѣняются крыжовникомъ и смородиной; появляются жимолость, дикій жасминъ, шиповники, таволги, бересклетъ, бузина. Еще ниже широколиственный лѣсъ начинаетъ преобладать надъ хвойнымъ, захватывая обширную область и со всѣхъ сторонъ спускается въ низины Амура и Зеи.

Особеннымъ богатствомъ растительныхъ формъ отличаются лѣса Амурской долины, между устьемъ Буреи и предгорьями Буреинскаго края *).

«Вдоль берега Амура, за узкой полосой прибрежнаго тальника, тянутся довольно рѣдкія рощицы ясеня, вяза и дуба, среди которыхъ иногда попадается липа и пробковый дубъ. Болѣе возвышенныя мѣста заняты величавымъ лѣсомъ, среди котораго рѣзко бросаются въ глаза исполинскіе кедры, темная зелень которыхъ представляетъ поразительный контрастъ съ блѣднозеленою листвою и сѣроватобѣлыми стволами близъ растущей осины. Лѣтомъ взоръ не проникаетъ сквозь густую зелень этого лѣса, такъ какъ внизу, ближе къ почвѣ, дорогу преграждаетъ роскошно развитый подлѣсокъ, чрезъ который съ трудомъ пробирается и опытный амурскій «звѣрбой». Описать эти заросли очень трудно: тутъ и крушина, обвитая амурскою лианою (*Maximowiczia chinensis*), и низкорослый кленъ (*Acer ginnala*) и множество вьющихся кустовъ *Panax sessiflorum*, привлекающихъ вниманіе какъ своими пятипалыми листьями, такъ и черными плодами, приросшими къ стеблямъ по нѣскольку вмѣстѣ; загнутыя назадъ большія иглы этого растенія неприятнымъ образомъ цѣпляются за платье, причиняя путнику не мало безпокойства. Не сдѣлаешь и двадцати шаговъ по этой труппѣ, встрѣчаешь новое препятствіе—лозу дикаго винограда которая своими сплетеніями образуетъ настоящую стѣну. Далѣе

*) Г. Е. Груммъ-Гржимайло. „Амуръ“.

встрѣчаются и другія вьющіяся растенія *), придающія оригинальный характеръ среднеамурскому ландшафту.

Внутри этихъ лѣсовъ, на рѣдкихъ дужайкахъ, можно найти жасминъ, сирень, барбарисъ, плющи...

Наибольшаго развитія древесныя породы достигаютъ въ предгорьяхъ Бурейнскаго кряжа, что рѣзко выражается сравненіемъ растущихъ здѣсь породъ съ тѣми же породами на побережьи. Такъ, узловатая, малорослая на берегу черныя березы (*Betula dahurica*) или монгольскіе дубы (*Quercus mongolica*) въ какихъ-нибудь 6—7 верстахъ отъ берега являются стройными и крѣпкими деревьями, въ 60—70 футовъ высоты. Столь-же изумительны по высотѣ и объему ясени и липы (до 70 фут. высоты, при двухъ обхватахъ въ отрубѣ). Напротивъ, пробковый дубъ и осина, повидимому, лучше чувствуютъ себя на берегу, такъ какъ на предгорьяхъ они рѣдко достигаютъ 40 футовъ. Пробковый дубъ, обладающій очень крѣпкою корою, могъ бы дать большіе доходы населенію, если бы росъ скорѣе и пробковый слой его былъ толще (у него кора всего въ 1 дюймъ толщины).

Подъ вліяніемъ сильныхъ вырубокъ, иногда совершенно безцѣльныхъ, и особенно ежегодныхъ паловъ, которые пускаютъ казаки и поселенцы, физіономія амурскаго ландшафта стала за послѣднее время сильно измѣняться. «Прежде долина Амура поростала травами, скрывавшими всадника. Осенью и зимой сухіе стебли травы ложились на землю, этимъ задерживали сырость и способствовали заболачиванію почвы. Необозримыя болотистыя пространства простирались всюду, перемежаясь съ озерами, — и эти болота, озера и мощная луговая растительность давали пріютъ мириадамъ комаровъ, мошекъ, оводовъ и всякаго «гноуса», который поднимался тучами и мучилъ, не даваядохнуть ни человѣку, ни животнымъ» **). Вырубка же и палы уничтожили скопленія сухихъ травъ, выжгли

*) *Aconitum Raddeanum*, *Clossoconia ussuriensis* и ломоносъ (*Clematis*).

***) Коржинскій— „Описаніе лѣсовъ Приморской области“.

образовавшийся торфъ, уплотнили и обсушили почву, сдѣлавъ ее годною для широколистныхъ травъ. Въ то же время порѣдѣлъ и лѣсъ, многія чащи исчезли, уступивъ мѣсто кустарнику, съ которымъ уже не такъ трудно справляться пионеру, какъ съ древесными великанами. А порѣдѣлъ лѣсъ, обсохла почва, — и комаровъ стало меньше, такъ что вся мѣстность стала болѣе доступна для обитанія.

Но, съ другой стороны, нельзя не согласиться съ Миддендорфомъ, что тотъ же благодѣтельный въ иныхъ случаяхъ огонь, въ другихъ — становится опаснымъ и ухудшаетъ положеніе вещей. «Иногда огонь цѣлые годы тлѣетъ въ торфяной почвѣ, подѣдая корни деревьевъ до тѣхъ поръ, пока стволы повалятся, и по сучьямъ ихъ, покрытымъ бородами мхами, начинаютъ разливаться новые огненные потоки, которые пожираютъ все, что ни встрѣчаютъ на своемъ пути. Въ выгорѣвшихъ такимъ образомъ мѣстахъ въ первые годы не встрѣтишь ни малѣйшаго слѣда животнаго, не услышишь и не увидишь ни одной птицы: вся мѣстность превратилась въ совершенную пустыню. Даже годы спустя, нерѣдко приходишь въ отчаяніе отъ обуглившихся остатковъ такихъ лѣсовъ. На каждомъ шагу лежатъ груды гнѣющаго валежника. Подъ ними тянутся всегда наполненные водою рывины и ямы, которыя, кромѣ того, прикрыты еще молодымъ кустарникомъ и высокою травой, въ ростъ человѣка. Часто по нимъ можно перейти въ бродъ, но мѣстами они прогорѣли такъ глубоко, что лошадь, спокойно пробираясь по нимъ, нерѣдко уходитъ въ нихъ съ головою».

«Въ иныхъ мѣстахъ на сыровой почвѣ и въ сырую погоду или тамъ, гдѣ бревенчатый лѣсъ самъ освободился отъ сучьевъ и подлѣска, огонь пробирается по лѣсу только всколзь и уничтожаетъ лишь самыя сухіе стебельки, самый сухой верескъ, совершенно высохшіе мхи и сухой хворостъ, играя вокругъ гладкихъ стволовъ и пытаясь длинными языками пробраться вверхъ по корѣ. Мѣстами ему и удается это на томъ или другомъ изъ старцевъ, болѣе покрытыхъ мхомъ, и вотъ то тутъ, то тамъ, пламя, какъ ракета, взвизываетъ вверхъ, вдоль

бородатыхъ мховъ, висящихъ на сучьяхъ. Въ темную ночь это представляетъ великолѣпное зрѣлище. Лѣса, пострадавшіе такимъ образомъ, не всегда гибнутъ: деревья продолжаютъ жить, но какая-то пустота подъ верхушкою и черный цвѣтъ обуглившейся коры еще цѣлые десятки лѣтъ напоминаютъ о страшномъ бѣдствіи, котораго такъ счастливо избѣгли деревья *)».

Вся богатая растительность Амурскаго края въ настоящее время еще не приноситъ должной пользы, хотя нельзя не сказать, что за послѣдніе годы и въ этомъ отношеніи замѣтенъ прогрессъ. Такъ, въ 1885 г. отъ казенныхъ лѣсовъ Амурской области было получено всего-на-всего дохода 261 рубль, а уже черезъ семь лѣтъ, въ 1892 г., этотъ доходъ возросъ до 23,000 р. (при расходѣ въ 10,000 р.), а въ 1898 г.—до 40 тысячъ. При вязкихъ цѣнахъ, по которымъ отпускается изъ казенныхъ дачъ лѣсъ, мѣстное населеніе находитъ выгоднымъ заниматься лѣсопромышленностью, сплавляя лѣсъ въ Благовѣщенскъ и другія мѣстности, уже нуждающіяся теперь въ лѣсѣ, и заготовляя дрова для амурскихъ пароходовъ и заводовъ.

Въ заключеніе настоящей главы намъ остается сказать о растительности Уссурийскаго края. По словамъ покойнаго путешественника д-ра А. В. Елисева, исколесившаго Уссурийскій край, здѣсь еще сохранилась настоящая, полная таинственной жизни, суровая тайга, но тайга особенная, не похожая на лѣса Сибири, гдѣ сѣверная природа душитъ человѣка своимъ мрачнымъ, дикимъ величіемъ.

«Въ тайгѣ Сибири царятъ хвой, мертвящія самую природу; въ ней трудно искать вдохновенія: она однообразна, какъ океанъ или пустыня. Но тотъ или другая живутъ жизнью стихій, разнообразятся игрою свѣта и тѣней; тайга-же далекаго сѣвера вѣчно однообразна и мрачна, какъ безмолвная могила, усыпанная хвоею, прикрѣтая мхомъ, осѣненная сосною и сѣдымъ лишаемъ. Правда, эта зеленая могила тоже кишитъ жизнью, но въ ней нѣтъ того изумительнаго разнообразія, того напряженія жизни, той энергіи, которыя могутъ жить самые камни

*) Путешествія Миддендорфа, 91 стр.

и песка. Напротивъ, въ тайгѣ Амура природа не поскупилась на свои дары; она дала ей много свѣта, много красокъ, жизни и красоты. Въ ней растутъ рядомъ сосна и виноградъ, кедръ и орѣшникъ, дубъ и лиана, дикая яблоня и могучая грабина; сотни цвѣтущихъ кустарниковъ и травъ благоухаютъ подъ таинственными сводами великановъ лѣса; его основа заткана пестрымъ ковромъ разнообразныхъ растений; сѣтъ выющихся лианъ заполняетъ самые промежутки между стволами деревъ, стебельками кустовъ, тростниками поросли и пышными кружевами высоко поднимающихся травъ. Разнообразныя деревья поднимаются здѣсь на десятки сажень, кусты образуютъ непроницаемыя стѣны, а травы скрываютъ не только оленя, но и всадника вмѣстѣ съ конемъ. Сѣтъ плющей, павилики и дикаго винограда, сплетающихся между собою и стволами деревьевъ, — кусты, заполняющіе всѣ промежутки, остающіеся между листвою тѣхъ и другихъ, — образуютъ такія непроходныя чащи, передъ которыми мѣстами безсиленъ самый топоръ; лишь огонь одинъ можетъ разрушить эту сплошную живую стѣну сплетшихся между собою растений»...

«Разнообразію растительнаго міра Амурской тайги соотвѣтствуетъ и разнообразіе ея четвероногихъ и пернатыхъ обитателей. Великолѣпный тигръ живетъ здѣсь рядомъ съ темно-бурымъ медвѣдемъ, барсъ — вмѣстѣ съ соболемъ, шакалъ — съ рысью, красивый олень — съ кабаномъ и козулей. Въ горныхъ трупцахъ Уссурійскаго края встрѣчаются рядомъ глухой тетеревъ и золотистый фазанъ, птицы тайги и пернатые обитатели Американскаго материка; соловей, орѣховка, триперстка, такъ-же какъ и огромный филинъ, — одинаково свойственны Приамурской тайгѣ»...

«Всегда — и весной, и лѣтомъ, и поздней осенью, и зимою — красива и великолѣпна тайга, но лишь по веснамъ и осенью она является во всей своей пышной красотѣ. Знойнымъ лѣтомъ тонущая въ однообразномъ зеленомъ уборѣ, снѣгами и льдомъ окованная въ холодныя зимы, она убирается въ разноцвѣтныя одѣянія лишь дважды въ годъ. Расцвѣтая по веснамъ, она одѣвается въ пышные уборы цвѣтовъ, которые даетъ ей при-

рода; увяданіе жизни, какъ плодъ ея великолѣпнаго расцвѣта, одѣваетъ тайгу по осени также въ пестрыя одежды. Однообразный лѣтній зеленый нарядъ расцвѣчивается тогда всеми красками радуги; не цвѣты, а листья горятъ яркими самоцвѣтами, отгнѣвая зеленые фоны тайги. Огненные, красныя, желтыя, ярко-малиновыя, бѣлыя, розовыя пятна выступаютъ тогда на темной зелени лѣса и, расцвѣченный ими, онъ стоитъ горделиво, какъ огромный пышный цвѣтникъ. Красный листъ дикаго винограда вьется красивыми гирляндами по темнымъ стволамъ кедровъ и дубовъ, ярко-желтый рябинникъ и блѣдно-розовая осина робко тѣнятся подъ широкими лапами хвоевъ, пестрая таволга прячется подъ ярко-зеленымъ орѣшникомъ, серебристая ива — подъ стройнымъ ильмомъ, еще не потерявшимъ лѣтняго убора. Среди пестрой зелени, какъ яркіе кораллы, искрятся грозды рябины, рдѣетъ темно-малиновая дикая вишня, блестятъ золотистыя яблочки и груши; словно дорогія бусы гранатовъ, висятъ кисти винограда въ зеленой сѣти, сплетенной лианами и плющемъ. Молодая поросль, тѣснящаяся между великанами лѣса, расцвѣтилась также всеми красками радуги, но она уже потеряла свою густоту, и ея пестрая листва замѣтно отгнѣняется темными стволами, ставшими тѣснымъ рядомъ, въ которомъ утопаютъ взоры. Огромныя вѣсковыя кедры, сосны и дубы, готовясь къ долгому зимнему сну, уже одѣлись серебристымъ покровомъ мховъ и пышными гирляндами сѣдыхъ лишаяевъ».

«Великолѣпная снаружи, тайга еще болѣе поражаетъ въ своей таинственной глубинѣ. Въ глухихъ нѣдрахъ этого лѣснаго океана, какъ подъ сводами древняго величественнаго храма, царитъ вѣчная торжественная тишина. Подъ сѣнью вѣсковыхъ великановъ, подъ защитою непроницаемыхъ стѣнъ заросли, за прочными баррикадами старыхъ пней и стволовъ поваленныхъ деревьевъ, перевитыхъ виноградомъ и плющемъ, — творятся незримо и беззвучно все жизненные процессы тайги. Атмосфера тутъ пропитана дыханіемъ лѣса, испареніями почвы, своеобразнымъ ароматомъ тайги; запахъ хвои, перегнившей листвы, свѣжей зелени, благовоніе позднихъ цвѣтовъ и особый, свой-

ственный лишь глухому лѣсу, недоступному прямымъ лучамъ солнца, одуряющій ароматъ—наполняютъ глубинну тайги. Тутъ любятъ гнѣздиться лишь мхи, лишайники и грибы; избѣгая солнца, они прячутся подъ сѣнь растений, тянущихся къ свѣту и теплу»...

«Приди сюда, подъ своды зеленаго лѣса, подъ тѣнь жизни, на праздникъ природы, всякій смертный, которому не улыбается жизнь! Оставь свои скорби и печали тамъ, за предѣлами этого зеленаго міра, не знающаго терзаній и заботъ, войди въ радости ликующей жизни, погрузись и духомъ, и тѣломъ въ лоно зеленаго лѣса и утопай въ немъ всецѣло, пока не почувствуешь своего полного обновленія. Я знаю, что не сразу ты отрѣшишься отъ своихъ печалей и заботъ, не скоро ты забудешь то, что омрачало твою жизнь; не сразу почувствуешь облегченіе,—но не скорби, слабый смертный, не оскорбляй Вишну, хранителя и обновителя жизни. Рано или поздно придетъ и къ тебѣ обновленіе; духомъ и тѣломъ воспрянешь ты къ новой жизни, новыя юныя силы почувешь въ себѣ, ярко вспыхнетъ въ твоёмъ сердцѣ снова любовь къ жизни, живительная струя пройдетъ по всему тѣлу, успокоится взволнованный умъ. Пусть ничто въ мірѣ не вѣчно, пусть исходъ всему—видимая смерть и небытіе, но помни, смертный,—не для себя одного ты живешь... Частица міра и природы, атомъ жизни, дуновение великаго духа Магаатмы,—не пропадешь ты безслѣдно въ безконечномъ пространствѣ міровъ; подобно тому, какъ частица свѣта, капля воды, дуновение воздуха, песчинка камня, атомъ всего существующаго въ мірѣ, ты пойдешь на новое твореніе Браммы, войдешь въ составъ новаго существа, въ дыханіе новой жизни. Взгляни на павшіе листья, на трупы животныхъ, на бранные останки самого человѣка: они не пропадаютъ безслѣдно. Послуживши вмѣстителями жизни, они служатъ почвою для возрожденія новой жизни въ другой формѣ, непохожей на прежнюю отжившую, опредѣленной волею великаго Вишну. Жизнь рождена для вѣчнаго существованія, сама смерть есть обновленіе жизни, подобной аватарамъ Вишну. Одна форма жизни посредствомъ видимой смерти претерпѣваетъ превращеніе въ новые

образцы, новые виды. Великій богъ своимъ собственнымъ превращеніемъ даетъ намъ примѣры такой безпрестанной аватары (метаморфозы), которую по волѣ его претерпѣваетъ каждое дуновение жизни. Частица великаго духа Магаатмы влилась въ природу, оживила каждый атомъ ея, дала ей существованіе, движеніе и жизнь; она не можетъ никуда пропасть изъ міра, который весь проникнутъ и объемлетъ этимъ дыханіемъ духа... И небо, и земля, и воздухъ, и море—все живетъ этимъ дуновениемъ, которое, подобно вѣтру, порою движется сильнѣе, но никогда не перестаетъ существовать»...

«Такъ образно и поэтично говоритъ древняя философія браминовъ, и нельзя не согласиться съ ея глубокимъ пониманіемъ сущности жизни, этой тайны, оживляющей мірозданіе. Въ лѣсу, какъ и въ океанѣ, гдѣ напряженіе жизни достигаетъ самыхъ высшихъ степеней, «дыханіе великаго духа Магаатмы» проявилось всего полнѣе; оно скопилось тутъ, какъ къ великой сокровищницѣ, и сдѣлало ихъ великимъ очагомъ жизни, источниками, которые не могутъ изсякать. Пока цѣлы оксаны и лѣса на землѣ, до тѣхъ поръ эта послѣдняя будетъ полна жизни во всемъ разнообразіи ея формы. Изсяканіе океановъ уже есть смерть для жизни на землѣ; но если исчезнуть даже одни лѣса съ лица матери-земли, то пропадутъ цѣлыя тысячи наземныхъ существъ, связанныхъ своимъ бытіемъ съ лѣсомъ, исчезнетъ великое разнообразіе растительнаго и животнаго міра, великое однообразіе формъ останется въ землѣ, само существованіе человѣка тогда подвержено будетъ сомнѣнію».

«Полна поэтому глубокаго смысла идея Цейлонскаго брамина, который, будучи проникнутъ благоговѣніемъ къ дремучимъ лѣсамъ своей родины, объятый священнымъ экстазомъ, порожденнымъ аскетическою жизнью въ зеленой чащѣ, призываетъ человѣка къ охраненію лѣсовъ: «Не оскорбляй матери-земли нечистымъ прикосновеніемъ къ ней, не оскверняй очистительнаго огня, возженнаго солнцемъ на землѣ, не оскорбляй священной тишины лѣсовъ, въ которыхъ хранится дуновение великаго духа жизни, Магаатмы. Оскорбляющій святость лѣса оскорбляетъ и землю, и небо, оскорбляетъ мірохранителя Вишну

и самаго Духа-Творца и живителя Вселенной. Глубоко впахивай поля, еще глубже борозды воды, но оберегай чистоту огня и неприкосновенную чащу лѣсовъ. Борись со всякимъ зломъ и напастью, но не налагай дерзновенной руки на дерево, дитя солнца, земли, воды и дуновения духа. Налагающій руку на кустъ дѣлаетъ преступленіе, поднимающій топоръ на дерево—творитъ уже убійство»...

Тайга большею частью погружена въ мрачный, таинственный покой, и какіе-либо звуки рѣдко нарушаютъ ее торжественную тишину: обитатели лѣса словно сами чувствуютъ благоговѣніе къ вѣковымъ чащамъ и боятся прервать ихъ священный покой.

«Дикіе звѣри рѣдко испускаютъ звуки въ теченіе лѣта и дня; лишь въ короткія весеннія ночи слышится полный звѣриный концертъ лѣса; по осени онъ также довольно разнообразенъ и богатъ; зимою-же и лѣтомъ глухою ночью кричатъ лишь крупныя звѣри: голодь, страсти и неудачная охота вызываютъ ихъ чаще, чѣмъ другія потребности жизни. Зато весной въ этихъ крикахъ говоритъ голосъ любви, которой подчиняется все въ природѣ; подъ влияніемъ этой царящей страсти испускаетъ звуки и крупный хищникъ, и мелкая четвероногая тварь. Пернатые обитатели лѣса и особенно пѣвцы тайги, умолкающіе осенью и зимою, предпочитаютъ также ясные дни весны и лѣта для того, чтобы изливать въ звукахъ состояніе своей души».

«Лучшія пѣсни лѣса слышатся раннею весной, когда крошечныя пѣвцы чувствуютъ призывъ своего сердца и потребность любви. Въ страстныхъ пѣсняхъ они изливаютъ тогда свои страсти и тоску; они поютъ усердно при яркомъ сіяніи солнца, облитые его живящими лучами въ распускающейся зелени лѣсовъ. Лишь царь птичьей пѣсни, волшебный соловей, предпочитаетъ свѣтлыя ночи ранней весны для того, чтобы чаровать своими звуками лѣса; начинаетъ онъ свои дивныя пѣсни—и умолкаетъ другая пернатая тварь; на просторѣ и безъ помѣхи льется тогда соловьиная пѣсня; и природа, и человѣкъ внимаютъ ей въ тишинѣ ароматныхъ весеннихъ ночей».

«По веснамъ ночью слышатся и другіе звуки, исходящіе

изъ груди пернатого существа. Мрачные хищники ночи, разнообразныя совы, неясыти и филины, предпочитаютъ также дневному свѣту таинственный полумракъ ночей. Стоны, хохотъ, плачь и крики ихъ слышатся тогда повсюду въ тайгѣ,—и крестится, заслыша ихъ, неопытный путникъ, заночевавшій въ лѣсу. Не голосами птицы, а криками темныхъ духовъ лѣса кажутся ему эти странные, нерѣдко дѣйствительно ужасные звуки. Много опыта и привычки надо для того, чтобы хладнокровно внимать этимъ дикимъ крикамъ любви, и даже хорошо знающій ихъ охотникъ едва можетъ отрѣшиться отъ мрачнаго впечатлѣнія, невольно овладѣвающаго его душою при этихъ стонахъ, плачахъ и свистахъ; скорѣе можно привыкнуть къ жалобному вою волковъ, могильному плачу шакаловъ и реву медвѣдя, чѣмъ къ разнообразнымъ крикамъ совъ, которые слышатся во всей своей полнотѣ раннею весною въ тайгѣ; я знавалъ,—говорить Елисѣевъ,—даже опытныхъ охотниковъ съ нервами крѣпкими, какъ желѣзо, которые не выносили этихъ ужасныхъ криковъ по ночамъ и бѣжали изъ тайги».

«Къ началу осени умолкають лѣвчія птицы; лѣса лишаются своей пѣсни; говоръ бури, да крики дикихъ звѣрей одни оглашаютъ чащу. Чаше слышится тогда ревъ тигра, вой волковъ и хрюканье кабана; чаше трубятъ изюбри, плачутъ шакалы. брешутъ лисины и реветъ буранъ; чаше слышатся отвратительные крики рыси. Въ отвѣтъ имъ въ мрачныхъ хвойныхъ лѣсахъ стонутъ неясыти и ухаютъ филины-пугачи. Жутко въ такія «звѣриныя» ночи ночевать въ тайгѣ; хищный звѣрь начинаетъ голодать и искать крови,—и тогда ревъ его кажется настоящимъ вызовомъ на кровавый бой. Запоздавшій охотникъ робко прячется тогда въ какомъ-нибудь лѣсномъ шалашѣ или ютится возлѣ яркаго костерка; подъ защитою спасительнаго огня онъ коротаетъ долгія темныя ночи, прислушиваясь съ замираніемъ сердца къ вою бури, стонамъ лѣса и реву дикихъ звѣрей. Вокругъ и около, возлѣ одиночнаго небольшого костра, нерѣдко бродить тогда голодный тигръ и медвѣдь; охотникъ часто слышитъ шелестъ ихъ шаговъ, чувствуетъ ихъ близкое присутствіе, но боится даже пошевелинуться около спаситель-

наго огня, передъ которымъ останавливаются и трепещутъ самыя дикіе звѣри. Непроглядная темнота ночи, полная безпомощность и одиночество еще болѣе увеличиваютъ ужасъ положенія; рѣдкіе нервы выдерживаютъ напряженіе, невольно замираетъ сердце и всякіе страхи закрадываются въ душу *)»...

Кромѣ различныхъ древесныхъ породъ, Уссурійскій край богатъ еще двумя растеніями, имѣющими большое значеніе для мѣстнаго населенія. Это—«буду» (родъ проса) и корень «женьшень». «Буду»—прекрасное, отлично переносящее и холодъ, и дожди растеніе, доставляетъ питательный продуктъ мѣстнымъ жителямъ, а «женьшень» служитъ цѣннымъ товаромъ въ сношеніяхъ съ китайцами, которые считаютъ этотъ чудодѣйственный корень универсальнымъ средствомъ противъ всѣхъ болѣзней. Своимъ видомъ онъ напоминаетъ человѣка, отчего и получилъ свое названіе—«женьшень» («корень-человѣкъ»). Для лѣченія извѣстныхъ частей тѣла употребляются и соотвѣтствующія части растенія. Такъ, если болитъ рука, къ ней прикладываютъ часть «женьшеня», напоминающую руку человѣка, при болѣзняхъ ногъ—употребляютъ «ноги» «корня-человѣка» и т. д.

«Женьшень» растетъ въ непроходимыхъ ущельяхъ и чащахъ и добываніе его сопряжено съ большими опасностями. Но, несмотря на послѣднія, лѣтомъ цѣлыя толпы китайцевъ направляются въ Уссурійскій край на поиски за драгоцѣннымъ корнемъ; за лѣто опытный охотникъ наберетъ «женьшеня» рублей на 500 и болѣе; цѣна фунта его доходитъ до 150 рублей.

Чтобы удовлетворить большому спросу на «женьшень», его уже давно разводятъ на огородахъ, но домашній корень все-таки считается малоцѣннымъ, нежели дикій. Любопытныя плантаціи «женьшеня» находятся обыкновенно гдѣ-нибудь въ тѣнистой долинѣ, куда и вѣтеръ, и солнце заглядываютъ не часто. Здѣсь на тщательно воздѣланныхъ и удобренныхъ грядкахъ выращивается до десятка тысячъ корней. Послѣдніе дѣлаются годны къ употребленію только на четвертый годъ. Тогда, обыкновенно осенью, ихъ выкапываютъ, очищаютъ отъ земли, ки-

*) «Въ тайгѣ», А. В. Елисева.

пятять минутъ 5—8 въ сахарной водѣ; затѣмъ, завернувъ въ масляную бумагу, держать нѣкоторое время надъ водяными парами. Наконецъ, корень высушиваютъ, сортируютъ и завертываютъ въ бумагу.

V.

Животный міръ Амурскаго края.

Общій характеръ животнаго населенія.—Промысловыя животныя.— Тигръ. — Медвѣдь. — Выдра. — Рысь. — Лисица. — Бѣлка. — Олень. — Кабарга. — Рыбы Амура. — Ката и горбуша. — Насѣкомыя. — Жемчужныя раковины и добываніе жемчуга.

Подобно растительному міру, также, если не больше, разнообразенъ и животный міръ Амурскаго края. Любопытная особенность его—это странное смѣшеніе представителей экваторіальныхъ странъ, съ одной стороны, и — приполярныхъ, съ другой. Недаромъ Миддендорфъ, возвращаясь изъ своего путешествія по Удскому краю и южнымъ отрогамъ Становаго хребта, писалъ: «въ зоо-географическомъ отношеніи намъ приходилось постоянно вращаться въ той чрезвычайно любопытной полосѣ земли, гдѣ лицомъ къ лицу встрѣчаются гербы сибирскій и бенгальскій: соболь и тигръ; гдѣ эта южная кошка отбиваетъ у рыси сѣвернаго оленя; гдѣ соперница ея — росомаха — въ одномъ и томъ же участкѣ истребляетъ кабана, оленя, лося и козуля; гдѣ медвѣдь насыщается то европейскими ягодами, то кедровыми орѣхами; гдѣ соболь вчера еще гонялся за тетеревами и куропатками, доходящими до предѣловъ Западной Европы (*Tetrao urogallus*, *T. betriss*, *F. lonasia*), а сегодня уже бѣгаетъ за ближайшимъ родственникомъ тетерева Восточной Америки (*Tetrao canadensis*) или крадется за чистокровною сибирскою кабаргой...

Эти немногія слова достаточно обрисовываютъ намъ какъ общій характеръ фауны Амурскаго края, такъ и разнообразіе ея представителей. Дѣйствительно, однихъ млекопитающихъ

Сибирскій тигръ.

здѣсь водится громадное число *). Мы не будемъ перебирать ихъ всѣхъ, а остановимся только на нѣкоторыхъ, имѣющихъ болѣе важное значеніе для мѣстнаго населенія.

Видное мѣсто среди нихъ занимаетъ, несомнѣнно, тигръ,— эта большая южная кошка, представляющая настоящій бичъ для жителей Уссурийскаго края.

Русскіе поселенцы и рабочіе не такъ еще боятся его, но китайцы-работники (манзы) чувствуютъ паническій ужасъ и цѣлыми десятками покидаютъ работы, если услышатъ про страшнаго «амба» (дьявола), какъ они зовутъ тигра. По этой причинѣ во многихъ мѣстахъ Уссурийскаго края приходилось приостанавливать работы по постройкѣ великаго сибирскаго рельсоваго пути, пока специально назначенныя команды не очищали мѣстность отъ хищниковъ.

Наглость послѣднихъ доходитъ до того, что они не стѣсняются производить свои разбойничьи нападенія на глазахъ толпы зрителей, среди бѣлаго дня.

Въ 1893 году, въ началѣ февраля, громадный тигръ, бродившій около с. Черниговки, бросился на толпу крестьянъ, которые были заняты въ кедровомъ лѣсу выдѣлкою шпаль, схватилъ одного рабочаго и, несмотря на его сопротивленіе, уволокъ въ тайгу на глазахъ всѣхъ. Товарищи несчастнаго, опомнившись отъ неожиданности, пустились въ догонку за звѣремъ. Но послѣдній, бросивъ полусжѣденный трупъ рабочаго, скрылся въ чащѣ. Послѣ этого онъ недѣли двѣ наводилъ ужасъ на окрестности с. Черниговки своими нападеніями на рабочихъ. Отраженные за нимъ охотники долго не находили его; наконецъ, 19 февраля, узнавъ, что тигръ отнял собаку у одного крестьянина, который шелъ изъ лѣсу въ село, они пустились по свѣжимъ

*) Изъ хищныхъ здѣсь встрѣчаются: медвѣдь, барсукъ, росомаха, куница, соболь, хорь, колонокъ, горностаѣ, ласка, выдра, волкъ, красный волкъ, лисица, рысь, тигръ, барсъ; изъ наземноядныхъ— кротъ, ежъ и куторга; изъ рукокрылыхъ— ушанъ, летучая мышь; изъ грызуновъ— летяга, бѣлка, бурундукъ, сусликъ, пасюкъ (крыса), мышь домовая, полевая м., водяная м., слѣпышь, бѣлякъ, пищуха, сѣноставецъ; изъ толстокожихъ— кабанъ; изъ жвачныхъ— кабарга, косуля, сѣверный олень, обыкновенный олень, лось.

слѣдамъ и скоро открыли звѣря въ густой и высокой, почти въ сродъ человѣка, травѣ. Увидѣвъ враговъ, тигръ бросивъ остатки собаки, сталъ было прыжками уходить отъ нихъ, да мѣткія пули охотниковъ догнали его. Видя что ему не уйти, раненный звѣрь съ яростью бросился на охотниковъ, но пуля, пущенная прямо въ лобъ, свалила его... Радости охотниковъ не было конца. Звѣрь оказался громадной тигрицей, имѣвшей отъ начала морды до основанія хвоста три аршина, а съ хвостомъ—четыре аршина и пять вершковъ. За штуку звѣря они получили 120 рубл., да 50 рубл. преміи, итого 170 рублей, которые и были розданы въ награду этимъ храбрымъ людямъ, въ теченіе двухъ недѣль безъ усталы караулившимъ звѣря.

15 февраля того же года, приблизительно въ полдень, въ 8 верстахъ отъ с. Спасскаго, нѣсколько манзъ тесали въ кедровомъ лѣсу камень для мостовъ Уссурійской желѣзной дороги. Одинъ изъ рабочихъ вышелъ изъ хижины, гдѣ онъ работалъ, и направился къ другой хижинѣ, отстоявшей на 50 шаговъ отъ первой. Вдругъ невдалекѣ, на утесѣ, показался тигръ, который, сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, ударилъ манзу лапой и схватилъ его зубами за бокъ, однако, услышавъ крикъ другихъ манзъ, бросилъ свою жертву и скрылся за утесами. Но едва товарищи успѣли подобрать раненаго и унести въ хижину, какъ хищникъ появился снова. На этотъ разъ онъ прямо направился къ хижинѣ, нѣсколько разъ обошелъ ее кругомъ, но, не найдя входа, улегся предъ дверью. Около часу лежалъ онъ здѣсь. Наконецъ, ожиданіе наскучило ему, и онъ ушелъ. Но скрывшіеся въ хижинѣ манзы были до того перепуганы, что не рѣшались выйти изъ своего убѣжища въ продолженіе 4 дней, пока за ними не прислали десятника. Между тѣмъ, вечеромъ того же 15 февраля, тигръ встрѣтилъ одного китайца, ѣхавшаго въ лѣсъ за бревнами. Звѣрь бросился на лошадь, которая стремглавъ полетѣла прямо въ село, и здѣсь былъ убитъ однимъ храбрымъ крестьяниномъ. Тигръ оказался самцомъ, 2¹/₂ арш. длины отъ начала морды до основанія хвоста.

Въ концѣ февраля на верховьяхъ рѣчки Раковки охотничья команда открыла свѣжіе слѣды звѣря. Въ тотъ же день охот-

ники отправились преслѣдовать его и, зайдя далеко въ тайгу, должны были заночевать, разложивъ костерь. Ночью одинъ изъ охотниковъ, захвативъ на всякій случай винтовку, пошелъ немного въ сторону, чтобы наломать сухихъ вѣтокъ для костра. Возвращаясь обратно, онъ вдругъ увидѣлъ громаднаго тигра, притаившагося шагахъ въ 10 отъ костра. Охотникъ, почти не цѣлясь за темнотою ночи, выстрѣлил. Раненый звѣрь вскочилъ и въ нѣсколько прыжковъ исчезъ между деревьями. Потомъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней охотники безуспѣшно выслѣживали этого тигра; наконецъ, случайно наткнувшись на полуразрушенную фанзу (китайскую хижину), они вдругъ увидѣли предъ дверями ея преслѣдуемаго звѣря. Это было для нихъ такъ неожиданно, что они выстрѣлили все разомъ. Нѣкоторыя пули попали удачно. Звѣрь съ страшнымъ ревомъ повалился было на землю, но скоро оправился и быстрыми скачками скрылся въ тайгѣ. Въ фанзѣ же, къ удивленію солдатиковъ, оказалось нѣсколько мавзъ, которые уже три дня сидѣли здѣсь, запершись, изъ страха нападенія тигра. Усталые охотники рѣшили остановиться въ хижинѣ на отдыхъ. Но на слѣдующую же ночь тигръ, несмотря на свои раны, явился опять къ фанзѣ и даже успѣлъ стащить бывшую у китайца собаку, а затѣмъ скрылся. Раздосадованные охотники рѣшили во что бы то ни стало выслѣдить хищника. Тутъ наступили теплые дни. Снѣгъ сталъ быстро таять, и выслѣживаніе звѣря въ тайгѣ стало невозможнымъ. Такъ дѣло и бросили.

Гораздо удачнѣе была охота въ другомъ участкѣ, гдѣ работала команда каторжниковъ. Разъ, въ концѣ того же февраля, рано утромъ одинъ рабочій велъ лошадь къ колодцу, отстоявшему отъ казармы не далѣе 50 шаговъ. Вдругъ на него бросился тигръ, свалилъ съ ногъ и схватилъ за ногу. Крикъ подоспѣвшихъ людей заставилъ звѣря бросить свою жертву съ переломленной уже ногой. Прибывъ на мѣсто, охотники въ продолженіе нѣсколькихъ дней выслѣживали звѣря, который оказался изъ хитрыхъ: уходя отъ охотниковъ въ тайгу, онъ каждый разъ возвращался къ казармамъ, какъ только прекращали преслѣдованіе. Промучившись нѣсколько дней, охотники рѣшили

наконецъ, поймать звѣря на приманку. Съ этою цѣлью, на свѣжемъ слѣду звѣря, въ 2 верстахъ отъ казармы, они привязали къ дереву живую собаку и, настороживъ 4 ружья, пошли обратно. Но не успѣли они отойти и 300 шаговъ, какъ услышали, что оставленная собака стала рваться и визжать; почти въ то же время раздалось 4 выстрѣла, а послѣ нихъ сильный ревъ звѣря. Затѣмъ все стихло. Тѣмъ не менѣе безоружные охотники не рѣшались вернуться къ ружьямъ, а пошли въ казарму. На слѣдующій день, чуть свѣтъ, они съ новыми ружьями направились къ дереву. Собака оказалась цѣлою, ружья всѣ разряженными, а на сильно помятомъ свѣгу—большія пятна крови, которая шла и далѣе. Охотники пустились по слѣдамъ и скоро открыли звѣря. Завидѣвъ враговъ, разъяренный тигръ съ бѣшенымъ ревомъ кинулся впередъ, но нѣсколько пуль уложили его на мѣстѣ. Онъ оказался старымъ самцомъ 3 аршинъ длины.

Съ этихъ поръ въ окрестностяхъ с. Спасскаго и Черниговки стало тихо, и манзы мало-по-малу стали возвращаться къ брошеннымъ ими работамъ. Однако, ихъ ужасъ предъ тиграми былъ такъ великъ, что они потребовали, чтобы каждую группу рабочихъ сопровождалъ охотникъ...

Судя по убитымъ экземплярамъ, сибирскій тигръ представляетъ если не отдѣльный видъ, то во всякомъ случаѣ особую разновидность обыкновеннаго королевскаго тигра (*Felis tigris*). Главный отличительный признакъ его—густая длинная шерсть, окутывающая тѣло хищника и образующая на шеѣ какъ-бы небольшую гриву. Эта шерсть служитъ тигру достаточною защитою противъ самыхъ сильныхъ холодовъ. Далѣе, хвостъ сибирскаго тигра значительно короче, но за то вдвое толще, чѣмъ у королевскаго тигра.

Раньше, можетъ быть, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уссурійскій тигръ вселялъ всеобщій ужасъ. Дѣйствительно, робкій, плохо вооруженный туземецъ рѣдко отваживался вступать въ состязаніе съ «царемъ тайги», а чаще почтительно уступалъ ему дорогу. Лишь немвроды Уссурійскаго края, — орочны, манегры и отчасти гиляки, — несмотря на свое прими-

тивное оружіе, не боялся тигра и бивали его... Тигръ безраздѣльно царилъ тогда въ тайгѣ, и все трепетало передъ нимъ... Но вотъ явились русскіе, — и золотой вѣкъ полосатаго хищника кончился; предъ нимъ явился грозный врагъ, который не побоялся пойти противъ его въ самую глубь тайги. Настала очередь хищнику отступать передъ смѣлостью человѣка: испытавъ на себѣ его стойкость и силу, онъ сталъ самъ убраться подальше въ тайгу или даже совсѣмъ покидать Уссурийскій край. Конечно, еще и теперь имя его окружено здѣсь ореоломъ ужаса и обаянія, но все-таки видно, что пѣсня его слѣта. Къ тому же тигръ вовсе не внушаетъ русскому населенію такого безотчетнаго страха, какъ можно было ожидать.

— Зная, какимъ страшнымъ престижемъ пользуется варварійскій левъ въ Алжиріи или бенгальскій тигръ въ Индустанѣ, гдѣ предъ ними трепещутъ всѣ, я былъ просто пораженъ, — говоритъ д-ръ Елисеѣвъ*), — тѣмъ непонятнымъ подчасъ равнодушіемъ, съ какимъ многіе, знакомые съ тигромъ по личному опыту, говорятъ о немъ, и тѣмъ хладнокровіемъ, съ какимъ ходятъ на «царя тайги» наши простые мужички. Какъ въ Алжиріи, такъ и въ Феццанѣ, и въ Южной Африкѣ, никогда туземецъ одинъ не выходитъ на борьбу съ могучимъ львомъ: для этого собираются цѣлыя общества, иногда въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Еще съ большими предосторожностями собираются на тигровую охоту англичане въ Индіи... А русскій поселенецъ Уссурийскаго края, выходецъ какой-нибудь Черниговской или Полтавской губерніи, никогда и не слыхавшій на родинѣ о тигрѣ, въ одиночку или самъ-другъ съ маленькой собачкой-лайкой, съ нехитрымъ ружьемъ, идетъ въ самую тайгу, отыскиваетъ тигра въ самомъ логовищѣ и стрѣляетъ его, словно оленя или козу.

— Только бы проявился тигра, — говорили мнѣ не разъ крестьяне, — а ужъ мы его не пропустимъ!!

«И глядя на эти бородатыя фізіономіи, въ которыхъ нѣтъ рѣшительно ничего геройскаго, какъ-то не вѣрилось, чтобы

*) Въ „тайгѣ“.

самый ужасный хищникъ на землѣ могъ встрѣтить опаснаго врага въ простомъ сбромъ армякѣ. Между тѣмъ это не шутка и не фарсъ; подъ мѣткою пулею лядащаго нашего поселенца тигръ падаетъ еще чаще, чѣмъ подъ выстрѣлами солдата или казака. При такой холодной рѣшимости русскаго мужика мнѣ невольно припоминается тотъ паническій страхъ, который нападаетъ на рослаго воинственнаго араба или кабила Алжиріи, или на стройнаго индуса Бенгаліи, когда тотъ или другой изъ страшныхъ хищниковъ поселится вблизи ихъ деревень. Они трепещутъ тогда, заклинаятъ, молятся и въ ужасѣ ждутъ своего избавленія отъ «божьяго грома и бича», но сами рѣдко отваживаются на кажущуюся имъ непосильную борьбу. А у насъ даже бабы во многихъ мѣстахъ перестали обращать вниманіе на тигра: нерѣдко онѣ, ходя по лѣсу, наталкиваются на него, но это не мѣшаетъ отважнымъ женщинамъ продолжать поиски ягодъ и грибовъ».

Но лѣтомъ вообще рѣдко можно видѣть тигра: находя себѣ достаточно пищи въ лѣсу, онъ прячется въ глухой чащѣ тайги. За то съ первымъ снѣгомъ онъ приближается иногда къ самымъ поселеніямъ. Охотятся за нимъ изъ-за приносимаго вреда, да кромѣ того, и сама шкура является цѣнною добычей: она на мѣстѣ стоитъ 40—80 рублей. Сверхъ того, нѣкоторые суевѣрные охотники часто ѣдятъ его мясо въ томъ убѣжденіи, что оно сообщаетъ человѣку храбрость и предохраняетъ отъ нападенія тигра. Рублей 30—40 выручается за желчь, покупаемую для чего-то китайцами, за кости, носимыя въ порошокъ китайскими солдатами для храбрости, и когти. Въ общемъ выручается 150—200 рублей.

Другимъ хищникомъ Уссурійскаго края является *барсъ*, но, къ счастью, онъ имѣетъ гораздо меньшую область распространенія; въ противномъ случаѣ, онъ приносилъ бы еще больше вреда, чѣмъ тигръ, такъ какъ отъ него еще труднѣе спастись: барсъ отлично лазаетъ по деревьямъ. Барсы водятся главнымъ образомъ въ Уссурійской области.

Вмѣстѣ съ тигромъ и барсомъ, — этими южными хищниками, — въ Амурскомъ краѣ живетъ общій русскій знакомецъ —

бурый медвѣдь. Когда-то, въ старину, эти косолапые, добродушные звѣри цѣлыми стадами попадались путешественнику, особенно въ восточной части Амурскаго края — на побережьи Охотскаго моря. Но теперь, съ приобрѣтеніемъ края русскими, число ихъ значительно уменьшилось, благодаря дѣятельному преслѣдованію со стороны человѣка. Впрочемъ, и раньше мѣстные инородцы, главнымъ образомъ — тунгусы, съ усердіемъ охотились на медвѣдя, но такъ какъ эта охота носила почти рыцарскій характеръ,—охотникъ выходилъ на звѣря одинъ на одинъ, вооруженный лишь «гырдой» (рогатиной), то раньше уменьшеніе звѣря было незамѣтно. Только въ послѣдствіи, когда рогатину замѣнили магазинками, косматый звѣрь сталъ быстро исчезать.

Однако, ожесточенное преслѣдованіе будто-бы не озлобило «лѣснаго богатыря»: по прежнему онъ остался добродушнымъ, кроткимъ животнымъ, которое никогда не нападетъ первымъ на человѣка. Такой характеръ амурскаго медвѣдя нужно объяснить тѣмъ, что въ привольной тайгѣ онъ въ изобиліи встрѣчаетъ растительную пищу и рѣдко-рѣдко прибѣгаетъ къ охотѣ на козуль и друг. животныхъ. Круглую весну и лѣто *) нашъ косматый богатырь проводитъ, бродя по тайгѣ, питаясь лѣсными ягодами, виноградомъ, кореньями, а иногда и лакомясь медомъ. До послѣдняго онъ особенно лакомъ: часто прислушиваясь въ лѣсу, не жужжать-ли въ дуплѣ дерева пчелы, онъ принимаетъ звукъ телеграфной проволоки за жужжаніе пчелъ, взбирается на телеграфные столбы и здѣсь, разочаровавшись въ своей надеждѣ, съ досады обрываетъ проволоку...

Кромѣ бураго медвѣдя, на Амурѣ попадаетъ еще тибетскій (*Urbus tibetanus*), меньше обыкновеннаго и смиреннѣе.

Изъ менѣе крупныхъ, хотя также хищныхъ звѣрей, въ Амурскомъ краѣ въ изобиліи водится *соболь* (*Mustela zibellina*), котораго нужно поставить во главѣ пушныхъ звѣрей Приамурья, по высокой цѣнности изящной, хотя и небольшой шкурки. Въ

*) Осень и зиму, съ конца октября до середины марта, т. е. до перваго теплаго весенняго дня, медвѣдь проводитъ въ спячкѣ.

верховьяхъ Амура и Забайкальской области находится родина однихъ изъ самыхъ дорогихъ соболей—густого, почти чернаго цвѣта, мѣхъ которыхъ на мѣстѣ стоитъ десятки рублей. Къ сожалѣнію, эта драгоценная порода, вслѣдствіе усиленнаго преслѣдованія со стороны человѣка, почти уже совершенно исчезла,—и рѣдко-рѣдко, въ теченіе зимняго сезона, охотнику удастся добыть одного-двухъ соболей. Чаще встрѣчается соболь въ восточныхъ частяхъ Амурскаго края — по Уссури и побережью Охотскаго моря, но тамъ мѣхъ его гораздо короче и свѣтлѣе, что значительно понижаетъ его цѣну... Этотъ маленький цѣнный звѣрекъ живетъ въ гористой мѣстности, поросшей хвойнымъ лѣсомъ, гдѣ у него есть свои, излюбленныя, «соболиныя» тропы, на которыхъ охотники и подкарауливаютъ его. Добыча охоты свозится перекупщиками-китайцами въ Хабаровскъ, гдѣ продается отъ 6 до 25 серебряныхъ рублей за шкурку, хотя сами китайцы приобретаютъ ихъ у охотниковъ-туземцевъ за 1—2 руб.

Въ настоящее время Приамурье ежегодно доставляетъ на всемірный рынокъ до 20,000 соболиныхъ шкурокъ, цѣвностью на 300 тыс. рублей.

Изъ остальныхъ хищниковъ, водящихся въ Амурскомъ краѣ, укажемъ на енотовидную собаку, куницу, горностая, ласку, выдру, лисицу, волка и рысь.

Енотовидная собака (*Canis procyonoides*) (амурскій енотъ)— по своему внѣшнему виду стоитъ между собаками и куницами: по строенію головы она поразительно напоминаетъ послѣднюю, въ то время, какъ остальная часть тѣла (до 1 аршина длины безъ хвоста), опирающаяся на слабыя ноги, по формѣ больше всего приближается къ волку. Живетъ она въ норахъ и только въ сумерки выходитъ на добычу. Пищею ея служатъ маленькія животныя, напр., мыши; но, кромѣ того, она любитъ и ягоды, особенно виноградъ. Этому хищника преслѣдуютъ частью изъ-за вкуснаго мяса, частью — изъ-за густого, длиннаго бурога цвѣта мѣха, который нравится китайцамъ.

Гораздо большее, чѣмъ енотовидная собака, значеніе, въ промысловомъ отношеніи, имѣютъ *выдра* и *рысь*.

Выдра (*Lutra vulgaris*) пользуется замѣтнымъ предпочтеніемъ среди азіатскихъ народовъ и уступаетъ только одному соболю. Поэтому и цѣна ея мѣха—довольно высокая (до 20 руб. и болѣе). Въ такой-же цѣнѣ и мѣхъ *рыси* (свѣтлой разновидности), на которую большой спросъ въ Китаѣ и Манджуріи, а мясо ея считается лакомымъ блюдомъ у амурскихъ инородцевъ.

Что касается *лисицы*, то въ Амурскомъ краѣ она попадаетъ въ самыхъ цѣнныхъ ея разновидностяхъ—чернобурой и чернобурой съ сѣдиной, мѣхъ которой на мѣстѣ оцѣнивается въ 100—250 рублей. Въ Европѣ-же цѣна его поднимается до 900—1500 рублей за шкурку.

Изъ жвачныхъ животныхъ наибольшее значеніе имѣютъ козуля, кабарга и олень.

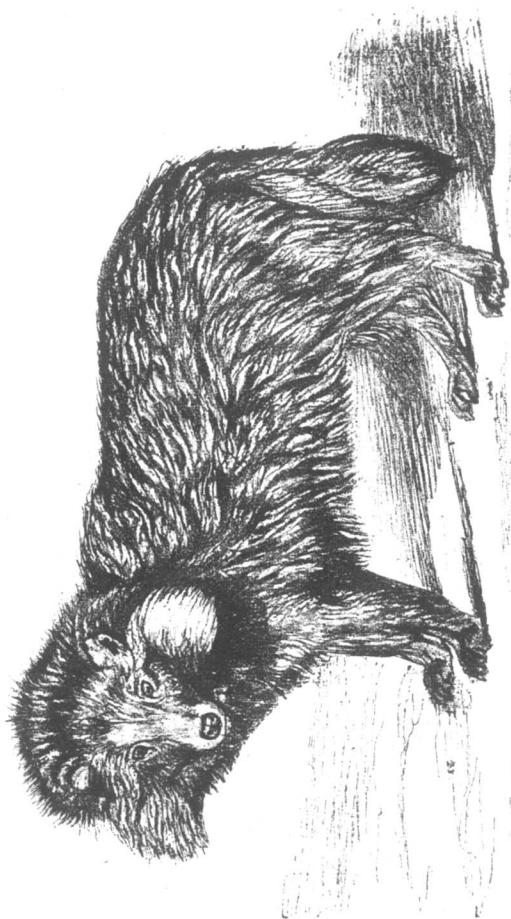
Козуля, или дикая коза (*Cervus capreolus*)—красивое животное, съ живымъ, умнымъ взглядомъ и короткими вѣтвистыми рогами. Она попадаетъ иногда въ громадномъ числѣ; такъ, въ 1888 году населеніемъ было добыто до 150 тысячъ головъ. Шкурки продавались по 30—40 коп. за шкуру, мясо—по рублю за тушу. На зиму козули переселяются цѣлыми стадами въ теплую Манджурію, гдѣ зимою ей легче добывать себѣ кормъ.

Кабарга, напротивъ, встрѣчается по одиночкѣ, въ горахъ, покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ, карабкаясь по скаламъ и утесамъ. За ней охотятся главнымъ образомъ изъ-за пахучаго мускуса, который находится у самца въ задней части живота. Съ одного животного этого мускуса добываютъ рубля на 2, по мѣстнымъ цѣнамъ. Мясо кабарги въ пищу не идетъ, за то изъ шкуры, говорятъ, можно приготовить прекрасную замшу. Къ сожалѣнію, промыселъ этотъ еще не развитъ.

Въ густыхъ, прохладныхъ, обильныхъ ручьями лѣсахъ Уссурийскаго края водится разновидность *благороднаго оленя*—*пятнистый олень* (*cervus axis*). Это изящное, кроткое животное усердно преслѣдуется всѣми охотниками, такъ какъ мясо, шкура и рога его имѣютъ хорошіи сбытъ.

Туземцы охотятся за нимъ осенью и весной съ ручнымъ оленемъ. Охотникъ, завидѣвъ стадо оленей, подпускаетъ къ

нимъ домашняго на длинномъ ремнѣ изъ-подъ вѣтра и самъ крадется за нимъ. Чѣмъ лучше обученъ олень, тѣмъ вѣрнѣе

Енотовидная собака (амурской скотъ).

успѣхъ охоты: по знаку охотника ручной олень долженъ ложиться, стоять, пастись и поворачиваться въ разныя стороны... Не подозрѣвая опасности, дикіе олени беззаботно подпускаютъ своего собрата, — и тутъ ловкая стрѣла охотника разить ихъ

одного за другимъ. Кромѣ того, оленей ловятъ въ ямы и загоняютъ въ загородки.

Восною въ лѣса отправляются цѣлыя партіи «охотниковъ за пантами». Панты — это молодые (съ кровью) рога оленя, заключающіе, по мнѣнію китайцевъ, цѣлебную силу *). Добывши «панты», ихъ вывариваютъ особымъ способомъ, извѣстнымъ однимъ китайцамъ, и продаютъ въ «Срединной имперіи» до 400 рублей за пару.

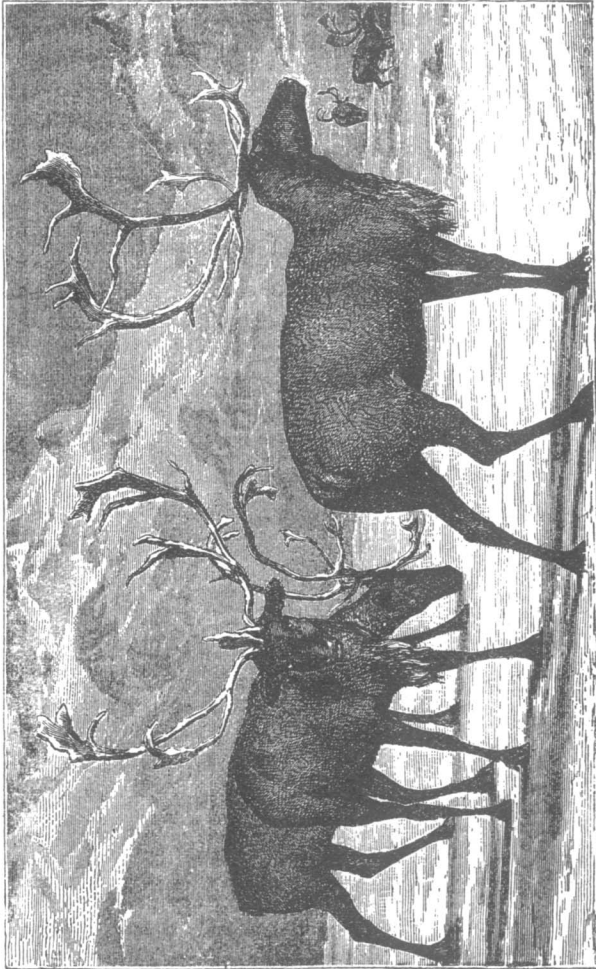
Нѣсколько ниже (до 250 р.) цѣна пантовъ, снятыхъ съ *марала*, или *изюбря* (*cervus maral*), другой разновидности благороднаго оленя, которая водится въ Примурскомъ краѣ, занимая широкую область распространенія.

Высокая цѣна пантовъ послужила причиной къ основанію оригинальной отрасли сельскаго хозяйства Сибири — мараловодства, т. е. искусственнаго разведенія оленей, съ цѣлью полученія отъ нихъ драгоцѣнныхъ роговъ. Этотъ промыселъ перешелъ въ Амурскій и Уссурійскій край изъ Забайкалья лѣтъ 15 тому назадъ. Первый и самый обширный здѣсь маральникъ принадлежитъ извѣстному сельскому хозяину И. И. Янковскому (въ Уссурійскомъ краѣ), большое имѣніе котораго служило лѣтъ 20 тому назадъ убожищемъ для дикихъ оленей, свободно размножавшихся здѣсь. Г. Янковскій началъ съ того, что, подбирая въ лѣсу новорожденныхъ оленятъ, воспитывалъ ихъ на коровьемъ молокѣ. Такимъ образомъ получались совершенно ручныя животныя, которыя, вырастая, стали давать панты. Хотя послѣдніе болѣе чѣмъ на половину дешевле роговъ, снятыхъ съ убитыхъ рогачей вмѣстѣ съ частью черепа, но за то получаютъ постоянно, такъ какъ рога вырастаютъ у оленей ежегодно. Операція спиливанія роговъ длится всего нѣсколько секундъ и почти безболѣзненна, а выступившія на пенькахъ нѣсколько капель крови обыкновенно засыхаютъ въ полчаса.

Г. Янковскій предполагаетъ довести въ своемъ маральникѣ число оленей до 100 головъ, изъ коихъ—до 40 рогачей, спо-

*) По однимъ свѣдѣніямъ, изъ пантовъ готовится лѣкарство, служащее для возбужденія, по другимъ — средство, восстанавливающее здоровье послѣ трудныхъ болѣзней.

собныхъ ежегодно давать панты. Такой маральникъ, въ среднемъ, можетъ дать до 3000 рублей чистаго дохода въ годъ *).

Сѣверные олени.

*) Приамурскій край на Амурско-Приморской Выставкѣ 1899 г.
Е. Т. Смирнова.

Кромѣ вышеуказанныхъ звѣрей, въ Амурскомъ краѣ встрѣчается много и другихъ, за которыми охотятся лишь мимоходомъ. Поэтому мы и пройдемъ ихъ молчаніемъ. По тому-же самому намъ нечего говорить и о птицахъ, которыхъ въ Амурскомъ краѣ множество всякихъ видовъ. Но изъ нихъ только фазаны, тетерева, гуси да утки имѣютъ еще кое-какое промысловое значеніе, а остальные виды—служатъ только объектомъ наблюденій натуралистовъ да предметовъ охоты охотниковъ-любителей. Въ общемъ же, о здѣшнихъ птицахъ нужно сказать, что здѣсь существуетъ такое-же смѣшеніе видовъ, какое мы замѣтили относительно древесныхъ породъ: съ одной стороны наталкиваешься на полярные виды, съ другой—чуть не тропическіе.

Такое же оригинальное смѣшеніе видовъ замѣчается и среди рыбъ, которыхъ въ Амурѣ и его притокахъ такое множество, что Амурскій край смѣло можно назвать «рыбною страной».

Путешественникъ Алябьевъ, описывая свои впечатлѣнія на Уссури, говоритъ: «Кто повѣритъ тому, что большую часть дня, пока пароходъ плыветъ по рѣкѣ, только и слышатся удары рыбы о дно, и на поверхности воды только и виднѣются выскакивающія вверхъ рыбы? Можно-ли повѣритъ тому, что бывали случаи, когда рыбы чрезъ иллюминаторы проскакивали прямо на пароходъ? А между тѣмъ это такъ. Гдѣ можно, кромѣ Уссури, однимъ неводомъ вытащить болѣе двухъ тысячъ пудовъ рыбы и захватить ихъ разомъ нѣсколько тысячъ штукъ?»

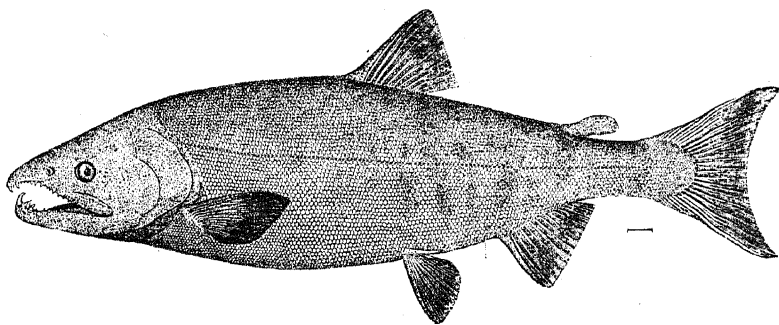
«Порою, именно, во время движенія вверхъ по рѣкѣ «проходныхъ» рыбъ, рѣка такъ и кишитъ ими: устье рѣки запружается ею, а берегъ рѣки иногда на нѣсколько верстъ бываетъ покрытъ сплошными холмами выброшенной волнами рыбею икры! Нечего и говорить, что тогда не стоитъ и употреблять неводовъ: рыбу можно ловить прямо руками, а сколько ея гибнетъ выброшенною на берегу! Иногда на десятки верстъ ваше обоняніе поражается невыносимымъ зловоніемъ: то гниютъ груды рыбьихъ тѣлъ, выброшенныхъ на берегъ».

«Такое раздолье рыбы во всякомъ другомъ мѣстѣ и при другихъ условіяхъ, конечно, могло бы составить неисчерпаемый

на долгое время источникъ богатства для мѣстныхъ жителей. Но Амурскій рыбный промыселъ въ настоящее время ограничивается только предѣлами мѣстной потребности; тѣмъ не менѣе, онъ все же занимаетъ первое мѣсто въ ряду остальныхъ промысловъ жителей низовій Амура и его главныхъ притоковъ».

Главное значеніе здѣсь имѣютъ двѣ рыбы изъ сем. лососевыхъ: кѣта (*Oncorhynchus keta* Walb) и горбуша (*Oncorhynchus gorbuscha* W.), которыя громадными массами поднимаются въ определенное время года изъ моря—въ рѣки.

«Кѣта въ значительныхъ массахъ доходитъ только до устья

Кѣта (*Oncorhynchus keta* Walb).

Сунгари, заходя во всѣ озера и рѣчки; далѣе она поднимается, повидимому, не очень охотно, хотя и доходитъ до Аргуни и даже Онона.

«Ходъ кѣты совершается три раза въ теченіе лѣта. Въ устьяхъ впадающихъ сюда рѣчекъ (Ма, Хадэ и др.) кѣта толпится уже въ началѣ іюня, вскорѣ послѣ чего начинается и первый ея валовой ходъ, который продолжается около двухъ недѣль; но далеко вверхъ по рѣкѣ рыба на этотъ разъ не идетъ, предпочитая держаться преимущественно въ низовьяхъ сказанныхъ рѣчекъ. Дней черезъ десять начинается второй ея ходъ, который продолжается до августа. Въ это время кѣта появляется въ большомъ количествѣ, при чемъ обнаруживается и большее влеченіе къ прѣсной водѣ, иными словами—поднимается выше по рѣчкамъ. И этотъ ходъ прекращается недѣли

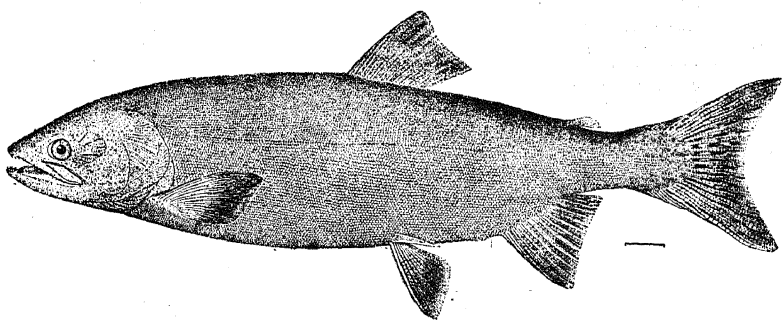
на двѣ, послѣ чего, во второй уже половинѣ августа, кѣта начинаетъ свой настоящій ходъ, въ несмѣтныхъ количествахъ входя въ рѣки и поднимаясь по нимъ настолько, насколько только можетъ, не страшась при этомъ ни искусственныхъ, ни естественныхъ преградъ. Она лѣзетъ въ это время на проломъ, готовая на все, лишь бы только идти вверхъ по рѣкѣ. Первый ходъ кѣты—самый малорыбный, зато третій уступаетъ первому въ достоинствѣ рыбы. Во время перваго хода кѣта свѣжа, бодра, посоль ея даетъ прекрасные результаты какъ относительно вкуса, такъ и прочности при храненіи. И замѣчательное дѣло — тогда какъ кѣта перваго хода можетъ сохраняться на воздухѣ безъ порчи цѣлыя лѣтнія сутки, кѣта второго хода начинаетъ уже портиться по прошествіи 12 часовъ, а третьяго хода — и того менѣе; къ тому же мясо ея дѣлается дряблымъ и, конечно, сравнительно, даже невкуснымъ.

«Во время перваго появленія кѣты, цвѣтъ чешуи ея серебристо-бѣлый, жабры красныя, челюсти прямыя, зубы едва замѣтны, мясо розово-краснаго цвѣта. Во время второго хода серебристо-бѣлый цвѣтъ становится болѣе блеклымъ, жабры темнѣютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ близъ плавниковъ появляются темныя пятна неопредѣленной формы, верхняя челюсть вытягивается внизъ, зубы вырастаютъ и нѣсколько загибаются къ полости рта, мясо становится краснымъ. Во время же третьяго хода кѣты, въ ней на первый взглядъ трудно признать июньскую кѣту. Цвѣтъ чешуи становится темнымъ, пятна отъ плавниковъ распространяются по бокамъ и становятся почти черными, благодаря чему и вся рыба кажется грязно-пѣгою; жабры еще сильнѣе темнѣютъ, челюсти искривляются, а зубы становятся большими крючкообразными, «какъ у порядочной собаки, почему она и получила названіе зубатки».

«Кѣта перваго хода по величинѣ превосходитъ кѣту второго хода, а эта послѣдняя кѣту—третьяго хода. По мнѣнію орочей, въ іюнѣ идетъ старая кѣта, въ іюлѣ—молодь, а въ августѣ—самая молодая, которая мечетъ икру въ первый разъ.

«Кѣта идетъ всю ночь съ частыми, но недолгими перерывами. Насколько я замѣтилъ,—пишетъ Алмазовъ,—днемъ она

останавливается въ тихихъ, глубокихъ мѣстахъ и тамъ сливается въ громаднѣйшія стада, которыя стоятъ на мѣстѣ, густо сжавшись и шевелясь настолько, сколько надо, чтобы не уносило теченіемъ. Изрѣдка, поочередно, рыбины высовываютъ голову на поверхность, но и это дѣлаютъ какъ-то вяло, нехотя. Чуть займется заря, ходъ рыбы усиливается, и кѣта, къ концу наступающаго дня, дѣлаетъ послѣдній и самый бѣшеный напоръ: какъ одурѣвшая, мечется она на заѣздокъ (устроенный для лова), испуганная видомъ людей бросается въ разные стороны, а сзади напираютъ все новыя и новыя толпы... и,

Горбуша (*Oncorhynchus gorbuscha* Walb).

въ концѣ концовъ, рѣка становится похожею на какой-то пѣнящійся и клокочущій котель... Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, напримѣръ, въ Хабаровскѣ, въ дни удачнаго лова, цѣна кѣты доходила иногда до рубля за сотню, иными словами—2—3 к. за пудъ! Вслѣдствіе такого изобилія, рыба появляется вездѣ и во всякихъ видахъ: ее варятъ, жарятъ, солятъ и вялятъ въ громадныхъ количествахъ. Даже медвѣди, кабаны, орлы и вороны ѣдятъ рыбу, но какую ужъ удастся—преимущественно же уснувшую, масса которой всюду валяется по отмелямъ рѣкъ...

«Горбуша поднимается по Амуру въ теченіе первой половины лѣта. Около Николаевска самый сильный ходъ горбуши бываетъ 8—15 іюня, иногда—въ іюлѣ. Нѣкоторые наблюдатели, какъ Маргаритовъ, указываютъ, что ходовъ горбуши также

бываетъ три, изъ которыхъ каждый предшествуетъ соответствующему ходу кэты, то есть первый ходъ горбуши предшествуетъ первому же ходу кэты и т. д., такъ что ходъ кэты и горбуши, смѣняя другъ друга, продолжается въ теченіе всего лѣта.

«При этомъ интересно, что появленіе кэты и горбуши въ Амурѣ не всякій годъ одинаково, и за общее правило принято считать, что если горбуши идетъ много, то кэты будетъ мало, и обратно. Напримѣръ въ 1858 г. горбуша явилась въ рѣкѣ въ большомъ количествѣ, а уловъ кэты былъ незначительнымъ, въ слѣдующемъ же году, наоборотъ, кэта появилась во множествѣ, а горбуши не было вовсе. Это подтверждается и наблюденіями орочей, по которымъ обиліе горбуши—предвѣщаетъ недостатокъ въ кэтѣ, и наоборотъ.

«Горбуша не только поднимается по Амуру, но входитъ въ самыя мелководныя рѣчки и въ большомъ количествѣ добывается до самыхъ вершинъ рѣчекъ, гдѣ онѣ обращаются уже въ маленькіе ручьи. Здѣсь рыба эта доставляетъ обильную пищу не только людямъ, могущимъ, въ виду ея изобилія, добывать ее одною только заостренною палкой, но и медвѣдямъ, мастерски выбрасывающимъ ее на берегъ рѣки лапою.

«Во время хода горбуша измѣняется еще болѣе рѣзко, чѣмъ кэта, и это измѣненіе выражается наиболѣе во время послѣдняго хода. Не говоря уже объ измѣненіи наружныхъ покрововъ и ротовыхъ частей, у горбуши къ третьему ходу образуется на спинѣ горбъ, который, начинаясь около затылка, поднимается вверхъ почти подъ прямымъ угломъ приблизительно на дюймъ и постепенно спускается къ хвосту. Вмѣстѣ съ этимъ измѣненіемъ падаетъ и достоинство мяса горбуши, которое постепенно темнѣетъ и становится дряблымъ. Выше ущелья Бурейскихъ горъ горбуша подымается рѣдко.

«Горбуша и кэта идутъ изъ моря въ рѣки для того, чтобы здѣсь выметать икру. Въ связи съ этимъ процессомъ находятся и наружныя измѣненія рыбъ и ихъ стремленія къ самымъ быстрымъ и мелкимъ мѣстамъ рѣкъ, до того неудержимыя, что онѣ часто выскакиваютъ на каменистыя отмели, по которымъ, сгоряча, и проскакиваютъ по нѣскольکو саженъ. Въ тоже время

рыбы, какъ извѣстно, ничего не ѣдятъ, дѣлаются болѣе тощими и, истощенныя безкормицей и половыми отравленіями, въ концѣ концовъ погибаютъ. Во время хода этихъ рыбъ, тамъ и сямъ по берегамъ рѣкъ въ большихъ массахъ валяется мертвая рыба, а по мелкимъ мѣстамъ и затонамъ легко наблюдать ее въ различныхъ стадіяхъ истощенія и близкихъ уже къ гибели, такъ что обратнаго хода рыбы, то есть, внизъ по теченію, здѣсь не бываетъ. Это явленіе хода рыбы въ рѣки для икрометанія и гибели здѣсь Миддендорфъ назвалъ — «кочеваніемъ до смерти».

Послѣ кэты и горбуши нужно поставить осетровъ.

«Осетръ достигаетъ вѣса до 10 пудовъ; ловится въ теченіе цѣлаго года. Весною, съ вскрытіемъ рѣки, большое количество малыхъ осетровъ выходитъ въ море и составляетъ при устьѣ рѣки, въ лиманѣ, предметъ значительной ловли. Для Амурской области какъ осетръ, такъ и калуга—самый крупный представитель рыбнаго населенія Амура—имѣютъ наибольшее значеніе, какъ промысловыя рыбы.

Затѣмъ, промысловое значеніе отчасти уже имѣютъ, отчасти могутъ имѣть слѣдующіе виды рыбъ: налимъ, сомъ, толпыга, достигающая метра длины, скрыпунъ такой же длины, сазанъ, достигающій здѣсь огромныхъ размѣровъ, карась, лещъ, линь, сигъ, форель, щука, сычъ и др. *)».

Изъ нашего краткаго очерка животнаго царства Амурскаго края видно, какая это благодатная страна. Лѣтомъ, когда горячіе лучи солнца сгоняютъ послѣдніе остатки снѣга, когда нѣжно-зеленый коверъ покроетъ долины, мрачная обыкновенно тайга оживаетъ: въ лѣсу стонъ стоитъ отъ пѣнія. Еще оживленнѣе на берегахъ озеръ и береговыхъ заводяхъ Усури и Амура, гдѣ глазъ не можетъ охватить безчисленныхъ птичьихъ стай, образующихъ здѣсь самыя живописныя картины... Какое раздолье! Какъ бы привольно жить здѣсь, если бы не было маленькаго, неумолимаго врага, который мириадами появляется съ наступленіемъ теплаго времени и буквально отрав-

*) „Амуръ“. Г. Е. Грумъ-Гржимайло, стр. 350 и далѣе.

ляетъ существованіе и скота, и человѣка. Эти мучители—комары, оводы, клещи и т. п. насѣкомыя, которыхъ мѣстные жители охарактеризовали именемъ «гноса». Нѣкоторые изъ нихъ—оводы—достигаютъ огромныхъ, сравнительно, размѣровъ (до 1 вершка длиною). Другіе берутъ численностью. И нѣтъ спасенія отъ нихъ! Несмѣтными стаями бросается «гносъ» на несчастныхъ животныхъ и жалитъ, жалитъ безъ конца... Напрасно скотъ бѣшено машетъ хвостами, напрасно старается отбиться отъ своихъ свирѣпыхъ враговъ,—последніе не оставляютъ своей жертвы. Наконецъ, измученное, обезсилѣвшее животное, все въ волдыряхъ и ранахъ, съ бѣшеннымъ ревомъ бросается на землю и часто умираетъ, закусанное на смерть. Единственное спасеніе отъ «гноса» — пускать, ѣдкій, густой дымъ, который только и отгоняетъ мучителей. Впрочемъ, старожилы единогласно утверждаютъ, что теперь «совсѣмъ стало легче» и противъ прежняго на половину нѣтъ «гноса». Увеличеніе пространства запашекъ, уменьшеніе болотъ и уничтоженіе части лѣсовъ сильно уменьшило количество насѣкомыхъ. Но все-таки, подальше отъ городовъ и селеній, и теперь еще тяжело безъ дыма провести хоть часъ среди тайги!..

Заканчивая настоящую главу, мы должны упомянуть еще объ одномъ животномъ, когда-то имѣвшемъ большое промысловое значеніе, но теперь почему-то забытомъ. Мы говоримъ про жемчужную раковину (*Anodonta plicata*), доставляющую драгоценный жемчугъ. Лѣтъ сто тому назадъ въ рѣкахъ Аргуни и Шилки добывался довольно крупный жемчугъ, но съ тѣхъ поръ промыселъ этотъ упалъ,—и о жемчугѣ забыли. Въ последнее время нашли хорошихъ жемчужницъ въ нѣкоторыхъ притокахъ Селимджи, гдѣ ловля жемчуга обѣщаетъ, повидимому, дать хорошіе результаты.

VI.

Минеральные богатства Амурского края.

Недостаточность изслѣдованія края въ геологическомъ отношеніи.—Его предполагаемыя минеральныя богатства.—Каменный уголь.—Мраморъ.—Сурьмяный блескъ.—Желѣзо.—Золото.—Желтугинская республика и ея разгромъ.—Новая „Русская Калифорнія“.

Какъ ни велики наземныя богатства Амурского края, какія громадныя выгоды не сулятъ они поселенцу,—при умѣломъ пользованіи, конечно,—но еще больше богатствъ скрыто здѣсь въ нѣдрахъ земли. Если справедлива народная пословица, что «Сибирь—золотое дно», то пожалуй, ближе всего она примѣнима къ Амурскому краю. Правда, эти колоссальныя богатства далеко еще не приведены въ извѣстность, потому что и само геологическое строеніе страны еще не достаточно выяснено *), но и при тѣхъ свѣдѣніяхъ, какія мы имѣемъ, Амурскій край смѣло можно считать одною изъ богатѣйшихъ странъ въ мірѣ, а нѣкоторымъ мѣстностямъ по всей справедливости можно присвоить названіе «Русскихъ Калифорній».

Прежде всего, здѣсь открыты богатыя мѣстороженія драгоценнаго минеральнаго топлива—каменнаго угля, но, къ сожалѣнію, они не разрабатываются. Въ бассейнѣ среднего Амура, выше рѣки Кумары, есть одна гора «Цагаянъ», вершина которой постоянно курится въ тихую, ясную погоду. При ближай-

*) По геологіи страны намъ извѣстны только отрывочныя данныя, по которымъ трудно составить общее представленіе. Въ общемъ, по словамъ Г. Е. Грумъ-Гржимайло, бассейнъ Амура поражаетъ насъ прежде всего своею бѣдностью въ ископаемыхъ остаткахъ животныхъ, а затѣмъ—и однообразіемъ въ строеніи и составѣ почвы. Основу большинства горныхъ цѣпей составляетъ, повидимому, гранитъ. Склоны же предгорій состоятъ преимущественно изъ сланцевъ—сланяного, гальковаго, хлоритоваго, кремнистаго, изъ роговиковъ и частью изъ гнейсовъ и известняковъ. Наконецъ, плоскогорія и низменности состоятъ изъ конгломератовъ, песчаниковъ и наносовъ.

шемъ изслѣдованіи оказалось, что это интересное явленіе происходитъ отъ самовозгоранія залегающихъ въ средія горы пластовъ каменнаго буроуголя. Качества послѣдняго хорошо не извѣстны, впрочемъ; но говорятъ, что, по крайней мѣрѣ, на поверхности здѣсь уголь не важный.

Лучшаго качества каменный уголь встрѣчается по Амуру, между р. Олдоемъ и ст. Черняевой и верстахъ въ 9 выше ст. Инокентьевской. Правда, открытые пока пласты не превышаютъ толщины полфута, но есть всѣ данныя, что въ этой мѣстности находятся и болѣе мощные пласты угля. Хорошаго качества уголь открытъ также въ верховьяхъ Зеи и Буреи, но и тамъ не находится еще охотниковъ разрабатывать его. Нужно принять во вниманіе, что, во-1-хъ, въ Амурскомъ краѣ еще очень дешево древесное топливо, а во-2-хъ, сравнительно, недалеко—на островѣ Сахалинѣ, находятся богатые залежи угля, выработка которыхъ пока и удовлетворяетъ мѣстные потребности.

Почти въ такомъ же печальномъ положеніи стоитъ изслѣдованіе и другихъ ископаемыхъ богатствъ Амурскаго края: мы имѣемъ только крайне отрывочныя свѣдѣнія о немногихъ развѣдкахъ. Однако, и послѣднія уже показали, что въ нѣдрахъ земли здѣсь лежатъ самые разнообразныя минералы и металлы.

Такъ, въ верховьяхъ Зеи, по сообщенію штейгера Аргунова, открыты имъ серебро-свинцовыя руды; къ сѣверу отъ ст. Екатерино-Никольской, въ горахъ Ванда, существуетъ, повидимому, также богатое мѣсторожденіе серебряныхъ рудъ; къ сѣверу отъ ст. Сагибовой, на горѣ Балучанъ, горн. инж. Бачевичъ открылъ мощныя (до $1\frac{1}{2}$ арш.) залежи сурьмяного блеска, единственныя, до сихъ поръ извѣстныя въ Россіи и годныя къ обработкѣ. Недалеко отъ ст. Ермаковой (по Амуру) найдены толстыя (до $1\frac{1}{3}$ арш.) пласты сѣраго и снѣжно-бѣлаго мрамора: еще больше послѣдняго на р. Зеѣ, а недалеко отъ р. Чукчукавъ есть даже цѣлая «Мраморная гора», которая, впрочемъ, разрабатывается, но только... для обжиганія извести.

Еще богаче Амурскій край желѣзомъ, которое встрѣчается здѣсь въ такомъ изобиліи, что руды желѣзняка составляютъ какъ бы почву Амурскаго бассейна. Это обиліе желѣза отра-

жаются даже на магнитныхъ стрѣлкахъ, которыя приходятъ здѣсь въ сильное колебаніе. Присутствіе громадныхъ массъ желѣза въ толщѣ земли Амурскаго края, какъ и вообще въ Восточной Сибири, производитъ здѣсь сильное напряженіе магнетизма и этимъ, между прочимъ, нѣкоторые объясняютъ суровость климата этихъ странъ (особенно, въ гористыхъ мѣстностяхъ).

Несмотря, однако, на такое, почти баснословное богатство желѣзомъ, руды этого металла остаются въ Амурскомъ краѣ почти совершенно не изслѣдованными, исключая мѣсторожденій въ долинѣ Самары. Но за то здѣсь, по приблизительному расчету, заключается свыше 20 милліоновъ пудовъ чистаго желѣза; главныя руды—бурый и красный желѣзнякъ, съ содержаніемъ отъ 50% до 70% чистаго металла. Такимъ образомъ этого количества желѣза, при условіи добычи ежегодно до 100,000 пудовъ, хватило бы на 200 лѣтъ. Весь вопросъ стоитъ теперь за топливомъ, такъ какъ лѣсъ на далекое пространство кругомъ вырубленъ, или выжженъ, а каменнаго угля пока не нашли. Когда же найдутъ послѣдній по близости, то, несомнѣнно, Самарская долина сдѣлается одною изъ богатѣйшихъ странъ по выдѣлкѣ желѣза и чугуна.

Еще богаче залежь близъ залива Св. Ольги, гдѣ обнаруженъ запасъ руды въ 300 милл. пудовъ, съ среднимъ содержаніемъ желѣза въ 53—58%; такого же качества руда въ количествѣ 50 милл. пудовъ, находится у залива Св. Владимира. Большіе запасы руды (до 40 милл.) съ содержаніемъ желѣза отъ 31% до 39, 20% залегаютъ близъ г. Николаевска на Амурѣ.

Итакъ, мы видимъ, что громадныя минеральныя богатства Амурскаго края почти не затронуты. Исключеніе представляетъ находимое здѣсь въ изобиліи золото. Несмотря на то, что золотопромышленность началась здѣсь только въ 1868 г., уже въ настоящее время Амурскій край, по количеству добытаго золота, занимаетъ второе мѣсто въ Россіи, среди губерній и областей. Съ 1868 г. по 1892 г. здѣсь добыто всего болѣе 6,500 пудовъ золота, а за три года (1896—1897—1898) до 1,154 пудовъ.

Наибольшимъ богатствомъ (до 4 зол. золота на 100 пудовъ песку) отличаются пріиски въ верховьяхъ Ура, по Иликану и Ньюману. Разработывавшіеся прежде пріиски по р. Джилиндѣ мало-по-малу забрасываются, и дѣятельность крупныхъ золото-промышленныхъ компаній сосредоточивается нынѣ главнымъ образомъ на верхней Зеѣ и Ньюманѣ.

Все добываемое до сихъ поръ золото — розсыпное, которое встрѣчается по дну горныхъ рѣчекъ; только въ послѣднее время открыты коренныя мѣстопробы золота, въ жильномъ мусковитовомъ гранитѣ, въ системѣ Джалты и Джалона, но они еще не разрабатываются.

Обиліе золота на Амурѣ, въ связи съ непроходимостью Амурской тайги и отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія, разумѣется, способствовали наплыву сюда бродячаго элемента — вольныхъ «старателей», которые занялись хищнической добычей благороднаго металла. Понятно, при этихъ условіяхъ розсыпи разрабатывались кой-какъ, а получаемые при промывкѣ отбросы только засоряли пріискъ. Иногда эти «старатели» составляли небольшія артели, въ нѣсколько человѣкъ, но иногда образовывали цѣлыя общества, болѣе или менѣе правильно организованныя.

Интересный опытъ такого народнаго самоустройства представляла такъ называемая Желтугинская республика, или, въ просторѣчїи, «Желтуга». Подъ этимъ названіемъ были извѣстны богатые золотые пріиски, находящіяся на правой, китайской, сторонѣ Амура, противъ станицы Игнашиной. Мѣстность была пустынная, не занятая осѣдлымъ манджуро-китайскимъ населеніемъ и только изрѣдка посѣщавшаяся бродячими ороचनाми, русско-подданными.

Слухъ объ открытіи богатыхъ и никому не принадлежавшихъ золотыхъ пріисковъ быстро распространился по всей Сибири и привлекъ на Желтугу массу всякихъ «охочихъ» людей. Сюда шли за легкой наживой безпаспортные и ссыльно-поселенцы; сюда бѣжали каторжники, вырвавшіеся на волю изъ тюремъ; сюда же, наконецъ, направлялся и весь тотъ бездомный «людь», которому не сидѣлось на одномъ мѣстѣ и который

думалъ попробовать здѣсь счастья. Въ общемъ населеніе «Желтуги» оказалось самое пестрое: случалось, бывшій каторжникъ и ссыльно-поселенецъ работалъ рядомъ съ отставнымъ чиновникомъ или офицеромъ; бѣлый рабочій — рядомъ съ желтолицымъ китайскимъ «кули, который тоже явился сюда искать своего счастья...

Сначала въ этомъ разноплеменномъ и разноязычномъ сбродѣ царилъ полный беспорядокъ: каждый дѣлалъ, что хотѣлъ, управы ни на кого не было. Поэтому и кражи, и открытые грабежи, и даже убійства со стороны бывшихъ «рыцарей большой дороги» были не рѣдкость. Но скоро здравый смыслъ большинства старателей взялъ верхъ и положилъ конецъ этому безобразію. И вотъ образовалась настоящая республика съ президентомъ, недавно умершимъ въ Благовѣщенскѣ, нѣкимъ Прокудинымъ — во главѣ. Всѣ жители, — а ихъ набралось по однимъ свѣдѣніямъ до 4 тысячъ, по другимъ до 8, — раздѣлились на три квартала — каторжниковъ, «вольныхъ» и китайцевъ. Каждый кварталомъ завѣдывалъ свой старшина. Судъ старшинъ, вѣдая всѣ дѣла и разбирая споры, выработалъ и законы, которые сначала были кратки и жестоки, затѣмъ были дополнены и значительно смягчены, такъ что отъ нихъ вѣяло уже гражданскимъ благоустройствомъ. Въ виду безпокойныхъ элементовъ населенія (каторжниковъ и малоразвитыхъ китайцевъ) наказанія были суровы. Такъ, лѣтомъ 1885 г. судъ старшинъ приговорилъ пятерыхъ «сахалинцевъ» къ повѣшенію за убійство семейства пріискателей. Двухъ повѣсили, а остальныхъ простили, наказавъ ихъ, предварительно, по 1,000 ударовъ розгами. Впрочемъ, потомъ, согласно просьбѣ «гражданъ» республики — зрителей, рѣшили уменьшить наказаніе до 500 ударовъ. Дальнѣйшая судьба этихъ «господъ» неизвѣстна: вѣроятно, не остались въ живыхъ, такъ какъ молва о желтугинскихъ розгахъ шла далеко по Сибири.

Судъ «республики» былъ настолько нелицепріятенъ, что его не могли избѣжать и «чиновные» граждане, если они попадались въ преступленіи. Такъ, не избѣжалъ, повидимому, розогъ попавшій какъ-то въ Желтугу бывшій исправникъ Забайкальской области...

Такое безпристрастіе судей не нравилось, конечно, многимъ «проходимцамъ», явившимся на Желтугу «ловить рыбу въ мутной водѣ». Они-то впоследствии и стали распространять слухи о грабежахъ и насиліяхъ, происходившихъ будто-бы на Желтугѣ. Между тѣмъ, судя по немногимъ, правда, дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, въ республикѣ дѣло обстояло вовсе не такъ плохо: порядокъ царилъ если и не образцовый, то все-таки примѣрный. Все зло составляли «торгаши» *) и другіе аферисты, которые спаивали гражданъ, обирали ихъ и увозили съ собою добытое тѣми золото. Въ результатѣ—за два года на Желтугѣ было добыто до 500 пудовъ золота, а рабочіе ничуть не улучшили свое жалкое положеніе, да и сами 500 пудовъ драгоценнаго металла «уплыли», неизвѣстно куда.

Но эти неприглядныя стороны Желтугинской республики могли впоследствии мало-по-малу исчезнуть,—и тогда благосостояніе «гражданъ», несомнѣнно, поднялось бы: вѣдь и въ Американской Калифорніи дѣла сначала шли не лучше. А порядки на австралійскихъ прискахъ, гдѣ сначала работали сплошь каторжники?! Однако и Калифорнія, и Австралія превратились скоро, благодаря своему золоту, въ цвѣтущія страны. Отчего-же нельзя думать, что подобное могло-бы совершиться и съ «Русской Калифорніей?» Къ сожалѣнію, судьба распорядилась иначе. Китайское правительство, уже давно подозрительно посматривавшее на возникновеніе въ предѣлахъ своихъ владѣній вольнаго общества, распорядилось просто: разгромило Желтугу» вооруженною силою, а съ подданными «желтугинцами» (китайцами) сурово расправилось, казнивъ ихъ безъ пощады и милосердія. Только немногіе изъ этихъ несчастныхъ, успѣвшіе переправиться на русскій берегъ,—да и изъ нихъ не всѣ,—спасли свою жизнь. Русскіе же подданные разбрелись по тайгѣ—отыскивать золото.

Помѣщаемыя ниже подробности объ этомъ разгромѣ показываютъ, съ какою безпощадною жестокостью и звѣрствомъ

*) Торгаши подвняли, напр., цѣну 1 пуда сухарей до 18 рублей,—и это въ странѣ, гдѣ некуда дѣвать хлѣба!!

расправлялись китайскіе «войны» съ беззащитными «желтугнцами», на глазахъ у русскихъ, подъ бокомъ русскихъ властей, въ концѣ XIX столѣтія!!

«Уже со ставціи Соболиной, — пишетъ корреспондентъ «Восточнаго Обозрѣнія» *), — узналъ, что китайскія войска предложили всѣмъ рабочимъ выйти изъ «Калифорніи» въ теченіе 4 дней, потомъ срокъ былъ продолженъ до шести дней. Въ первое-же время вышли наиболѣе благоразумные русскіе и китайцы. Послѣдніе не ждали пощады и бросились изъ «Желтуги», какъ угорѣлые: одно напоминаніе о «кантами» (отрубить голову) приводило ихъ въ бѣгство. Русскіе рабочіе, не зная ничего о намѣреніи китайцевъ и опасаясь рѣзни въ одиночествѣ, вышли толпой, подъ предводительствомъ старшины. Впереди несли знамя, съ надписью «Мы, Александръ III», которое сопровождали трое горнистовъ, игравшихъ какой-то замысловатый маршъ. Китайскіе рабочіе сначала тоже шли толпой со знаменемъ, но потомъ разбѣжались по дорогамъ, горамъ и лѣсамъ. Такъ какъ русскіе вышли со стороны Амазара, а китайскія войска вошли въ Желтугу съ противоположной стороны, то встрѣчи не произошло...

«Вверхъ по р. Шилкѣ бѣжали самые безпомощные. Встрѣчаемые китайцы, гонимые паническимъ страхомъ, съ отмороженными до костей носами и щеками **), вызывали сожалѣніе у самыхъ жестокосердыхъ. Случайно пойманныхъ китайскіе солдаты убивали безощадно, самыми варварскими способами: кололи тупыми циками, рубили тупыми шапками, топтали лошадьми, разстрѣливали и т. п. И все это безобразіе происходило безразлично какъ на китайскомъ, такъ и на русскомъ берегу, пока русскіе рабочіе сами не положили конца варварству китайскаго «войнства», способнаго рѣзать своихъ собратій, какъ барановъ. Наглость китайскихъ солдатъ простиралась до того, что они открыто гонялись за своими по улицамъ Амазара и Игнашиной, обыскивали обывательскія избы, лазали въ под-

*) 1886 г., № 11.

**) Дѣло происходило зимой, въ январѣ.

полье и колоды несчастныхъ на глазахъ всѣхъ. Но всякому терпѣнію бываетъ конецъ: увидѣвъ, что китайцы, поймавъ трехъ своихъ «желтугинцевъ», уже стали приступать къ варварской казни, русскіе рабочіе приняли храброе «воинство» въ колья и обратили его въ бѣгство, а прискателей спрятали.

«Одинъ казакъ ѣхалъ по Амуру съ пустыми санями и наѣхалъ на казнь. Не долго думая, онъ схватилъ китайца за шиворотъ, бросилъ въ сани и—драло. Двадцать «манегри» (китайскихъ конныхъ стражниковъ) бросилось за нимъ. Казакъ, доѣхавъ до перваго зимовья, гдѣ стояли русскіе рабочіе, втолкнулъ туда помертвѣвшаго отъ ужаса прискателя. «Манегри»—за нимъ. Но тутъ произошло нѣчто удивительное: русскіе съ крикомъ и гамомъ, но съ голыми кулаками, бросились на конницу и обратили ее въ бѣгство.

«Такихъ сценъ было много; онѣ показываютъ, что гуманность не чужда даже отщепенцамъ русскаго народа. Но еще болѣе пріятно удивляетъ то, что русскіе рабочіе не произвели ни одной кражи, не говоря о грабежахъ и убійствахъ, и надо удивляться, какъ они, чуть не умирая съ голоду, не рѣшились даже просить Христа-ради хлѣба, а отдавали за него послѣдніе гроши или расплачивались своимъ несчастнымъ «золотишкомъ»...

Возвращаясь, однако, къ разгрому.

«Корейцы» и «сахалинцы» отступили за хребетъ, на китайскую сторону, и расположились лагеремъ, въ ожиданіи ухода китайскихъ войскъ. Они ограбили торговцевъ, не успѣвшихъ вывезти своихъ товаровъ. Русскіе же рабочіе предложили купцамъ оставить даромъ запасы продовольствія для больныхъ — русскихъ и китайцевъ, которые были не въ состояніи выйти изъ «Желтуги». Тамъ осталось: 20 китайцевъ и 30 русскихъ. Запасы были спрятаны... Въ «Желтугѣ» въ это время было 300 домовъ, бани, склады, гостиницы и т. п.

«Января 6 или 7 отрядъ «манегри» отправился съ порученіемъ сжечь «Желтугу», что и было въ точности исполнено. При этомъ 20 больнымъ китайцамъ отрѣзали головы, а нѣкоторыхъ русскихъ наказали ударами бамбука... Дорогою я встрѣтилъ на Амурѣ 7 труповъ съ отрѣзанными руками и головами.

По Шилкѣ и Аргуни было также много труповъ замерзшихъ русскихъ и китайцевъ...

«Большинство китайцевъ - «желтугинцевъ» шло внизъ по Амуру, но много и спряталось въ горахъ, около станицы Свербеевой, на нашей сторонѣ. Отсюда шли по одиночкѣ. Положеніе ихъ было ужасно. Одинъ видъ доводилъ до слезъ. Никакіе нервы не выдержатъ, когда полузамерзшій китаецъ на колѣняхъ просить у васъ «кушая», съ рыданіемъ или, вѣрнѣе, съ дикимъ воплемъ, вмѣсто словъ»...

Такъ кончила свое существованіе «Желтугинская республика». А между тѣмъ, будь обстоятельства поблагопріятнѣе, это оригинальное учрежденіе могло бы получить широкое развитіе. Могла-бы, напр., образоваться дозволенная и правительствомъ «вольная артель», которая, быть можетъ, и обогатила бы, и оживила бы цѣлый край...

Послѣ разгрома «республики», желтугинскіе приiski стали разрабатываться китайцами, но крайне плохо, примитивнымъ способомъ. Въ настоящее же время, когда нападеніе китайцевъ на г. Благовѣщенскъ вызвало занятіе русскими войсками праваго берега р. Амура, китайцы совсѣмъ покинули Желтугу, и богатые приiski перешли въ русское владѣніе. Было бы желательно, чтобы они и совсѣмъ остались въ нашихъ рукахъ и этимъ хоть немного вознаградили насъ за убытки, причиненные китайскими волненіями.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ разгрома Желтуги открыта была «Новая Сибирская Калифорнія», на рѣчкѣ Гилюѣ, одномъ изъ притоковъ Зеи, и также оказалась очень богатой золотомъ.

Новое золотопромышленное «государство» возникло совершенно случайно.

Въ половинѣ мая 1896 года нѣсколько хищниковъ пробирались съ Сивюшкина ключа на Гилюѣ съ вьючною лошадию, которая, переходя русло ключа, обвалилась ногами въ промоину. Выручая лошадь изъ провала, одинъ изъ хищниковъ, по словамъ «Амурской Газеты», увидѣлъ въ немъ самородокъ; это заставило ихъ немедленно сдѣлать болѣе тщательную

развѣдку: оказалось богатѣйшее золото. Слухъ, какъ эхо, раздался по тайгѣ и прискамъ, люди большими группами шли днемъ и ночью, поплелся даже отставной или уволенный въ продолжительные отпуски чиновничій людъ изъ Забайкалья, чуя повтореніе Желтуги, и въ самое короткое время набралось человѣкъ до 200.

«Вольный Ключикъ», — такъ назывался новый прискъ, — процвѣталъ съ каждымъ днемъ. Уже завелись гостиницы, базарь, мелкая торговля, торговыя бани и игорные дома, о питейныхъ, конечно, и говорить нечего. Ссоръ, крупныхъ дракъ и воровства почти не замѣчалось, потому что, если кто-либо попадался, то его подвергали наказанію розгами и удаленію безъ возврата за гору. Староста съ помощникомъ своимъ и десятскими составляли административную власть. Для рѣшенія дѣлъ они собирали сходы, слѣдили за порядкомъ торговли, устанавливали таксу на предметы первой необходимости, собирали пеню съ игорныхъ домовъ, которая расходовалась на жалованье должностнымъ лицамъ, на содержаніе фельдшера и больныхъ, и на другія нужды общества.

Золота, въ среднемъ, добывалось до двухъ пудовъ въ сутки. Караваны вьючныхъ лошадей съ провизією сновали ежедневно, доставляя исключительно съѣстные припасы и спиртъ, а обратно, нужно полагать, золото. Сколько такимъ образомъ ушло изъ рукъ правительства золота (главнымъ образомъ въ Китай), неизвѣстно, но, судя по богатству «Сибирской Калифорнии», порядочно вѣроятно, нѣсколько сотъ пудовъ.

Въ Благовѣщенскѣ ходилъ слухъ, что «Вольный Ключикъ» хотѣли признать правильно организованной артелью, дѣйствующей на вполнѣ законномъ основаніи, и этимъ положить начало вольной добычѣ золота и конецъ противозаконной продажѣ его для сплава на китайскую территорію.

Однако, это почему-то не осуществилось, — «хищники», какъ называютъ на оффиціальномъ языкѣ вольныхъ золотоискателей, — были попросту разогнаны позиціей, а открытыя ими россыпи были сданы частнымъ лицамъ, уже оффиціально сдѣлавшимъ такъ называемыя «заявки».

Такимъ образомъ, судьба «Вольнаго Ключика» была развѣ немного лучше судьбы «Желтугинской Республики».

VII.

Амурскіе инородцы.

Главные народности, населяющія Амурскій край—Тунгусы.—Ихъ нравы и обычаи.—Олени, собачьи, скотоводные, конскіе, лѣсные и береговые тунгусы.—Судьба тунгусской народности.—Характеръ тунгусовъ и образъ жизни. — Ороchonы. — Манегры — Бирары и гольды. — Гиляки. — Судьба амурскихъ бродячихъ инородцевъ. — Туземное земледѣльческое населеніе Амура: китайцы, окитаившіеся манджуры и дауры.—Корейцы.

Когда впервые русскіе завоеватели явились въ Амурѣ, то встрѣтили довольно значительное населеніе, имѣвшее нѣсколько «городковъ», какъ выражались казаки, или «улусовъ». Въ сѣверной части Амурскаго края чаще всего попадались казакамъ бродячія племена оленьныхъ тунгусовъ, южнѣе—по долинамъ рѣкъ—дауры, а по Амуру, за устьемъ Зеи—Дучеры. Дальше, за устьемъ Сунгари явились новыя племена—наткисы и гиляки. Иногда упоминается еще о гогулахъ, жившихъ по Амуру, между Буреей и Сунгари. Въ глазахъ воинственныхъ казаковъ все это была «пѣгая орда», не заслуживавшая большого вниманія. Безпрестанные грабежи и набѣги корыстолюбивыхъ сподвижниковъ Пояркова, Хабарова и др. «атамазовъ» заставили, какъ извѣстно, осѣдлое населеніе Амура прибѣгнуть къ покровительству китайскихъ властей,—и тѣ переселили нѣкоторыя племена (дауровъ и дучеровъ) въ глубь Манджуріи (на берега р. Нонни). Съ ихъ уходомъ, послѣ Нерчинскаго договора, долина Верхняго Амура надолго опустѣла,—и только бродячія толпы манегровъ и ороchonъ, спустившихся съ Станового хребта, кой-гдѣ появлялись на берегахъ покинутой Черной рѣки. Съ XVII в. въ наиболѣе удобномъ для населеній бассейнѣ Средняго Амура (за Зеей) стали возникать деревни китайцевъ и окитаенныхъ манджуровъ и дауровъ. Но далѣе, по обѣимъ берегамъ Великой

рѣки, по прежнему шли пустынные мѣстности, лишь изрѣдка оживленные коническими юртами бираровъ или крошечными поселеніями гольдовъ. По Айгунскому и Пекинскому договорамъ наша граница хотя и прошла по Амуру, но все лѣвобережное китайско-маньчжурское населеніе осталось подъ управленіемъ китайскихъ властей, между тѣмъ какъ занятая имъ территория вошла въ составъ русской государственной территоріи. Поэтому, наряду съ охотничьимъ населеніемъ Амура, намъ придется коснуться въ своемъ описаніи и туземнаго земледѣльческаго населенія (китайцевъ, окитаившихся дауровъ и маньчжуръ, а равно и переселившихся недавно сюда корейцевъ).

Что касается до охотничьяго туземнаго населенія Амурскаго края, то оно принадлежитъ здѣсь двумъ народностямъ, — тунгусской и гилъяской, которыя дѣлятся на нѣсколько племенъ.

Самая значительная народность — тунгусы, распространенные почти по всей Восточной Сибири и отсюда перешедшіе на острова, напр., Сахалинъ (впрочемъ, не въ большемъ числѣ), принадлежать къ одному племени вмѣстѣ съ покорителями Китая — маньчжурами.

Удивительна судьба этихъ двухъ родственныхъ племенъ въ то время, какъ одно завоевываетъ громадный Китай, другое, — отгнѣсивъ было акутовъ, юкагировъ и чукчей, само падаетъ подъ власть русскихъ; въ 1640 г. тунгусы впервые встрѣтились съ русскими, а въ 1644 в. на китайскій престолъ взошелъ первый маньчжурскій императоръ. Различіе въ политическомъ значеніи двухъ племенъ рѣзко отразилось на всей культурѣ: въ то время, какъ маньчжуры изъ дикихъ кочевниковъ превратились въ одно изъ образованныхъ племенъ Китая и обзавелись богатою литературою, тунгусы остались такими же дикарями, какъ и были прежде: грубыми, невѣжественными, но по прежнему беззаботными и веселыми, ловкими, подвижными, чѣмъ они отличаются отъ прочихъ сибирскихъ инородцевъ — мрачнаго самоѣда, неуклюжаго остяка и непривѣтливаго якута; недаромъ тунгусовъ называютъ «французами» тундры и тайги. Видимо, веселый сынъ природы, тунгусъ, не завидуетъ счастливой звѣздѣ своихъ родичей — маньчжуровъ и по прежнему

со страстью отдается свободной жизни въ лѣсахъ, перемѣнить которую на осѣдлую можетъ заставить его только крайность.

По занятіямъ и различнымъ животнымъ, удовлетворяющимъ ихъ нужды, тунгусы дѣлятся на оленьихъ, собачьихъ, скотоводныхъ, конскихъ, лѣсныхъ и береговыхъ (рыбныхъ), заселяя громадное пространство отъ границъ Китая до Ледовитаго и отъ бассейновъ Тунгусокъ до Охотскаго моря...

Впрочемъ, разведеніемъ лошадей и рогатаго скота тунгусы занимаются только въ нѣкоторыхъ округахъ (Нерчинскомъ округѣ и по р. Вилюю), а рыбной ловлей промышляютъ только въ случаѣ надежа своего любимца — сѣвернаго оленя, прирученнаго имъ съ незапамятныхъ временъ. Большею же частью они, какъ настоящіе кочевники, бродятъ по горамъ и лѣсамъ, и только крайняя нужда можетъ заставить ихъ бросить свою свободную жизнь: они говорятъ, что нѣтъ худшей доли, какъ жить постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ

Типъ Амурскаго тунгуса.

Вѣчное шатаніе съ одного мѣста на другое развило въ тунгусѣ ловкость, предприимчивость и отвагу, а страсть къ удовольствіямъ и веселью выразилась въ большомъ хлѣбосольствѣ, какъ будто это — осѣдлый, живущій скученно народъ.

«Между тѣмъ, — пишетъ Меддендорфъ, — я не знаю другого народа, у котораго большая часть года проходила бы такъ уединенно. Каждый чумъ самъ по себѣ отправляется въ лѣсную глушь самыхъ скрытыхъ горныхъ долинъ, предаваясь охотѣ или рыбной ловлѣ. Изъ этого обстоятельства у нихъ развилось и первобытнѣйшаго рода письмо, состоящее изъ знаковъ. Такъ, напр., въ первобытномъ лѣсу вы встрѣчаете срубленное деревцо,

въ зарубкѣ котораго торчитъ стрѣла концомъ внизъ. Это значитъ: «я разставляю луки по близости». Если стрѣла смотритъ къверху, то охотникъ ушелъ далеко. Вѣтка отъ куста, втиснутая одинаковымъ образомъ, указываетъ на присутствіе лица въ самомъ близкомъ разстояніи. Положенный черезъ слѣдъ сучокъ запрещаетъ идти дальше по этому направленію; чурбанъ, положенный въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде находился чумъ, не позволяетъ или не совѣтуетъ ставить здѣсь чума. Лошадиная голова, нарисованная на снятой съ дерева корѣ, предлагаетъ искать лошадь, пропавшую на мѣстѣ провала и т. д.»...

Живя разбросанно, отдѣленные другъ отъ друга на цѣлыя сотни верстъ, тунгусы иной разъ терпятъ страшную нужду, такъ какъ беззаботный охотникъ, довольствуясь настоящимъ, никогда не думаетъ о будущемъ и, какъ бы ни была велика его добыча, постарается съѣсть ее какъ можно скорѣе... При неудачѣ тунгуса постигаетъ горькая участь, какъ можно видѣть изъ разсказаннаго Врангелемъ примѣра. Этотъ путешественникъ нашелъ однажды уединенный чумъ одного тунгуса, жившаго здѣсь вмѣстѣ со своею дочерью. Нужно было видѣть и ужасную страну, и почти сквозную хижину, чтобы понять страшное положеніе этихъ двухъ анахоретовъ. Особенно жалка была бѣдная дѣвушка: въ то время какъ отецъ нерѣдко по нѣскольку дней пропадалъ изъ хижины, преслѣдуя на своихъ длинныхъ лыжахъ какого-нибудь сѣвернаго оленя, ей приходилось оставаться въ несчастной хижинѣ, и лѣтомъ едва доставляющей защиту отъ дождя и вѣтра, одинокою, безпомощною, безъ достаточно теплой одежды, на страшномъ холодѣ, зачастую страдая отъ голода, и въ совершенной праздности.

Неудивительно поэтому, что совершенно обнищавые тунгусы нерѣдко становятся даже людоедами, по крайней мѣрѣ такъ случалось въ прежнее время (см. «Сѣверную Пчелу», 18 янв. 1847 г.). Отъ прожорливости этихъ дикарей ихъ болѣе счастливымъ братьямъ приходится охранять своихъ оленей, собакъ, женъ и дѣтей... Въ случаѣ болѣзни или смерти кормильца, все семейство его неминуемо обрекается на голодную смерть. Миддендорфъ набрелъ однажды на пустой тунгусскій шалаши. Онъ

узналъ, что незадолго предъ этимъ взрослые умерли отъ какой-то болѣзни, оставшіяся же послѣ нихъ дѣти, изъ коихъ старшему было не больше 7 лѣтъ, исчезли безслѣдно.

Однако, какъ ни печальна перспектива одинокой жизни, въ случаѣ болѣзни или полной незадачи въ охотѣ, а подвижной тунгусъ ни за что не промѣняетъ ее на осѣдлую жизнь. Любо ему постоянно передвигаться съ мѣста на мѣсто, тамъ занимаясь ловлею рыбы, тамъ охотясь на соболя или занимаясь перевозкою тяжестей по тундрамъ и лѣсамъ. Впрочемъ, на зиму тунгусы любятъ возвращаться въ излюбленныя нагорныя долины, гдѣ они уже изучили всѣ привычки промысловыхъ животныхъ, напр., кабарги.

Нанимая тунгусовъ для своихъ услугъ (перевозки багажа, указанія мѣстности и пр.), путешественники не разъ изумлялись необыкновенной ловкости и проворству этихъ «французовъ» Дальнаго Востока.

«Едва пріѣзжаешь на ночлегъ, какъ ловкіе проводники въ одно мгновеніе развьючаютъ оленей, уложивъ въ порядкѣ сѣдла и вьюки; узды и возжи они повѣсятъ на древесныя вѣтви, а голодное стадо отгоняютъ въ лѣсную чащу: оно уже само должно позаботиться о своей пищѣ. Вслѣдъ за тѣмъ тунгусы сваливаютъ 2—3 лиственницы. Тонкія вѣтки раскладываются на снѣгу вмѣсто тюфяковъ, а стволы валятъ въ костеръ. Потомъ изъ середины ствола выкалываются сухія, смолистыя лучины, которыя трутомъ и сѣрою доводятся до тлѣнія. Этотъ пучекъ окружаютъ другими лучинами и хвоей, и всѣмъ этимъ весьма быстро и ловко машутъ по воздуху, пока не вспыхнетъ пламя... Костеръ ярко разгорается, на него вѣшаютъ котелъ со снѣгомъ и чаемъ,—и компанія, весело болтая, усаживается распивать китайскій напитокъ. А если есть возможность попотчевать тунгуса «саломатомъ» (поджаренная на салѣ мука) да глоткомъ водки,—то онъ испытываетъ полное блаженство и ничего лучшаго не желаетъ. Онъ будетъ тогда развлекать васъ веселымъ хороводомъ или своею мелодичною пѣсней. А захотите вы, онъ покажетъ вамъ свою ловкость въ стрѣльбѣ изъ лука и пр. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тунгусы могутъ даже составить вамъ

отличную партію.. въ шахматы: да, эта благодарная игра довольно развита здѣсь, какъ это ни странно».

Само собою разумѣется, что вѣчно кочующему тунгусу нужно имѣть вполнѣ удобное, переносное жилище. Послѣднимъ служить—лѣтомъ шалашъ, покрытый замшею или внутреннимъ слоемъ бересты, которой придаютъ гибкость кожи тѣмъ, что мнутъ ее, копятъ и держать въ водяныхъ парахъ. Зимняя хижина тунгуса состоитъ изъ квадратнаго сруба съ плоскою земляною крышею, такой величины, чтобы она быстро прогрѣвалась очагомъ изъ битой глины.

Вотъ какъ описываетъ Миддендорфъ свое прибытіе въ становище тунгусовъ у Буруканской часовни.

«Караванъ нашъ былъ встрѣченъ пальбой изъ винтовокъ. Сбравшіеся тунгусы салютовали, несмотря на дороговизну и рѣдкость пороха. Это было своего рода покушеніе на мои тщательно берегавшіеся пороховые запасы. *Noblesse oblige!* Желая положить конецъ безцѣльной, дѣтской пальбѣ, я назначилъ премію за стрѣльбу въ цѣль. Лучшіе тунгусскіе стрѣлки на сто шаговъ попадали въ четвертушку бумаги довольно мѣтко, но клали при этомъ ружья на подставку. За стрѣлкою въ цѣль послѣдовалъ балъ, причемъ въ средѣ тунгусовъ разразилось какое-то плясовое бѣшенство энтузіастовъ. Сначала образовался маленькій кружокъ, въ перемежку изъ мужчинъ и женщинъ, въ томъ числѣ и совершенныхъ старухъ. Схватившись за руки, они начали довольно нехитрую пляску, заключающуюся въ передвиженіи ногъ въ стороны. Вскорѣ, однако, круговая пляска оживилась, движенія обратились въ скачки и припрыгиванья, все тѣло заходило ходуномъ, лица разгорѣлись, восклицанія стали шумнѣе, восторженнѣе. Вскорѣ сбросили сначала полубки, а потомъ и набедренники (мѣховые штаны). Въ заключеніе всѣхъ обуяло бѣшенство. Зрители то и дѣло срывались съ мѣста и исчезали въ вихрѣ пляшущихъ. «Хурья, хурья! хюгой, хюгой! хюгюй, хюгюй! хумгой, хумгой! хаке, хаке! эханьдѣ, эханькѣ! хэрга, хэрга! и т. п. восклицанія становились все громче... И пляска кончилась только тогда, когда голоса у танцоровъ осипли, а члены перестали двигаться отъ изнеможенія.

За этою демонскою пляской послѣдовалъ чай съ пуншемъ; къ стыду нашего общества, я долженъ замѣтить, что тѣ же самые тунгусы какъ бы преобразились, соблюдали самое сдержанное приличіе: ни малѣйшей необузданности, никто не хваталъ раньше другого, все шло умѣренно, соображаясь съ тѣмъ, чтобы никто

Тунгусы.

не остался въ накладѣ. Затѣмъ настала очередь и рѣчамъ, опять напомнившимъ мнѣ наши европейскія краснорѣчивыя націи и теперешнія многорѣчивыя времена. Рѣчи приняли высокій полетъ. И когда я, съ своей стороны, въ прощальной рѣчи указалъ на то, что ихъ страна несмѣтно богата всемъ необходимымъ для нихъ и что только по собственной винѣ они могутъ впасть въ долги, а затѣмъ терпѣть и нужду или даже

умирать съ голоду, то всё громогласно одобрили мою рѣчь. Словомъ, tout comme chez nous (все, какъ у насъ)!

Гостепрѣимство у тунгусовъ вообще широко развито. Когда бы вы ни зашли къ нимъ, они рады угостить васъ всёми, что только имѣютъ. Но зато, въ свою очередь, и сами они требуютъ такого же радушія. Поэтому тунгусъ свободно входитъ къ совершенно незнакомому ему, садится къ огню, беретъ изъ рукъ хозяина трубку и ждетъ, когда ему предложить пищи, какъ требуетъ обычай. При этомъ онъ ведетъ себя въ высшей степени прилично.

Къ пищѣ тунгусы не очень требовательны; одно изъ любимыхъ кушаній состоитъ изъ перевареннаго содержамаго желудка сѣвернаго оленя; прибавивъ къ нему ягодъ, они раскладываютъ его тонкими пластами на древесной корѣ или сушатъ на солнцѣ. Поселившіеся по Вилюю или близъ Нерчинска очень любятъ кирпичный чай, который они пьютъ въ видѣ жидкой кашицы, куда примѣшаны ягоды и жиръ. Отъ этого кушанья тунгусы еще болѣе желтѣютъ, хотя желты по природѣ. Главною же пищею служатъ мясо кабарги, лося и оленя, жареное или вяленое. Въ видѣ десерта подаютъ лепешки, сдѣланныя изъ высушенной и толченой брусники или черемухи, пополамъ съ рыбьей икрой, иногда сдобренной еще масломъ.

Поѣсть тунгусы вообще любятъ и въ погонѣ за сладкою пищею не останавливаются предъ долгами, чѣмъ и пользуются торгоши-промышленники, русскіе и якуты, которые скоро и дѣлаютъ изъ тунгуса неоплатнаго должника. Но долги, повидимому, мало смущаютъ этихъ беззаботныхъ людей. «Еще теперь—пишетъ Миддендорфъ,—я вижу предъ собою сладкую фizioномію и моргавшіе отъ восторга глаза моего караваннаго вожака, который какъ бы тающимъ отъ удовольствія голосомъ оправдывалъ тунгусовъ, когда меня возмутили лакомки, платившіе даурцамъ большія деньги за сметану. «Бездѣнно! вовсе не жаль дать соболя!» -- говорилъ онъ, причмокивая.

Якуты, давая въ долгъ, ничѣмъ не рискуютъ: сынъ отвѣчаетъ за долги отца; поэтому долги переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, а вмѣстѣ съ ними и кабала. Къ тому же, въ

силу обычая, тунгусъ, задолжавшій у одного купца, не можетъ уже покупать чего-нибудь у другого. И заимодавецъ распоряжается бѣднякомъ, кормится его запасами, назначаетъ произвольныя цѣны и, конечно, не выпускаетъ изъ долга, который доходить иногда до 1,000 руб. и болѣе. Но странно, чѣмъ больше долженъ тунгусъ, тѣмъ считается богаче: значить, кре-

Тунгузскій шаманъ (манегръ).

дить у него шире. Поэтому выраженіе «у него 100—200 руб. долга» равносильно словамъ—«это бѣднякъ!»...

Благодаря своимъ долгамъ, тунгусъ никакъ не можетъ «справить» казенной подати, которая, впрочемъ, довольно велика для него: 1—2 соболя съ юрты, что, по приблизительному разсчету, составитъ 15—40 руб. съ юрты или 7—16 руб. съ души мужескаго пола. Но и этотъ «ясакъ» тунгусъ могъ бы уплатить, если бы не его долги, постоянно растущіе, благодаря недобросовѣстности и алчности торгашей-якутовъ.

Чтобы удовлетворить своему кредитору, бѣдный тунгусъ всю жизнь долженъ проводить въ тяжелой работѣ—охотѣ за звѣрями. И вотъ, несмотря ни на какую погоду, иногда при 40 градусномъ морозѣ, бродитъ онъ по глубокому снѣгу, осматривая свои силки, засѣки или пробираясь съ горы на гору, выслѣживая дичь. Одѣтъ онъ очень легко, иногда въ лѣтній замшевый кафтанъ, да при томъ часто ходитъ съ обнаженною грудью. Несмотря на это, благодаря дѣятельному образу жизни, тунгусы доживаютъ до глубокой старости,—и нерѣдко встрѣчаешь 70-лѣтнихъ стариковъ въ роли отцовъ грудныхъ дѣтей.

Постоянная охота изощрила способности тунгуса и научила его обходиться съ самыми простыми орудіями. Обычное вооруженіе охотника—малокалиберная винтовка (поктыранъ), рогатина (гырда), или длинный ножъ (уткаль) и лукъ (быръ), который употребляется для особыхъ «самострѣловъ» (на звѣриныхъ тропахъ) и приноситъ больше пользы, чѣмъ настороженное ружье, такъ какъ не пугаетъ звѣря. Неизмѣнный спутникъ тунгуса—собака, хорошо приученная къ выслѣживанію звѣря и потому стоящая очень дорого (до 100 руб. и болѣе). Забравши оружіе и собаку, тунгусъ привѣшиваетъ къ поясу топоръ, котелокъ, кожаный мѣшокъ съ вяленнымъ мясомъ, надѣваетъ свои длинные непромокаемые «сари» (сапоги, пропитанные теплымъ рыбьимъ жиромъ) и, вдѣвъ ноги въ лыжи (футовъ 5 длины и 4 дюйма ширины), несется, какъ стрѣла, по ослѣпительно бѣлой поверхности снѣга. Для защиты глазъ отъ яркаго свѣта онъ надѣваетъ очки, въ видѣ частой сѣтки изъ черныхъ конскихъ волосъ. Если прибавить къ этому оригинальный, сшитый изъ оленьихъ шкуръ «фракъ», обыкновенно изукрашенный бусами, сукномъ и конскими волосами и раскрытый на груди,—чтобы видѣли расшитую бусами нижнюю одежду,—короткія доходящія до колѣнъ панталоны изъ тонкой замши, наконецъ, рысью шапку, отороченную мѣхомъ росомахи, на головѣ, да развѣ еще кisetъ, украшенный тѣми же бусами,—то мы можемъ составить полное представленіе о внѣшнемъ видѣ «француза» сѣвера, хотя это названіе и не совсѣмъ подходитъ къ маленькому, некрасивому, съ выдающимися че-

люстями, съ желтымъ, полосами нататуированнымъ лицомъ тунгусу...

Какъ у всякаго охотничьяго народа, у тунгуса немало предрасудковъ и суевѣрій. «Въ періодъ охоты онъ ни за что не согласится продать вамъ кабаргу съ головой, соболя съ мясомъ, при сдираніи шкуры съ животнаго не слѣдуетъ вносить въ чумъ свѣжаго снѣга или шагать черезъ разложенный въ немъ огонь: это одинаковымъ образомъ вредитъ успѣху охоты. Не хорошо также класть палку поперекъ сѣдла, валить дерево поперекъ тропинки и т. д. Тунгусъ никому не подастъ огня изъ своего чума и ни за что не станетъ возвращать телятъ дикаго оленя или лося. Съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ якутъ, онъ на опасныхъ переходахъ совершаетъ возліянія въ честь злыхъ боговъ, при чемъ выливаетъ иногда свой послѣдній запасъ водки *)».

Добычу своей охоты тунгусы свозятъ на нѣкоторыя ярмарки, которыя имѣютъ мѣсто въ громадной области ихъ кочевьевъ — въ Керенскѣ, Олекминскѣ, Баргузинѣ, чрезвычайно живописной Читѣ и уныломъ, пустынномъ Охотскѣ. Но чаще ихъ перенимаютъ еще на дорогѣ якуты и обмѣниваютъ мѣха на свои товары. Съ этою цѣлью якутскіе торгаша забираются въ самыя глухія мѣста, въ нагорныхъ долинахъ, гдѣ находятся зимовища тунгусовъ, и тамъ, построивъ юрты, ждутъ со своими товарами охотниковъ. Товары у нихъ — масло, сало, желѣзные издѣлія, порохъ, табакъ, шпено и т. д. Тунгусы, большіе любители такихъ передвижныхъ ярмарокъ: случается, по 3—4 мѣсяца цѣлыми компаніями переходятъ они отъ одного купца къ другому, распродавая свою добычу и тутъ же проѣдая или пропивая ее.

Въ сравненіи съ суммами, расточаемыми тунгусами на эти и подобныя пирушки, цѣны, платимыя ими за женъ («калымъ») очень умѣренны: обыкновенный размѣръ выкупа — 15—30 оленей (380—750 рублей). Но нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что жена входитъ въ домъ мужа далеко не безприданницей; кромѣ домашняго скарба, одеждъ, иногда — шалаша

*) Грумъ-Гржимайло, 363 стр.

изъ шкуръ, она приводитъ нѣсколько оленей. На этомъ и основывается хозяйство молодыхъ, такъ какъ у тунгусовъ не въ обычаѣ надѣлять своихъ взрослыхъ сыновей.

Женщины тунгусовъ, повидимому, большія щеголихи: онѣ любятъ рядиться въ платья яркихъ цвѣтовъ, увѣшанныя разными бездѣлушками. Любимый нарядъ—красная суконная юбка, обшитая синей каймой, которая сзади охватываетъ большую прорѣху. На шеѣ тунгуски носятъ длинныя бѣличьи боа, въ ухахъ надѣты—серьги, наконецъ, все платье обвѣшано кистями, мѣховыми украшеніями и разными предметами домашняго обихода, напр., коробками для сѣрныхъ спичекъ, игольникомъ и пр.

Погруженная въ свои наряды, тунгуска не особенно заботится о дѣтяхъ. Положить она ребенка въ люльку, на сухія опилки, дастъ ему погремушку изъ зубовъ оленя, соболиныхъ челюстей да козулихъ копытъ,—и потомъ заглядываетъ только затѣмъ, чтобы покормить его грудью или молокомъ оленя. Дѣти сплошь и рядомъ остаются безъ призору, и нужно только удивляться, какъ еще они переносятъ такое воспитаніе. Миддендорфу приходилось видѣть, напр., какъ во время спльнѣйшей стужи, въ шатрѣ, сквозившемъ, какъ рѣшето, брали иногда изъ люльки голаго ребенка, чтобы согрѣть его предъ огнемъ. При этомъ слина бѣднаго дитяти подвергалась охлажденію до—5°! И несмотря на это, ребенокъ все же не хотѣлъ возвращаться обратно на свое ложе, умоляюще протягивая оттуда свои ручки. Иногда Миддендорфу случалось видѣть, что грудныхъ дѣтей, босыхъ, безъ штанишекъ, въ одной коротенькой юбкѣ, сажали на холодный полъ предъ огнемъ... И при такихъ-то условіяхъ климата и шалашной жизни ребенку приходится выносить корь!..

Въ семейной жизни — тунгусы очень симпатичный народъ. Правда, отецъ семейства—глава и полный хозяинъ, но не деспотъ. Напротивъ, обращеніе его съ домашними самое привѣтливое. Супружеская вѣрность принадлежитъ къ отличительнымъ чертамъ тунгусской народности. Вообще тунгусы славятся чистотою нравовъ и мягкостью. Штурманъ Козьминъ, спутникъ Врангеля, говоритъ, что наказаніе соблазненной тунгусской

дѣвушки состоитъ въ томъ, что ее, съ завязанными, глазами, ведутъ въ лѣсъ и употребляютъ для наказанія виновной всѣ вѣтки дерева, на которое она натолкнется. Но за то послѣ экзекуціи о проступкѣ нѣтъ и рѣчи: наказаніе все очистило.

Одинъ изъ позднѣйшихъ путешественниковъ, князь Дадешкаліани, посѣтившій страну тунгусовъ въ концѣ восьмидесятихъ годовъ, описываетъ въ симпатичныхъ чертахъ нравственныя качества тунгусовъ и любовь къ ближнему, безропотность, честность и любовь къ миру.

Вышею честностью тунгусовъ только и можно объяснить то обстоятельство, что они никакъ не могутъ выбратся изъ долгу у якутовъ, такъ какъ долги переходятъ по наслѣдству и, кромѣ того, тунгусъ считаетъ неприличнымъ, задолжавъ у одного купца, перейти къ другому. А торгаша и пользуются этимъ, что ведетъ къ обнищанію этого энергичнаго и развитого племени. Обнищаніе же, въ связи съ необезпеченностью промысла—охоты и истощенія дорогой дичи, замѣтнаго и на Амурѣ, приводитъ къ тому, что тунгусы стали постепенно вымирать...

Тунгусы издавна исповѣдуютъ православную вѣру и охотно исполняютъ христіанскія обязанности, считая своимъ долгомъ иногда за нѣсколько сотъ верстъ пріѣхать—помолиться въ церковь. Къ молитвѣ они относятся съ величайшимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ. Но въ то же время у многихъ изъ нихъ еще сохранились многіе языческіе обряды и вѣрованія...

Въ общемъ, нельзя не пожалѣть этотъ симпатичный народъ, обреченный на вымираніе. Единственный путь спасенія его—скотоводство, и это составитъ гуманную задачу русскихъ властей,—но только трудно ожидать, чтобы подвижный, веселый, привыкшій къ вольной жизни и вѣчнымъ передвиженіямъ, тунгусъ сталъ заниматься усидчивымъ трудомъ разведенія скота: не по его характеру такое занятіе...

Описывая до сихъ поръ тунгусовъ, мы имѣли въ виду типичныхъ представителей этой народности, живущихъ по верховьямъ Зеи и Буреи. Ихъ наберется тысячъ 8—12. Но, кромѣ ихъ, на Амурѣ живетъ нѣсколько обособившихся тунгусскихъ племенъ, которыя подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ

(сосѣдству съ другими народами и пр.) получили типичныя черты, рѣзко выдѣляющія ихъ изъ среды ихъ соплеменниковъ. Таковы, напр., *орочоны*, обитающіе по верховьямъ Амура, внизъ до устья Невира, которыхъ считаютъ за обособившуюся группу бродячихъ оленьихъ тунгусовъ.

Подобно настоящимъ тунгусамъ, орочоны — довольно невзрачны на видъ: смуглое, плоское, съ выдающимися скулами лицо, почти лишенное бороды; черные, жесткіе волосы; широкій, низкій лобъ; небольшіе, наискось расположенные глаза; толстыя губы, плоскій носъ,—такова наружность этихъ бродячихъ охотниковъ. Если прибавить къ этому, что большая, сравнительно, голова сидитъ на узкихъ плечахъ, руки—длиннѣе обыкновеннаго, а ноги, напротивъ, короче и выгнуты наружу,—то всякій представитъ себѣ неприглядную внѣшность орочонъ и согласится, что типъ красоты довольно далекъ отъ нихъ.

У настоящаго тунгуса—также неприглядная внѣшность, но она скрашивается его пестрою, оригинальною одеждою, еще больше—его подвижностью, веселымъ, открытымъ нравомъ и тонкимъ юморомъ, который сквозитъ въ его словахъ. У орочона и этого нѣтъ. Платье его самое обыкновенное — замшевая, а зимою—мѣховая рубашка съ короткими штанами, штиблеты или сапоги на ногахъ и мѣховая шапка на головѣ. Характера они тоже не такого веселаго, какъ тунгусы,—орочонъ скорѣе склоненъ къ мечтательности и угрюмости. Только по своей нравственности, по презрѣнію къ воровству и уголовнымъ преступленіямъ вообще—орочоны напоминаютъ тунгусовъ.

Главное занятіе орочонъ—охота на лѣсныхъ зверей—медвѣдей, лосей, оленей, кабаргу, косулей, бѣлокъ, а частью—рыбная ловля, которою они занимаются, пока рѣка не покрылась льдомъ. Тогда, на своихъ легкихъ берестяныхъ лодкахъ («джоу») съ ловкостью управляясь однимъ двухлопастнымъ весломъ, орочоны цѣлые дни проводятъ на водѣ, разставляя снасти или поддѣвая рыбу острогой. Все остальное время года они кочуютъ съ одного мѣста на другое, слѣдуя за дичью.

Сообразно съ бродячею такою жизнью, жилища орочонъ должны быть еще легче переносимы. И дѣйствительно, непригоденъ домъ

тунгуса, но все-таки онъ куда солиднѣе конусообразной «юрты» ороचना, состоящей изъ кольевъ, обтянутыхъ лѣтомъ берестой, а зимою—шкурами. Холодъ еще болѣе сквозитъ во все щели, соединяясь лѣтомъ съ дождемъ, а зимою — со снѣгомъ, отъ которыхъ внутри юрты не переводится страшная сырость... Но и тутъ живутъ люди и даже чувствуютъ себя счастливыми, хотя ихъ дѣти чахнуть и мрутъ; ревматизмъ безвременно подтачиваетъ силы взрослыхъ, а преждевременная смерть, ускоренная водкою,—этимъ бичемъ инородцевъ,—годъ отъ году уменьшаетъ число амурскихъ ороченъ.

Рядомъ съ ороचनाми, но ниже ихъ по Амуру (отъ р. Невира до устья р. Кумары) живетъ другое обособленное племя тунгусской народности,—*манегры*, родственные съ ороचनाми и по языку, и по общему облику. Впрочемъ, долгая совмѣстная жизнь съ манджурами и даурами отразилась на ихъ физиономіи, придавъ ей чисто монгольской типъ. Типичные же манегры—высокаго роста, съ овальнымъ лицомъ, украшеннымъ длиннымъ прямымъ или нѣсколько горбатымъ носомъ,—въ общемъ, съ благородными чертами.

Вліяніе манджуро-китайцевъ отразилось и на одеждѣ манегровъ: она у нихъ гораздо шире и длиннѣе, чѣмъ у ороченъ, и болѣе напоминаетъ просторное платье китайцевъ. Лѣтомъ манегръ надѣваетъ, прямо на голое тѣло, халатъ («чамча») и только иногда накидываетъ сверхъ него—короткій, безрукавный кафтанъ—«голами». Зимою халатъ замѣняется манджурскою шубою—«сюпъ», изъ вывороченныхъ мѣхомъ наружу козулихъ шкуръ. Голова украшается тоже манджурскимъ уборомъ—поярковою шапочкою, которая смѣняется зимою на высокую мѣховую шапку, крытую сукномъ; на вершинѣ ея находится пуговка, отъ которой спускаются двѣ шелковые или суконныя ленты. Слѣдуя тѣмъ же китайцамъ, манегры и волосы заплетаютъ въ косу, а чтобы она казалась длиннѣе, вплетаютъ въ нее шелковые шнурки. Коса, повидимому, пользуется у нихъ большимъ почетомъ.

Только по жилищу—конусообразной юртѣ, крытой берестой или шкурами—манегры напоминаютъ ороченъ. Зато по своимъ

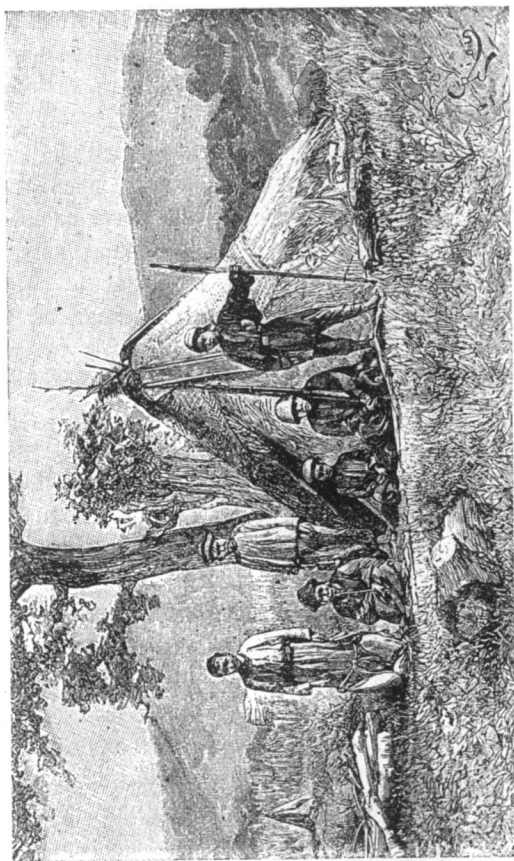
правамъ они уже давно отделились отъ этого, довольно сумрачнаго, но строго честнаго и нравственнаго племени. Китайское холопство предъ вышшими, лживость и лицемѣріе, — словомъ, всѣ основныя черты «добрыхъ сыновъ Срединнаго царства» видимо отразились и на манеграхъ, которые приняли эти не-симпатичныя черты въ своихъ частыхъ сношеніяхъ съ «сынами Неба». Слѣдуетъ упомянуть еще объ одной, очень странной чертѣ нравовъ манегровъ, — чертѣ, служащей поводомъ къ многочисленнымъ недоразумѣніямъ. Манегръ отличается замѣчательною скрытностью, доходящею у него до смѣшнаго. Напр., вы спрашиваете его объ имени сосѣда или какого-нибудь родственника. Скрытный манегръ какъ будто боится сказать вамъ правду и начнетъ «нести околеспцу», въ родѣ того: «тотъ, про котораго ты спрашиваешь, близкій родственникъ такого-то» и т. д. Не скажетъ онъ и собственнаго имени, какъ бы вы ни стращали его; о просьбѣ и говорить нечего: лживый и лицемѣрный манегръ не пойметъ ея.

Главный промыселъ манегровъ — охота и рыбная ловля, въ чемъ, нужно имъ отдать справедливость, они большіе мастера. Вооруженный острогой, манегръ на своей «берестянкѣ» смѣло пускается въ бурныя волны рѣки и своимъ зоркимъ глазомъ отыскиваетъ подходящую добычу, осетра или калугу (бѣлугу). Огромная, иногда до двухъ сажень, рыба, раздраженная иногда ранами, обыкновенно сильно бьетъ хвостомъ и грозитъ потопить утлую лодочку, — но рыбакъ безстрашно пускается за нею въ погоню и почти всегда успѣваетъ во время завладѣть добычей.

Иногда охотятся вдвоемъ. На отмели ставится вышка изъ кольевъ, на которую взбирается одинъ рыбакъ и зорко обзрѣваетъ мѣстность; его привычный глазъ видитъ рыбу на глубинѣ аршина. Другой держится около на лодкѣ, съ острогой наготовѣ. Но вотъ первый кричитъ: «гидалла каль» (бей острогой!), — лодка бросается по указанному направленію, какъ стрѣла; пущенная опытною рукою острога настигаетъ рыбу, — и трепещущая добыча выволакивается на берегъ.

Звѣриныя и рыбныя промыслы составляютъ главное и даже

единственное занятіе манегра-мужчины. Зато, возвратившись домой, онъ уже пальцемъ не шевельнетъ, а лежитъ себѣ въ палаткѣ и тянетъ свою неизмѣнную трубку. Всѣ домашнія

Лагерь ороchonъ.

работы, включая плетеніе сѣтей и выдѣлку кожъ, лежатъ на женщинѣ. Последняя трудится цѣлый день, буквально не покладая рукъ: она обихаживаетъ дѣтей, наблюдаетъ за домомъ, скотомъ (лошадьми), приготавливаетъ мужа къ поѣздкамъ, развьючиваетъ

его лошадь по возвращеніи и т. д. Поэтому положеніе женщины у манегровъ далеко не завидное.

Женятся манегры иногда на очень маленькихъ дѣвочкахъ, которыя до поры—до времени и живутъ въ юртѣ своего будущаго мужа, служа для него какъ рабыни. Въ этомъ отношеніи манегровъ не исправило и христіанство, оффиціально принятое ими. Говорю—«оффиціально», такъ какъ на самомъ дѣлѣ манегры—грубые язычники—шаманисты.

Подобно манеграмъ, которые пользуются для домашнихъ услугъ не оленями, а лошадьми, и потому причисляются къ лошадинымъ тунгусамъ, и маленькое тунгусское племя *бираровъ* счпгаетъ домашнимъ животнымъ коня. Бирары когда-то представляли многочисленный, храбрый народецъ, о которомъ съ уваженіемъ отзывались наши амурскіе завоеватели, головорѣзы—казаки. Теперь же они раздѣляютъ общую участь сибирскихъ инородцевъ и быстро вымираютъ. Чаще всего ихъ можно встрѣтить въ настоящее время на Бурей и на Амурѣ, около устьевъ Буреи, гдѣ ихъ коническія, тростниковыя юрты, образующія селенія, уже издали бросаются въ глаза. По языку они кажутся родственниками манегровъ, но во всемъ прочемъ, начиная со склада лица и кончая одеждой, обычаями и нравами—это копія вороватыхъ, лживыхъ, порою приниженныхъ, порою нахальныхъ, октаившихся манджуровъ. Главное занятіе — та же охота и рыбная ловля, что у ороchonъ и манегровъ.

До сихъ поръ намъ приходилось описывать тунгусскія племена, какъ охотниковъ. Но и между ними есть исключенія въ этомъ отношеніи. Къ востоку отъ Бурейскихъ горъ, по Амуру и его притокамъ, живетъ одно тунгусское племя *гольдоевъ*, которыхъ можно отнести скорѣе къ осѣдлому, чѣмъ къ бродячему населенію. Гольды—это тѣ «наткисы» и «ачаны», съ которыми приходилось часто сталкиваться первымъ завоевателямъ Амура.

Еще давно этотъ, въ старину очень многочисленный, народъ разбился на три рода—«киленовъ», живущихъ по Сунгари и Амуру выше Хабаровска, «ходзеневъ»—по Амуру ниже этого города и «мангу»—по Уссури. Разъединенные между собою большими пространствами, эти роды, подъ вліяніемъ другихъ

Орочоны.

народовъ, съ которыми имъ приходилось жить, скорѣ такъ удалились другъ отъ друга, что «мангу» или «кленъ» теперь уже съ трудомъ понимаетъ «ходзена». Въ одеждѣ-же и нравахъ они сохранили еще много общаго другъ съ другомъ; только «клены» переняли кое-что отъ манджуровъ, а «мангу», постоянно сближающіеся съ гиляками, завели одежду и нѣкоторые обычаи послѣднихъ.

Собственно Амурскіе гольды имѣютъ монгольскій складъ лица: широкую, плоскую фізіономію, съ приплюснутыми, толстыми губами, косыми глазами и выдающимися скулами. Черные, жесткіе волосы, заплетенные и у мужчинъ въ косу, мускулистое, худощавое тѣло дополняютъ ихъ сходство съ современными китайцами. Отъ послѣднихъ гольды переняли одежду: длинныя рубахи, штаны и подбитыя ватой куртки. Сходство касается даже жилищъ, которыя у многихъ гольдовъ напоминаютъ обмазанныя глиной китайскія фанзы.

Жизнь гольда большею частью проходитъ въ охотѣ и рыбной ловлѣ. Едва рѣка вскрыется ото льда, какъ гольды, приготовивъ свои остроги и снасти, съ разсвѣтомъ отправляются на ловлю. Рыба составляетъ главную пищу ихъ, ея-же—вяленую («юколой») они кормятъ и своихъ собакъ. Кромѣ того, гольдъ съ большимъ удовольствіемъ пользуется всякой подвернувшейся пищею, но муки и крупы не любитъ. Мало потребляетъ онъ и соли; зато—большой любитель овощей,—и почти у каждой фанзы вы найдете довольно обширный огородъ, гдѣ растеть кукуруза, тыква, рѣдька, лукъ, перецъ, чеснокъ и бобы. Къ овощамъ присоединяются и разныя ягоды, которыя гольды ѣдятъ съ удовольствіемъ. Но больше всего, кажется, доставляетъ наслажденіе имъ «ханъ-шинъ», китайская водка, которою они напиваются до безчувствія и кстати, и некстати. Эта пагубная страсть, распространенная и среди женщинъ, губельно вліяетъ на здоровье и благосостояніе племени...

Большая часть гольдовъ—язычники и потому могутъ имѣть сколько угодно женъ, но и это не увеличиваетъ прироста населенія,—и гольды, вслѣдствіе житейскихъ невзгодъ и болѣзней, подчиняются тому же роковому закону вырожденія, по которому

при столкновении двухъ расъ одна, менѣе культурная, или должна слиться съ болѣе культурною, или, если этого слиянія не происходитъ, уступить ей и постепенно гаснуть.

Гольдами кончается по Амуру тунгусская народность; далѣе, внизъ по рѣкѣ, въ низовьяхъ Амура, по лиману его и по берегу Охотскаго моря живутъ представители другой народности—*гиляки* *), занявшіе также и сѣверную часть о-ва Сахалина. Несмотря, однако, на такую значительную область распространения, гиляковъ насчитываютъ не больше 10 тысячъ, изъ коихъ немного больше половины живетъ на материкѣ, а остальные—на Сахалинѣ. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что этотъ крайній русскій островъ и былъ родиной гиляковъ, откуда они были впоследствии вытѣснены айнами, которыхъ, въ свою очередь, прогнали явившіеся сюда японцы. Если это справедливо, то гиляцкую народность нужно считать одною изъ древнѣйшихъ, наряду съ айнами.

Постоянное сосѣдство съ одной стороны съ айнами (на Сахалинѣ), съ другой—съ племенами тунгусской народности (на материкѣ) рѣзко отразилось и на всемъ складѣ тѣла, который является теперь различнымъ у материковыхъ и сахалинскихъ гиляковъ. Первые приближаются къ тунгусамъ: они довольно средняго роста, съ хорошо развитою грудью, нѣсколько короткими руками и кривыми ногами, съ широкой головою, черными волосами и скошенными глазами;—вторые напоминаютъ айновъ своимъ удлинненнымъ лицомъ и большою растительностью на немъ; впрочемъ, у нихъ борода все-таки не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ у волосатыхъ айновъ.

Отъ своихъ сосѣдей—тунгусовъ амурскіе гиляки отличаются тѣмъ, что не татуируютъ себя и не носятъ (женщины) колець и серегъ въ носовой перегородкѣ. Длинные, черные волосы ихъ заплетаются сзади въ одну косу (у женщинъ въ двѣ).

По природѣ своей гиляки — народъ здоровый, крѣпкій, но

*) Это названіе происходитъ отъ китайскаго слова „киль“, „киленгъ“, примѣняемаго вообще къ инородцамъ низовьевъ Амура. Сами же себя гиляки называютъ „виб(а)хъ“, т. е. „люди“.

въ послѣднее время среди нихъ стали свирѣпствовать эпидемическія корь, оспа и др. болѣзни, значительно ослабившія это племя. Не способствуетъ усиленію племени и широко развитая у гиляковъ страсть къ водкѣ и табаку.

Наконецъ, думаемъ, и сама пища гиляковъ, главнымъ образомъ, рыба, которую они ѣдятъ даже сырою, имѣетъ вліяніе на ослабленіе ихъ организма. Правда, при удобномъ случаѣ, они потребляютъ и мясо, а также плоды и овощи, но все это съѣдается въ холодномъ видѣ, что не совсѣмъ безвредно.

Жилища гиляковъ собраны въ цѣлыя селенія. Но эти деревни производятъ унылое впечатлѣніе: чувствуется какая-то пустота, глушь. Не видно никакихъ хозяйственныхъ построекъ, амбаровъ, хлѣбовъ и т. п., незамѣтно и кустика домашней зелени, не то что грядокъ огорода, наконецъ, въ деревнѣ рѣдко увидишь на улицѣ живое лицо, только злые собаки, бѣгущія вамъ на встрѣчу съ ожесточеннымъ лаемъ, показываютъ, что здѣсь живутъ люди.

Войдешь въ жилище гиляка,—унылое впечатлѣніе еще болѣе усиливается: всюду грязь и копоть отъ очага; въ затынутые рыбьей кожей, вмѣсто стеколъ, окна съ трудомъ пробивается свѣтъ. Привыкнувъ немного къ царствующему здѣсь полумраку вы увидите посреди избы или у края черную печь изъ битой глины, а у стѣнъ—широкія нары, которыя служатъ и столомъ и кроватью. Въ душной, тѣсной избѣ живутъ по 4—8 семей (человѣкъ 30), связанныхъ между собою родствомъ. Отъ этого скопленія народа — духота въ избѣ нестерпимая; а тутъ еще донимаютъ блохи и крысы. Поэтому для самихъ хозяевъ пребываніе въ такомъ жилищѣ лѣтомъ становится невозможнымъ,— и они переселяются въ теплое время въ амбары, устроенные на столбахъ, фута на 3 надъ землею. Въ жилищѣ гиляка убранство простое, украшеній никакихъ нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ «болванчиковъ»-боговъ, вездѣ виситъ оружіе — луки и стрѣлы, сѣти, лыжи, паруса изъ рыбьей кожи, наконецъ, одежда.

Костюмъ гиляковъ довольно простъ. Онъ состоитъ лѣтомъ изъ холщевой или бумажной рубашки, такихъ же штановъ и пирамидальной берестовой шляпы собственного издѣлія; къ этому

нужно еще присоединить кафтаны изъ рыбьей кожи, впрочемъ, выходящiе изъ употребленiя и замѣняющiеся суконными, и сапоги изъ перничьей кожи. Зимой костюмъ состоитъ изъ мѣховыхъ шкуръ. Женское платье похоже на мужское, только отличается отъ него уборами, прошивками, бусами, амулетами и пр.

Гиляки.

Въ характерѣ гиляковъ замѣчается сосредоточенность, серьезность и даже мрачность; какое-то равнодушiе написано на ихъ лицѣ, и это, въ соединенiи съ ихъ малоподвижностью и вялостью, придаетъ гилякамъ унылый видъ. И живутъ они такъ же скучно и уныло, какъ уныла вся ихъ наружность: они рѣдко поютъ, не пляшутъ и почти не знаютъ музыки, если не

считать за таковую унылое, меланхолическое постукиваніе палками по висящему деревянному шесту.

Между тѣмъ по нравственнымъ качествамъ это — симпатичный народъ. У нихъ широко развита взаимопомощь, такъ что нищихъ совсѣмъ нѣтъ: бѣдныхъ прокармливаютъ или ихъ болѣе состоятельные родственники, или, за отсутствіемъ таковыхъ, посторонніе богатые люди. Живутъ они мирно, за больными всячески ухаживаютъ, только умирающихъ выносятъ вонъ изъ избы, изъ суевѣрнаго страха. Гостепримство у нихъ широко развито, воровство — совсѣмъ неизвѣстно, а обманъ — рѣдкость. Обращеніе родственникомъ другъ съ другомъ самое мягкое, хотя нѣжности и не въ ходу: передъ уважаемымъ лицомъ они присѣдаютъ, а онъ даетъ поцѣловать себя въ щеку. Нѣжныя чувства выражаются очень оригинально: оба встрѣтившихся гиляка сначала оближутъ другъ друга, а затѣмъ начнутъ искать извѣстныхъ насѣкомыхъ *).

По религіи гиляки — язычники, вѣруютъ въ загробную жизнь и духовъ, добрыхъ и злыхъ, олицетвореніемъ которыхъ служатъ идолы. Сношенія съ этими духами происходятъ при помощи шамановъ, которые играютъ въ жизни гиляковъ важную роль, раздѣляя се со стариками. Но привилегированнаго класса нѣтъ, и потому важнѣйшія дѣла рѣшаются на сходкахъ по большинству голосовъ.

Въ послѣднее время гиляки стали переходить въ христіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ ходитъ въ русскія школы, при чемъ обнаружили порядочныя способности. Но все-таки и ихъ тѣсня сибѣта, если только они не сдѣлаются осѣдлыми и не примутся за земледѣліе или, по крайней мѣрѣ, за скотоводство.

Вообще, повидимому, всѣмъ амурскимъ инородцамъ грозитъ печальная будущность: они обречены на исчезновеніе. Вымирание ихъ идетъ особенно быстро въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они соприкасаются съ цивилизаціей, которая губительно дѣйствуетъ на нихъ своими дурными сторонами. Гибельнѣе всего, раз-

*) По мѣрѣ расширенія сношеній съ русскими эти обычаи, впрочемъ, исчезаютъ, замѣняясь простымъ рукопожатіемъ и поцѣлуями.

умѣется, дѣйствуетъ водка, которую опиваютъ бѣдныхъ ино-
родцевъ разные «торгаша», а затѣмъ много губятъ ихъ и бо-

Гилячка.

лѣзни, которыя заносятся русскими. Словомъ, и на Амурѣ
противъ несчастныхъ бродячихъ туземцевъ стоять тѣ же ги-

бельныя условія, которыя способствуют вымиранію слабыхъ расъ и въ другихъ мѣстахъ.

Пройдетъ, можетъ быть, еще нѣсколько десятковъ лѣтъ,—и туземное населеніе Амура, все болѣе и болѣе тѣснимое волнами русской цивилизаціи, уступитъ свои насиженные мѣста переселенцамъ, а само будетъ изо дня въ день влечить свое жалкое существованіе, ожидая полнаго вымиранія. А скоро, быть можетъ, оно будетъ стерто съ лица земли и совсѣмъ исчезнетъ, какъ исчезаютъ подъ напоромъ янки сѣверно-американскіе индѣйцы,—и до самой смерти будетъ оно проклинать тотъ день, когда казакъ впервые произнесъ ненавистное ему слово «ясакъ». Но судьбы не измѣнишь! Неумолимый рокъ, выражающійся въ желѣзномъ законѣ борьбы за существованіе, влечетъ туземцевъ въ пропасть, откуда имъ нѣтъ возврата. Намъ, цивилизованнымъ людямъ, остается только сказать: «правъ судьбы законъ» и мириться съ такимъ ходомъ дѣла. Но мы по крайней мѣрѣ должны смягчать, по мѣрѣ нашихъ силъ, всю горестъ такого положенія для бѣдныхъ «звѣролововъ» и, уже если имъ суждено поглѣбнуть, какъ отдѣльному народу, то мы съ своей стороны должны употребить всѣ усилія, чтобы ассимилировать ихъ съ ядромъ населенія и при сляніи двухъ племенъ образовать крѣпкую, здоровую расу: вѣдь, есть же и у инородцевъ хорошія черты, которыя не худо бы привить и къ православному крестьянству.

Въ лучшемъ, сравнительно, положеніи находятся тѣ амурскіе туземцы, которые успѣли «осѣсть на землѣ» и заняться обработкою почвы. Не говоря уже о тѣхъ изъ нихъ, которые, перенимая хорошія стороны русской цивилизаціи, учатся русскому языку, копируютъ русскую жизнь и т. д.—ихъ будущее болѣе или менѣе обезпечено,—даже живущіе вполнѣ обособленно отъ русскихъ, своею цивилизаціею, и тѣ, благодаря своей осѣдлости, имѣютъ всѣ данныя если не на процвѣтаніе, то на противодѣйствіе разложенію и вымиранію.

Такое именно положеніе и занимаютъ тѣ амурскіе инородцы, которые занимаются обработкою земли. Это—во-1-хъ, живущіе на русской территоріи, но неподвѣдомственные нашему управ-

ленію манджуро-китайцы, во-2-хъ, принявшіе подданство, а съ нимъ вмѣстѣ и православіе, корейцы. Селенія первыхъ раскинуты по Амуру, къ востоку отъ Благовѣщенска до станицы Низменной, послѣдніе же обитаютъ только въ селѣ Благословенномъ *), къ востоку отъ Буренскихъ горъ.

Собственно говоря, китайско-манджурское населеніе состоитъ изъ трехъ народностей, но двѣ изъ нихъ—манджуры и дауры **)—уже такъ слились съ третьей—китайцами, что отличаются отъ нихъ развѣ однимъ языкомъ. Поэтому мы познакоимся съ этимъ населеніемъ во всей его совокупности.

Находится оно подъ вѣдѣніемъ китайскаго правительства, но живетъ на русской землѣ, составляя такимъ образомъ оригинальное явленіе «государства въ государствѣ». Общая численность этого независимаго отъ насъ населенія доходитъ до 20 тысячъ человѣкъ, въ распоряженіи которыхъ находится территорія, приблизительно равная 1,400 кв. верстѣ. Не довольствуясь этимъ, манджуро-китайцы постоянно стремились къ захвату новыхъ земель въ глубь страны. Тогда, по распоряженію русскихъ властей, въ 1884 г. было произведено правильное размежеваніе и надѣлъ былъ ограниченъ всего 108,000 десятинъ; въ то же время было воспрещено китайскимъ подданнымъ переселяться съ праваго берега Амура на лѣвый...

Событія послѣдняго времени (1900 г.), вызвавшія вооруженное столкновеніе съ Китаемъ, вѣроятно, приведутъ къ еще большому ограниченію правъ этого «государства въ государствѣ». Какъ слышно, предлагается всѣмъ лѣвобережнымъ манджуро-китайцамъ или перейти въ русское подданство и получить надѣлы, или убираться въ Китай. Вмѣстѣ съ переходомъ въ наше

*) Кроме того, нѣсколько корейскихъ деревень раскидано и въ Уссурійскомъ краѣ.

**) Происхожденіе дауровъ до сихъ поръ не выяснено; одни (Арх. Палладій) считаютъ ихъ за смѣсь монголовъ съ китайцами, другіе (д-ръ Шренкъ) причисляютъ къ тунгусскому племени, обособившемуся отъ родичей благодаря вліянію сначала монголовъ, потомъ китайцевъ.

подданство, понятно, кончится неподсудность манджуро-китайцевъ нашимъ судамъ, исчезнуть и другія привилегіи ихъ.

Главное занятіе китайско-маньчжурскаго населенія Амурскаго края—обработка почвы, надъ которой оно трудится съ утра до вечера. Работаютъ вообще усердно, но, вельдствіе примитивнаго устройства земледельческихъ орудій, паханіе производится неудовлетворительно. Только въ послѣднее время, когда китайцы стали перенимать у русскихъ обработку почвы плугами, дѣло пошло лучше... Тѣмъ не менѣе и при прежнемъ способѣ обработки земля давала порядочные урожаи, благодаря остроумной системѣ распаханія: передъ посѣвомъ китайская нашія получаетъ здѣсь видъ множества мелкихъ грядокъ; по вершинамъ послѣднихъ только и сѣется зерно, послѣ чего верхушки слегка уравниваются, а промежутки остаются пустыми и только время отъ времени прочищаются. При такомъ способѣ китайцамъ удается избѣгать загниванія хлѣба, неизбежнаго при сырости здѣшняго климата. Напротивъ, благодаря притоку свѣжаго воздуха, хлѣбъ на грядкахъ хорошо растетъ, сильно кустится и даетъ большіе урожаи. Также сѣютъ и макъ, дающій, говорятъ, баснословные доходы (до 750 рублей съ десятины).

Вотъ такому-то искусству не мѣшало-бы поучиться у китайца и нашему мужичку. А то послѣдній, привыкнувъ у себя на родинѣ, въ Россіи, приурочивать всѣ полевые работы къ извѣстному времени и вести ихъ по извѣстному шаблону,—переселяется въ Амурскій край, начинаетъ вести хозяйство по старому,—и у него вся жатва сгниваетъ на поляхъ, въ то время какъ тутъ-же рядомъ китаецъ собираетъ богатый урожай.

Съ лугами у него другая бѣда. У себя дома онъ привыкъ уже начинать сѣнокосъ не ранѣе Петрова дня (29) іюня, а между тѣмъ здѣсь, на Амурѣ, къ этому времени трава уже совсѣмъ перезрѣетъ и будетъ негодна для пищи скота. Кромѣ того, если начинать уборку сѣна, по русскому обычаю, въ іюль,—все сѣно «сгоритъ» отъ сырости, такъ какъ въ іюль на Амурѣ наступаетъ дождливый сезонъ. Положимъ, иной разъ и удается собрать сѣно,—а его бываетъ иногда до 400—500 пудовъ съ десятины,—но крестьянинъ оставляетъ копны на заливныхъ

дугахъ, прямо на землѣ, какъ онъ привыкъ дѣлать въ Россіи, — и сѣно начинаетъ гнить. Опытный, свыкшійся съ климатомъ китаецъ или манджуръ никогда не сдѣлаетъ этого: онъ и косить траву на болѣе высокихъ мѣстахъ, да и копны ставить на подставкахъ. Впрочемъ, обладая природной сметкой, нашъ мужичекъ скоро осваивается съ непривычными для него порядками и начинаетъ перенимать ихъ у китайцевъ *)...

Ну, а больше у «сына Срединнаго Царства» и учиться нечему: живутъ манджуро-китайцы въ вѣчной грязи: грязью покрыто и платье, которое зимою никогда не снимается, пока не истлѣетъ на тѣлѣ, — грязь царитъ и въ жилищахъ, тѣсныхъ, жалкихъ мазанкахъ — «фанзахъ», покрытыхъ тою-же жалкою соломою, какъ и у нашего несчастнаго мужика.

Между тѣмъ манджуро-китаецъ вовсе не бѣденъ: обладая хорошимъ надѣломъ, имѣя обезпеченный сбытъ своихъ продуктовъ, онъ могъ-бы устроиться гораздо приличнѣе. Но этому мѣшаетъ природная китайская неряшливость и привычка къ грязи.

Поселенія корейцевъ въ Амурскомъ краѣ производятъ болѣе отрадное впечатлѣніе. Сразу видно, что тутъ живутъ не грязные «сыны Неба», а старательные, чистоплотные корейцы.

Уже по внѣшнему виду корейская деревня рѣзко отличается отъ деревень другихъ инородцевъ. Она состоитъ изъ тѣхъ-же мазанокъ — «фанзъ», какъ и у китайцевъ, но каждая фанза окружена полями владѣльца, — и деревня получаетъ чрезвычайно разбросанный видъ. За то, имѣя подъ рукою свое поле, кореецъ можетъ тщательнѣй ухаживать за нимъ; поэтому обработка почвы доведена до совершенства: русскій крестьянинъ не ухаживаетъ такъ за своимъ огородомъ, какъ кореецъ за полемъ. Результаты такого ухода сказываются, конечно, въ урожаяхъ. Напр., въ

*) Какъ особенность китайской жизни, отмѣтимъ еще, что женщины у китайцевъ вовсе не видно на полѣ: онѣ работаютъ только на дому и въ огородѣ. Всѣ-же полевые работы исполняются мужчинами. Это объясняется общераспространеннымъ среди китайцевъ мнѣніемъ, что женщины неприлично показываться на улицѣ.

с. Благословенномъ надѣль маленькій (2½ дес. на душу *). Между тѣмъ и при такомъ надѣлѣ кореець не только прокармливаетъ свою семью, но имѣетъ избытокъ хлѣба для продажи.

Съ этой точки зрѣнія корейская любовь къ кропотливому труду, порядку и аккуратности должна-бы служить примѣромъ для русскихъ поселенцевъ. Могли-бы поучиться послѣдніе и нравственнымъ качествамъ, строго семейной жизни, склонности къ христіанству и т. п., чѣмъ давно уже зарекомендовалъ себя кореець. Правда, выходець «Страны Утренняго Спокойствія» не отличается большою энергіею, не обладаетъ ни находчивостью, ни сообразительностью, — словомъ, не можетъ образовать энергичнаго, промышленнаго населенія. Но на корейцевъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на піонеровъ цивилизаціи Амурскаго края, который долженъ всецѣло принадлежать русскимъ, — тихіе, скромные, трудолюбивые корейцы могутъ быть полезны съ другой стороны: принявши православіе, они, несомнѣнно, скоро и быстро начнутъ сливаться съ русскими и внесутъ въ безшабашную, порывистую, разгульную натуру славянина свое трудолюбіе и склонность къ порядку. А въ результатъ этого сліянія явится молодая, крѣпкая раса, соединяющая въ себѣ лучшія черты обоихъ племенъ и, слѣдовательно, имѣющая свѣтлое будущее.

Раньше, при занятіи русскими Уссурійскаго края, здѣсь обитало множество китайцевъ, носящихъ у русскихъ названіе «манзъ», а также — выходцевъ изъ Кореи («коули», — какъ корейцы называютъ себя). Эти представители монгольской расы отчасти жили осѣдло, занимались земледѣліемъ и охотою, отчасти въ видѣ бродячаго элемента, какъ торговцы съ инородцами, охотники, рыболовы, искатели «жень-шеня» и пр. Однако, русское правительство, справедливо опасаясь нашествія этой «желтой расы», могущей совершенно залить собою Приамурье и такимъ образомъ мирнымъ путемъ завоевать его, что неуди-

*) Въ селѣ 1,200 жителей, изъ коихъ около 600 мужчинъ; земли-же 1,300 десятинъ.

вительно при ея настойчивости и плодovitости, стало постепенно ограничивать доступъ въ свои предѣлы этого инородческаго элемента.

Одною изъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью охранить Приамурье отъ наплыва китайцевъ и корейцевъ, является обложение ихъ, въ качествѣ иностранныхъ подданныхъ, особымъ сборомъ при визированіи ихъ національныхъ паспортовъ и выдачѣ имъ годовыхъ

Корейская деревня.

русскихъ билетовъ. Сборъ этотъ въ настоящее время равняется 5 р. 30 к. и можетъ служить приблизительнымъ показателемъ наплыва китайскаго и корейскаго населенія въ наши предѣлы *). Мы говоримъ «приблизительно», такъ какъ въ краѣ шатается много безпаспортныхъ бродягъ, особенно, изъ китайцевъ, которыхъ не можетъ выслѣдить никакая полиція, въ виду

*) Въ 1893 г. было визировано до 20,000 національныхъ паспортовъ и выдано 10,000 русскихъ билетовъ въ Приморской области, въ Амурской—12,000 билетовъ.

громднаго протяженія края и растянутости нашей границы съ Китаемъ. Изъ этихъ-то бродягъ и формируются шайки «хунгузовъ» *), наводящія ужасъ на пограничное населеніе края. Къ счастью, по мѣрѣ заселенія края русскими и развитія здѣсь культуры, въ видѣ шоссеиныхъ и желѣзныхъ дорогъ, шайкамъ хунгузовъ можно уже не такъ свободно дѣйствовать, — и онѣ постепенно исчезаютъ, не осмѣливаясь встрѣчаться съ русскими. Больше отъ нихъ терпятъ, попрежнему, китайскіе поселенцы да тихіе корейцы.

Конечно, несмотря на приливъ русскихъ переселенцевъ Амурскій край, въ общемъ, еще сильно нуждается въ рабочихъ рукахъ, и съ этой стороны китайцы, благодаря своему трудолюбію, трезвости, неприхотливости и дешевизнѣ труда, казалось-бы, были желательны. Но бѣда въ томъ, что это — совершенно чуждый намъ народъ, который никогда не сольется съ нами.

«Китайцы въ высшей степени консервативны и никогда не ассимилируются. Куда-бы ни явились, они всюду вносятъ свой культъ, свое міровоззрѣніе и даже свой судъ; ихъ сплоченность и высокое мнѣніе о своемъ прошломъ препятствуютъ сліянію съ русскими, поэтому куда-бы они ни явились, составляютъ какъ-бы государство въ государствѣ, что въ особенности опасно въ Приамурскомъ краѣ, тянущемся на 5 тыс. верстъ вдоль государственной китайской границы. При томъ-же

*) Слово хунгузъ значитъ рыжебородый. Но почему названы такъ эти разбойники, неизвѣстно. Точно также и теперь еще не выяснено, что, собственно говоря, представляютъ они, просто-ли преступниковъ, бѣжавшихъ изъ Китая отъ кары, или политическое общество, задавшееся цѣлью всѣми мѣрами вредить нынѣшнему китайскому правительству. Последнее очень вѣроятно, если вспомнить, что царствующая въ Китаѣ манджурская династія далеко не пользуется популярностью въ народѣ, и потому среди китайцевъ существуетъ множество тайныхъ союзовъ, съ цѣлю низверженія ея. Кромѣ того, на выработанную организацію общества хунгузовъ указываютъ ихъ девизы, въ родѣ „долой богатыхъ“, и ихъ стойкость и подъ страшными пытками не выдавать товарищей и тайнъ своего общества.

они своимъ дешевымъ трудомъ подрываютъ благосостояніе бѣлаго рабочаго и ничего не оставляютъ изъ нажитого въ странѣ, унося все сбереженія къ себѣ на родину. Кромѣ того, китайцы хищническимъ образомъ пользуются въ краѣ естественными богатствами и эксплуатируютъ инородцевъ, спаввая ихъ ханшиномъ и приобрѣтая у нихъ за безцѣнокъ пушнину, выдавая за нее буду, табакъ и порохъ, оцѣниваемые китайцами вдесятеро дороже настоящей ихъ стоимости. Тѣ изъ китайцевъ, которые иногда женятся на инородкахъ и приживаютъ даже дѣтей, все-таки въ краѣ не остаются, а наживши деньги, уходятъ на родину, оставляя здѣсь жену и дѣтей. Но такъ какъ въ Приамурскомъ краѣ ни одно почти предпріятіе неммыслимо безъ пришлыхъ рабочихъ, то въ видахъ развитія промышленности въ силу необходимости, допущенъ привозъ китайскихъ рабочихъ, какъ самыхъ дешевыхъ въ здѣшней мѣстности, но съ условіемъ только временнаго ихъ пребыванія въ краѣ и безъ права приобрѣтенія недвижной собственности, что вполне справедливо, такъ какъ въ Китайской имперіи ни одинъ европеецъ не можетъ приобрѣтать земельной собственности» *). Такъ смотрѣли на вселеніе китайцевъ въ прошломъ десятилѣтіи, такихъ же принциповъ на китайскій вопросъ держатся и теперь.

«Что касается другихъ представителей монгольской расы — корейцевъ, то на нихъ держатся другого взгляда и потому не препятствуютъ селиться въ краѣ, но только съ принятіемъ русскаго подданства. Такихъ принятыхъ въ русское подданство корейцевъ проживаетъ въ Приамурскомъ краѣ до 19,000 душъ, изъ коихъ до 17,000 въ Приморской области, въ Суйфунскомъ и Посъетовскомъ участкахъ, до 700 душъ въ окрестностяхъ города Хабаровска и 1,200 душъ въ сел. Благословенномъ въ Амурской области. Почти все корейцы приняли христіанство, занимаются преимущественно сельскимъ хозяйствомъ и являются носителями оригинальной, выработанной долговременнымъ опытомъ, интенсивной сельско-хозяйственной культуры огороднаго типа. Въ русское подданство корейцы

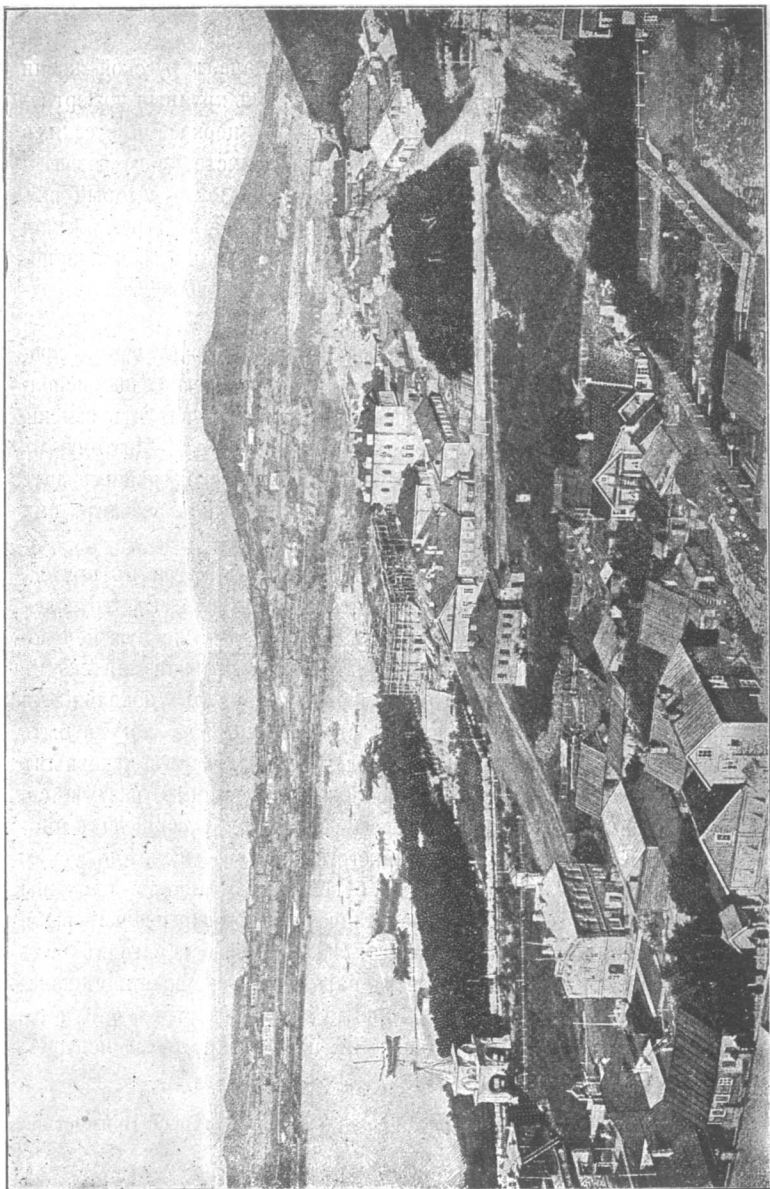
*) „Первый Хабаровскій съѣздъ“, 1885 г.

приняты, между прочимъ, съ условіемъ не носить своей національной прически: корейцы волосъ не стригутъ, а зачесываютъ ихъ вверху, по-женски, и на маковкѣ связываютъ въ узелъ, или «шишку», на которую и надѣваютъ шляпу особаго покроя. Часть христіанъ-корейцевъ бросила такую прическу, а часть нѣтъ. Всѣ остальные корейцы, число которыхъ неизвѣстно, проживаютъ въ краѣ на правахъ иностранцевъ, или по временнымъ русскимъ билетамъ, или нелегально, при чемъ въ Приморской области они платятъ въ казну меньше китайцевъ, именно, вмѣсто 5 р. 30 к., всего 3 р. 30 коп. въ годъ.

«Такое уменьшеніе сбора съ корейцевъ и принятіе ихъ въ русское подданство есть результатъ нѣкотораго покровительственнаго отношенія къ корейцамъ и когда-то бывшаго увлеченія ими первыхъ русскихъ изслѣдователей страны, а за ними и мѣстной администраціи. Забитыхъ деспотическимъ правительствомъ и замученныхъ нуждою на родинѣ смирныхъ и безотвѣтныхъ корейцевъ награждали всевозможными добродѣтелями до необычайной чистоплотности включительно, но знакомство съ ихъ бытомъ и характеромъ измѣнили этотъ взглядъ до того, что одно время за ними не находили рѣшительно никакихъ достоинствъ, а пресловутая чистота одежды и домашней обстановки оказалась еще хуже китайской. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ говорили, что корейцы слабосильны, безпечны и лукавы, съ русскими не смѣшиваются, русскаго языка не изучаютъ и принимаютъ православную вѣру только наружно, изъ выгоды».

Поэтому вѣрно было всѣмъ корейцамъ, переселившимся въ край послѣ 1884 г., въ два года ликвидировать свои дѣла и выѣхать изъ русскихъ предѣловъ, поселившіеся же до 1884 г. могли остаться только подъ условіемъ принятія русскаго подданства.

Однако, «пятнадцатилѣтнее знакомство съ корейцами, обращенными въ христіанство и устроенными въ деревняхъ въ Южно-Уссурийскомъ краѣ и другихъ мѣстахъ, дало возможность вывести заключеніе объ ихъ нравственныхъ качествахъ, бытовыхъ особенностяхъ и степени ихъ полезности для Приамурья въ качествѣ колонизаціоннаго элемента. Оказалось, что корейцы

Владивостокъ (западная часть города).

доказали свою способность къ усвоенію началъ русской жизни и склонность къ христіанству. Они дѣлають крупныя пожертванія на постройку въ ихъ селеніяхъ церквей и русскихъ школъ, стремясь путемъ религіознаго и умственнаго развитія дѣтей достигнуть сближенія съ тѣмъ народомъ, который ихъ пріютилъ. Многіе изъ корейцевъ уже усвоили нѣкоторые обычаи русскаго общества, женятся на русскихъ, а въ числѣ священнослужителей и учителей есть представители корейской народности».

«Корейцы отличаются миролюбивымъ характеромъ, кротостью нравовъ и послушностью; они безпрекословно исполняютъ всѣ приказанія начальства, исправно платятъ земскіе сборы и отбываютъ натуральныя повинности» *). Поэтому въ 1893 г. новый генераль-губернаторъ Духовской рѣшилъ дать отсрочку на выселеніе корейцевъ и предложилъ заселить ими низовья Амура.

Впрочемъ, знатоки края все-таки сомнѣваются въ пригодности для насъ корейцевъ. «Хотя кореецъ кротокъ, трудолюбивъ и миролюбивъ до трусости, но онъ все же чужой человѣкъ, — говоритъ г. Смирновъ **); — для превращенія его въ русскаго человѣка нужно по меньшей мѣрѣ два поколѣнія, а въ теченіе этого времени всѣ свободныя мѣста могутъ быть заняты природными русскими людьми, по своимъ духовнымъ силамъ и національнымъ стремленіямъ стоящимъ, разумѣется, неизмѣримо выше всякаго передѣланнаго на русскій ладъ инородца. Корея не сдѣлала никакого вклада въ общечеловѣческую культуру, все время идя на буксирѣ у китайцевъ, и нужны столѣтія для того, чтобы не отличающійся энергіею натуры и большимъ запасомъ духовныхъ силъ кореецъ всталъ въ рядъ дѣятельныхъ, цивилизованныхъ народовъ. Основныя національныя черты корейцевъ, наложенныя на нихъ страной и исторією, дѣлають ихъ сомнительнымъ по достоинству элементомъ,

*) Е. Т. Смирновъ. Приамурскій край на Амурско-Примѣрской выставкѣ 1899 г.

***) Тамъ-же.

который, войдя въ составъ части русскаго народа чрезъ ассимилированіе, неминуемо понизитъ качества поглотившаго ихъ народа, прививъ апагію и другія отрицательныя стороны корейцевъ».

Мы лично не раздѣляемъ такого пессимистическаго взгляда, но также полагаемъ, что прежде всего и лучше всего нужно стараться о расширеніи русскаго элемента въ краѣ.

Наконецъ, въ числѣ пришлыхъ народностей Приамурья нужно указать еще на японцевъ.

«Японцы, эти французы Дальняго Востока, имѣютъ въ Приамурьѣ весьма небольшое число своихъ представителей, не болѣе 1,000 человекъ, почти исключительно занятыхъ торговлею, промышленностью и разными ремеслами. Ихъ культурность, развитый вкусъ и ловкость въ ремеслахъ, аккуратность, дисциплинированность и честность составляютъ такія достоинства, которыя дѣлаютъ ихъ весьма желательнымъ элементомъ въ Приамурьѣ и ставятъ почти на одну ступень съ представителями народовъ Западной Европы».

«Таково впечатлѣніе, производимое современною дѣятельностью японцевъ въ Приамурьѣ, хотя, какъ и каждый народъ, они, разумѣется, имѣютъ и отрицательныя черты: японцы эгоистичны и своекорыстны, горды или вкрадчивы, смотря по надобности и проч. Но такія отрицательныя черты не замѣтны въ отдѣльныхъ личностяхъ, вращающихся въ средѣ чуждаго имъ народа. По крайней мѣрѣ въ Приамурьѣ, гдѣ японцы живутъ и работаютъ уже давно на разныхъ поприщахъ, о нихъ не составилось въ русской народной массѣ дурныхъ мнѣній, вродѣ, на примѣръ, презрительнаго мнѣнія о евреяхъ, насмѣшливо-покровительственныхъ отношеній къ китайцамъ и корейцамъ, этимъ «недоноскамъ цивилизаціи» желтой расы. Выдержанный, ровный и живой японецъ здѣсь повсюду признается равноправнымъ членомъ въ общей семьѣ культурныхъ народовъ, будь онъ интеллигентъ, или мастеровой и чернорабочій. Въ его сношеніяхъ съ людьми, въ его манерахъ, въ семейномъ бытѣ и проч. нѣтъ ни смѣшныхъ, ни досадныхъ сторонъ, поэтому даже простой русскій человекъ, очень чуткій къ недостаткамъ чу-

жого народа, не далъ японцу никакого прозвища и во всѣхъ случаяхъ обращается съ нимъ, какъ съ ровнею» *). Но именно въ виду довольно высоко развитыхъ способностей японцевъ, — замѣтимъ мы отъ себя, — намъ и нужно, насколько можно, ограничивать имъ доступъ въ Амурскій край, иначе они впоследствии также отгѣснятъ русскую народность на второй планъ, какъ отгѣснили ее на западѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи нѣмцы, на Кавказѣ — армяне и т. п.

VIII.

Русское населеніе Амура.

Наши переселенцы. — Исторія заселенія края. — Казаки, и крестьяне. — Общій ходъ хозяйства. — Движеніе населенія края. — Главные города, ихъ характеристика и быстрый ростъ.

Кто не видѣлъ картинъ массоваго переселенія русскихъ крестьянскихъ семей на Амуръ?! На любой изъ приволжскихъ или камскихъ пристаней, съ началомъ открытія навигаціи, можно видѣть кучки сѣраго люда, съ женами и малыми ребятами, направляющагося на поиски за «новыми мѣстами» на далекій Амуръ. Кому не случалось спрашивать этихъ сѣрыхъ эмигрантовъ о томъ, куда они идутъ и на что надѣются?! Отвѣты въ этомъ случаѣ получались самые неопредѣленные, но полные свѣтлыхъ надеждъ на будущее. — Чего у насъ ждать?! — неоднократно говорили намъ эти переселенцы. — Надѣлъ маленькій, да и тотъ паханъ-перепаханъ. Лѣсу нѣтъ, — за каждую хворостину плати деньги... Тяжело, значить, тѣсно жить. А тамъ земля вольная, бери ее, сколь поднять въ силахъ. Всякаго угодыя не изжить. Въ лѣсъ пойдешь, любое дерево вали: запрету нѣтъ!!

Бѣдняки не знали, что и на Амурѣ давно уже нѣтъ такой свободы: все перемерено и записано.

Во всякомъ случаѣ, только горькая нужда и полная невоз-

*) Смирновъ, тамъ-же

возможность сноснаго существованія заставляеть этихъ несчастныхъ бросать насиженные мѣста и отправляться на поиски новаго счастья. Правительство, съ своей стороны, принимаетъ все мѣры къ упорядоченію этого переселенческаго движенія.

«Первыя русскія поселенія были образованы на нижнемъ Амурѣ еще до присоединенія его къ Россіи по айгунскому договору 1858 года, что объясняется тѣмъ, что гиляки дельты рѣки не были подчинены Китаю, почему и присоединены къ Россіи Муравьевымъ, нисколько не боявшимся воображаемой мощи Китая. А разъ это русская земля, она должна быть и заселяема русскими. Въ этихъ видахъ, а также для созданія на Дальнемъ Востокѣ земледѣльческихъ колоній, которыя могли-бы питать хлѣбомъ передовые военные посты, разбросанные по берегамъ Охотскаго моря, въ Татарскомъ проливѣ и по берегамъ Сахалина, еще въ 1854 году было вызвано 480 человекъ изъ Иркутской губерніи и Забайкалья, желающихъ поселиться на Амурѣ; въ слѣдующемъ году они были сплавлены въ его низовья и поселены между теперешними Маринскомъ и Николаевскомъ, образовавъ селенія: Иркутское, Богородицкое и Михайловское. Одновременно съ ними, близъ Маринскаго поста, была поселена сотня казаковъ въ станицѣ Сучи, а въ 1857 году сюда было выслано 62 женщины изъ ссыльно-каторжныхъ. Эти первые русскіе переселенцы, заброшенные на край свѣта, безъ всякой связи съ сибирскими поселеніями, какъ и слѣдовало ожидать, не оказали той пользы, какой отъ нихъ ожидали, и если не погибли все отъ голода и болѣзней, то только благодаря своей выносливости и казенному хлѣбу, который имъ доставлялся долгое время».

Столь неудачный опытъ заставилъ Муравьева прибѣгнуть къ другому приему и вмѣсто охраны новой границы, определенной по айгунскому договору, одними линейными войсками и казачьими отрядами, создать вдоль Амура и Уссури поселенія постоянныхъ охранныхъ войскъ въ видѣ казаковъ». Для этого изъ ближайшихъ къ Амуру забайкальскихъ казаковъ, въ 1860 г. и было образовано Амурское казачье войско, раздѣлившееся впоследствии (въ 1889 г.) на двѣ части, собственно Амурское

и Уссурийское. Главною обязанностью ихъ было поставлено охраненіе занятой пограничной черты, болѣе 2500 вер. длиною.

Переселеніе казаковъ Забайкальскаго войска, съ пособіемъ отъ казны, началось съ 1858 года и закончилось въ 1863 году, но изъ предназначенныхъ ранѣе 20,000 душъ по разнымъ причинамъ, было переселено всего 16,850. Изъ нихъ 11,850 челов. поселены вдоль Амура отъ стан. Покровской (близъ соединенія рр. Шилки и Аргуня) до теперешняго города Хабаровска и образовали 67 станицъ и поселковъ, а остальные 5,000 чел. вверхъ по р. Уссурі, отъ ея впаденія въ Амуръ до оз. Ханка; здѣсь они образовали 23 станицы.

Кромѣ того, въ 1861 и 1862 годахъ перечислено въ Амурское войско до 2,000 штрафованныхъ нижнихъ чиновъ изъ бывшихъ гарнизонныхъ батальоновъ Европейской Россіи, но они, въ большинствѣ случаевъ, не принесли войску никакой пользы, какъ люди безпокойные, и потому въ 1879 г. ихъ исключили изъ него.

Дальнѣйшій приростъ населенія станицъ казачьяго войска по Амуру и Уссурі, путемъ переселенія изъ Забайкальскаго и другихъ войскъ, прекратился съ 1863 года, и вопросъ объ этомъ, по немнѣвнѣю денежныхъ средствъ, не возбуждался.

«Частыя наводненія р. Уссурі, бывшія въ періодъ 1863—1878 гг., раззорительно отразившіяся на хозяйственномъ бытѣ казачьяго населенія и безъ того крайне рѣдкаго, привели къ необходимости переселенія отсюда казаковъ въ Южно-Уссурийскій край съ образованіемъ тамъ казачьихъ станицъ и поселковъ, что и осуществилось. Это, однако, повело къ тому, что дограничная линія, пролегающая вдоль р. Уссурі, осталась открытою, почти немнѣющею охраны, что повлекло въ свою очередь къ вторженіямъ въ наши предѣлы китайскихъ разбойничьихъ шаекъ, производившихъ здѣсь грабежи и убійства. Подобныя явленія, нарушающія безопасность малочисленнаго населенія и могущія повторяться въ будущемъ, представляя несомнѣнную опасность для начатой уже постройки Уссурийской желѣзной дороги, потребовали неотложнаго возбужденія ходатайства о переселеніи въ уссурийскія станицы и поселки казаковъ изъ

другихъ казачьихъ войскъ, съ выдачею переселенцамъ безвозвратныхъ и заимообразныхъ денежныхъ пособій отъ казны и предоставленіемъ имъ льготъ по отбыванію воинской, земскихъ и станичныхъ повинностей. Ходатайство это было удовлетворено въ 1893 году. Для заселенія пограничной полосы, пролегающей вдоль Уссурийской желѣзной дороги, выбраны изъ Донского и Оренбургскаго казачьихъ войскъ, изъ числа желающихъ переселиться, до 250 семействъ, съ выдачею каждой семьѣ денежныхъ пособій изъ средствъ на вспомогательныя предпріятія, съ постройкою Сибирской желѣзной дороги, безвозвратно по 190 руб. и заимообразно, на 33 года, по 550 руб., съ предоставленіемъ переселенцамъ льготъ по отбыванію повинностей: воинской въ теченіе пяти лѣтъ, земскихъ—въ теченіе трехъ лѣтъ и станичныхъ—въ теченіе одного года со дня водворенія на новыхъ мѣстахъ. Переселеніе, донскихъ казаковъ, въ числѣ 187; и оренбургскихъ, въ числѣ 50 семействъ, послѣдовало въ мартѣ мѣсяцѣ 1896 года и произведено на пароходахъ Добровольнаго флота. Кромѣ этихъ казаковъ въ уссурийскихъ станицахъ и поселкахъ вдоль желѣзной дороги поселилось 150 казачьихъ семействъ Забайкальскаго войска; имъ были выданы денежные пособия, каждой семьѣ безвозвратно по 210 руб. 50 коп. и заимообразно, на 33 года, по 300 рублей, съ предоставленіемъ тѣхъ-же льготъ по отбыванію воинской, земскихъ и станичныхъ повинностей, какія даны казакамъ-переселенцамъ Донского и Оренбургскаго казачьихъ войскъ; переселеніе забайкальскихъ казаковъ закончилось въ 1897 г. Всего къ Уссурийскому войску, къ началу 1898 г., присоединилось 4,407 чел. изъ войскъ Донского Оренбургскаго и Забайкальскаго».

Къ январю 1899 года всего казаковъ въ краѣ было 35,622 душъ об. пол., изъ коихъ въ Амурскомъ войскѣ 22,777 чел., живущихъ въ 76 станицахъ и выселкахъ, и въ Уссурийскомъ 12.845 чел., живущихъ въ 50 станицахъ и выселкахъ *).

*) На переселеніе и устройство въ Уссурийскомъ краѣ донскихъ, оренбургскихъ и забайкальскихъ казаковъ за четыре года (1895—1898 гг.) израсходовано 481,172 р. 87 к.

Одновременно съ поселеніями въ Пріамурскомъ краѣ казаковъ шли и крестьянскія поселенія. Еще первый устроитель края, гр. Муравьевъ предполагалъ допустить переселенія «лицамъ свободныхъ состояній, по желанію, на собственномъ иждивеніи и безъ правительственныхъ расходовъ», причемъ предполагалось освободить переселенцевъ отъ всякихъ формальностей, затрудняющихъ переходъ, и упростить дѣлопроизводство, потому что хлопоты въ разныхъ инстанціяхъ того времени о разрѣшеніи переселиться влекли «за собою потерю времени и темные расходы, которые въ простомъ народѣ въ значительной степени отбиваютъ охоту къ переселенію». Однако его проектъ, намекавшій на систему естественной колонизаціи страны, не былъ одобренъ высшими инстанціями, и правительство приняло на себя распоряжки по переселенію крестьянъ (исключительно государственныхъ), ассигновало на это дѣло суммы и повело его на казенный счетъ, заботясь о всякихъ мелочахъ переселенцевъ, до «ремонта одежды» включительно. Такихъ «казеннокоштныхъ» переселенцевъ прибыло на Амуръ съ 1859 по 1861 г.—1,013 человекъ, которые стоили казнѣ однако нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Въ 1861 году, ознаменованномъ незабвеннымъ манифестомъ 19-го февраля объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, переселеніе на Амуръ «казеннокоштныхъ» было прекращено, а уничтоженіе крѣпостнаго права и оживленіе общерусской жизни дали толчекъ къ свободной эмиграціи крестьянъ на Амуръ, которая и пошла ежегодно тысячами, достигнувъ наивысшаго предѣла въ 1883—1884 г. (до 620 семей), и только въ девяностыхъ годахъ, когда началась колонизація Уссурійскаго края при участіи въ перевозкѣ поселенцевъ судовъ Добровольнаго флота, колонизаціи собственно Амурской области значительно ослабла.

«Съ 1862 года заселеніе крестьянами долины Амура шло естественнымъ порядкомъ, безъ особой опеки правительства. Переселенцы шли на собственный счетъ, добывая средства отъ ликвидаціи хозяйства и имущества на родинѣ, причемъ бѣдныя семьи или зарабатывали недостающія средства по дорогѣ, или же занимали ихъ у болѣе богатыхъ товарищей, медленно по

длинному пути сквозь всю Сибирь. Прийдя на мѣсто, на «вольныя амурскія земли», они выбирали себѣ участки и селились по собственному усмотрѣнію, безъ стѣсненій со стороны мѣстнаго начальства; мелкія партіи обыкновенно причислялись къ существующимъ уже селамъ пришедшихъ ранѣе, по отношенію къ нимъ уже «старожиловъ», а крупныя выбирали участокъ и образовывали самостоятельное село, давая ему названіе по собственному выбору. Вольная колонизація, а также данныя переселенцамъ льготы: освобожденіе отъ подушной подати навсегда, а отъ оброчной и поземельной до 1901 г., отъ земскихъ повинностей на три года со дня поселенія, отъ отбыванія воинской повинности и пр.,—все это имѣло самое благотворное вліяніе на заселеніе лѣвой стороны Амура. Въ короткое время вольными поселенцами было образовано много весьма богатыхъ и людныхъ селеній, а особенно на плодородной и удобной по малому количеству лѣсовъ Зейско-Бурейской равнинѣ, изобилующей всякими крестьянскими благами. Само собою разумѣется, что дѣло не обошлось безъ ошибокъ но крестьяне ихъ сдѣлали несравненно меньше, чѣмъ то было съ выборомъ мѣсть подъ казачьи да и тѣ скоро исправлялись: неудачно посаженное село снималось и переходило на новое мѣсто, чего казаки дѣлать не могли въ силу своего specialнаго значенія — охраны границы».

Занятіе и заселеніе Уссурийскаго края совершалось такимъ же порядкомъ, какъ и линіи Амура, т. е. за военнымъ занятіемъ послѣдовали казачьи поселенія, а потомъ и крестьянскія, но сначала, до 1863 г., крестьянъ мало попадало сюда, такъ какъ, двигаясь черезъ Амуръ, они большею частью и устраивались на Амурѣ, до Усури же доходили немногіе, наиболѣе предприимчивые.

Первыми русскими переселенцами въ Южно-Уссурийскій край, притомъ переселенцами несчастливими, были нѣсколько крестьянскихъ семействъ съ низовья Амура. При переправѣ черезъ оз. Ханка, они, застигнутые бурей, потеряли баржи, на которыхъ плыли, и все свое имущество, и очутились въ крайне

бѣдственномъ положеніи. Часть ихъ осѣла на берегу названнаго озера, образовавъ деревни Астраханку и Турій-Рогъ, а часть, пройдя 100 верстъ дальше, образовала село Никольское, занявшее центральное положеніе въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Но только что никольскіе новоселы стали устраиваться, какъ ихъ постигло новое несчастье: ихъ село сожгли вторгнувшіяся сюда шайки китайскихъ разбойниковъ.

Пронесеніе это отозвалось неблагоприятно на движеніи переселенцевъ, которое даже скоро совсѣмъ прекратилось. Тогда, за отсутствіемъ желающихъ переселяться въ Уссурійскій край на собственный счетъ, правительство рѣшило, вмѣсто вольной колонизаціи края, прибѣгнуть къ колонизаціи правительственной, т. е. на казенный счетъ, какъ то было при первомъ заселеніи Амура «Но въ виду уже испытанной трудности и дороговизны передвиженія переселенцевъ сухимъ путемъ и возможности перевозки ихъ моремъ отъ Одессы до Владивостока, рѣшено было остановиться на послѣднемъ пути. Въ 1883 году былъ выработанъ проектъ правилъ и льготъ для переселенцевъ, желающихъ двинуться въ новый край моремъ, ассигнованы деньги и въ томъ же году сюда прибыли первые «казенноконтные» переселенцы, вмѣстѣ съ которыми прибыла часть своскошныхъ; въ слѣдующемъ году число своекоштныхъ увеличилось втрое (съ 45 семей на 131), что побудило правительство прекратить расходы на казенное переселеніе и ограничиться только разными пособіями и льготами переселенцамъ при устройствѣ на новыхъ мѣстахъ. Попла опять, регулируемая правительствомъ, вольная колонизація страны, давшая хорошіе результаты. Переселенцы, получивъ свѣдѣнія отъ своихъ ходоковъ и передовыхъ развѣдчиковъ о свойствахъ края, двинулись въ замѣтномъ числѣ и съ линіи Амура, морской-же путь даль-бы въ нѣсколько разъ больше колонистовъ, если-бы не ощущался недостатокъ въ океанскихъ пороходахъ, совершающихъ рейсы между портами Чернаго моря и Владивостокомъ. Съ увеличеніемъ ихъ числа и съ открытіемъ сквознаго движенія по сибирско-маньчжурской линіи желѣзной дороги, упирающейся въ г. Ни-

колаевъ-Уссурійскій, всѣ свободныя удобныя мѣста въ краѣ, повидимому, могутъ быть заселены въ короткій срокъ *)».

Обращаясь теперь къ нынѣшнему положенію переселенцевъ, казаковъ и крестьянъ, мы видимъ довольно пеструю картину, гдѣ зажиточность, а мѣстами даже богатство, перемѣшана съ бѣдностью, даже нищетой.

Начнемъ съ собственно Амурской области.

Весьма немногіе изъ крестьянъ-переселенцевъ могли образовать поселки въ самой долинѣ Амура, такъ какъ земли по Амуру при ихъ приходѣ уже были заняты правительственнымъ переселеніемъ казаковъ. Зато тѣмъ шире и свободнѣе могли они распространяться по обширной равнинѣ, разстилающейся между западнымъ звеномъ Амурской дуги и Бурейнскимъ хребтомъ и орошаемой нижними теченіями Бурей и Зеи и меньшими притоками Амура, какъ, напримѣръ, Завитой и Бирамомъ. Здѣсь переселенцы, въ теченіе 42 лѣтъ, фактически заняли до 650 тысячъ десятинъ, владѣя такимъ образомъ 125 десятинами на дворъ или 114 десятинами на тягло (брачную пару въ рабочемъ возрастѣ), причемъ обширныя пространства земли остаются еще свободными какъ для будущихъ приселеній, такъ и для поселеній новыхъ.

Пользуясь спокойно своими громадными надѣлами и хозяйничая на нихъ безъ платежа поземельной и оброчной подати, крестьянскія общества, вообще, не выкупали своихъ надѣловъ, несмотря на низкую цѣну (3 р. за десятину).

Этой льготной цѣной воспользовались только отдѣльные домохозяева изъ крестьянъ и изъ другихъ сословій (благотворенскіе мѣщане изъ молоканъ), которые выкупали въ собственность земельные участки, гдѣ и устроили свои «заимки» (хўтора).

Какъ крестьяне, такъ и владѣльцы заимокъ въ обширномъ Зейско-Бурейнскомъ районѣ живутъ въ довольствѣ.

Въ нѣсколько иныхъ условіяхъ находятся приамурскіе казачьи станичныя округа. — «Забайкальскіе казаки не по своей

*) Смирновъ тамъ же.

волѣ заселили долину Амура. Вся полоса между Хабаровскомъ и Союзной заселена казаками, водворенными сюда изъ Забайкалья по жребію. Неохотно, нерѣдко съ плачемъ и стонами, разставались вынужшіе жребіи съ берегами Шилки, берегами благословенной Унды и вообще хлѣбороднымъ степнымъ краемъ Забайкалья, пускаясь въ невѣдомыя страны». Переселенцы совершенно не были подготовлены къ колонизаціи края, совсѣмъ не знали новыхъ условій жизни, которая ихъ ожидала.

Берега Амура явились, конечно, первымъ мѣстомъ, гдѣ стали селиться эти поселенцы: обширныя луговыя равнины, представлявшія собою и богатые сѣнокосныя угодья, и прекрасныя мѣста для пашень, привлекали ихъ. Тамъ они и поселились, не подозрѣвая, что они селятся на заливной долинѣ Амура. Ихъ ввело въ заблужденіе то обстоятельство, что весной эти мѣста не были покрыты водою. Но весенніе разливы Амура вообще незначительны, между тѣмъ какъ лѣтомъ, послѣ сильныхъ дождей, Амуръ выходитъ изъ береговъ и затопляетъ эти мѣста. Объ этихъ неожиданныхъ разливахъ Амура поселенцы и не подозрѣвали, и вотъ часто случалось, что въ первый же годъ ихъ поселенія поля и деревни затоплялись водою, сносились стога сѣна, портился хлѣбъ и т. п. Вслѣдствіе такихъ неудачъ переселенцы должны были перекочевывать на другія мѣста, безопасныя отъ разливовъ, гдѣ и строили себѣ новыя жилища. Все это не могло, конечно, благопріятно отражаться на ихъ хозяйствѣ. «Главное же бѣдствіе для новыхъ колонизаторовъ края состояло въ полномъ несоотвѣтствіи мѣстной природы съ привычными для нихъ условіями Забайкальской области. Привыкшіе къ сухому лѣту, казаки съ ужасомъ смотрѣли на проливные дожди, которые длились по 18 дней подрядъ и сразу уничтожали надежду на урожай. Скотъ, выросшій на степныхъ сухихъ пастбищахъ, ходилъ цѣлые дни среди высокой, сочной травы болотистыхъ луговъ и возвращался домой еще болѣе отощавшимъ. Много скота перемерло,—и лишь постепенно выработалась раса, приспособленная къ мѣстнымъ условіямъ».

Всѣ тѣ неблагоприятныя условія, въ которыя попали забай-

кальпы, привели къ тому, что ихъ хозяйство идетъ не особенно успѣшно. Постоянныя неудачи могли ослабить энергію самыхъ сильныхъ. Оттого и внѣшній видъ большинства станицъ производитъ на путника грустное впечатлѣніе. Вотъ какъ описываетъ ихъ Шперкъ:

«Всѣ онѣ имѣютъ сходную фізіономію: надъ обрывистымъ, нерѣдко крутымъ берегомъ Амура, у подошвы горы или по ея скату, или же вдоль ровнаго берега рѣки вытянуты въ линію бревенчатые небольшіе дома, въ два или три окна, одинаковой наружности. Впереди домовъ, у берега, расположены огороды и бани; сзади дома едва огороженное баялникомъ мѣсто представляетъ дворъ, на которомъ стоитъ небольшой амбаръ, да и то не у каждаго хозяина. Въ большихъ станицахъ дома тянутся въ двѣ или три улицы. Въ центрѣ станицы или на одномъ изъ ея концовъ, на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, среди поляны, густо поросшей травой и лещиной, стоитъ небольшая церковь, у которой иногда увидишь два-три случайно уцѣлѣвшихъ дерева—березы или дуба. Вблизи церкви нѣсколько домовъ болѣе обширныхъ, предназначенныхъ для помѣщенія священника, сотеннаго командира, правленія, училища и проч. Дома внутри содержатся вообще чисто; стѣны и печь въ большинствѣ случаевъ выбѣлены известью; но какою-то пустотою и бездомностью вѣетъ отъ этихъ домовъ, что наводитъ на васъ тяжелое чувство. Вообще проѣзжающаго по Амуру поражаетъ необычайная безжизненность его станицъ и бѣдность населенія. Лѣтомъ зелень, да изрѣдка проплывающій пароходъ, казачьи боты, омочри туземцевъ или манджурскія лодки, бороздящія рѣку, разнообразятъ этотъ пустынный видъ и умѣряютъ грустное впечатлѣніе; но зимой скованная морозами рѣка, представляющая съ окружающею мѣстностью сплошную снѣжную пустыню, еще болѣе увеличиваетъ тягостное чувство, овладѣвающее путникомъ при вѣздѣ въ точно вымершее селеніе».

Особенно печально положеніе казаковъ верхне-амурскаго района (до Благовѣщенска): климатъ здѣсь суровый, скудная супесчаная почва не вознаграждаетъ трудовъ земледѣльца, сильные утренники часто убиваютъ всѣ всходы. Все это соз-

даетъ невыгодныя условія для земледѣльцевъ. Поэтому послѣдніе принуждены идти на посторонніе заработки. Заработки эти довольно разнообразны: поставка дровъ на пароходы, ловля рыбы, а главное, возка тяжестей на пріиски. Но, несмотря на всѣ эти побочныя занятія, жители, въ массѣ, далеко не отличаются зажиточностью. Причина этого кроется въ тѣхъ же золотыхъ пріискахъ, которые, казалось бы, хорошо оплачиваютъ ихъ труды: случалось, что когда на Желтугѣ открылись россыпи, казаки станицы Игнаниной въ одинъ день зарабатывали сотню рублей.

Именно эта легкая возможность доставать деньги такимъ способомъ, при которомъ честный, но тяжелый трудъ земледѣльца кажется неблагодарнымъ, наконецъ, близкое соприкосновеніе съ пріисковымъ людомъ, распущеннымъ и разгульнымъ, но всегда богатымъ деньгами, оказало въ высшей степени развращающее вліяніе на мѣстное населеніе: послѣднее потеряло охоту къ хозяйству и все время бражничало, надѣясь на случай — разбогатѣть безъ особеннаго труда.

— «По истинѣ печальную картину, — говоритъ профессоръ Коржинскій, — раскрываетъ намъ этотъ край, съ его суровымъ климатомъ, угрюмою, бѣдною природою и деморализованнымъ населеніемъ. Нигдѣ такъ ярко не выступаетъ лѣнь и необеспеченность жителей, нигдѣ не бросаются такъ въ глаза какія-то городскія замашки и претензіи, вмѣстѣ съ крайнею нищетою и бездомовностью. Здѣсь вы увидите праздныхъ казаковъ, вѣчно слоняющихся безъ всякаго дѣла по улицѣ; бабы и дѣвки ихъ, въ обтрепанныхъ юбкахъ и грязныхъ кофтахъ городского фасона, неизмѣнно съ папиросками во рту, похожи скорѣй на обитательницъ извѣстныхъ притоковъ въ городскихъ трущобахъ, чѣмъ на крестьянокъ. Здѣсь въ каждой лавченкѣ вы найдете сардинки, сигары и различныя «иностранныя» вина, но въ цѣлой станицѣ иногда невозможно найти крынки молока, десятка яицъ и фунта масла».

Впрочемъ, это обычная картина тѣхъ мѣстностей, которыя имѣютъ несчастье быть охвачены «золотою горячкою». Такъ было и въ Америкѣ, и въ Австраліи, когда тамъ открывались золотыя пріиски. А говорятъ, народъ тамъ образованнѣе нашего!!

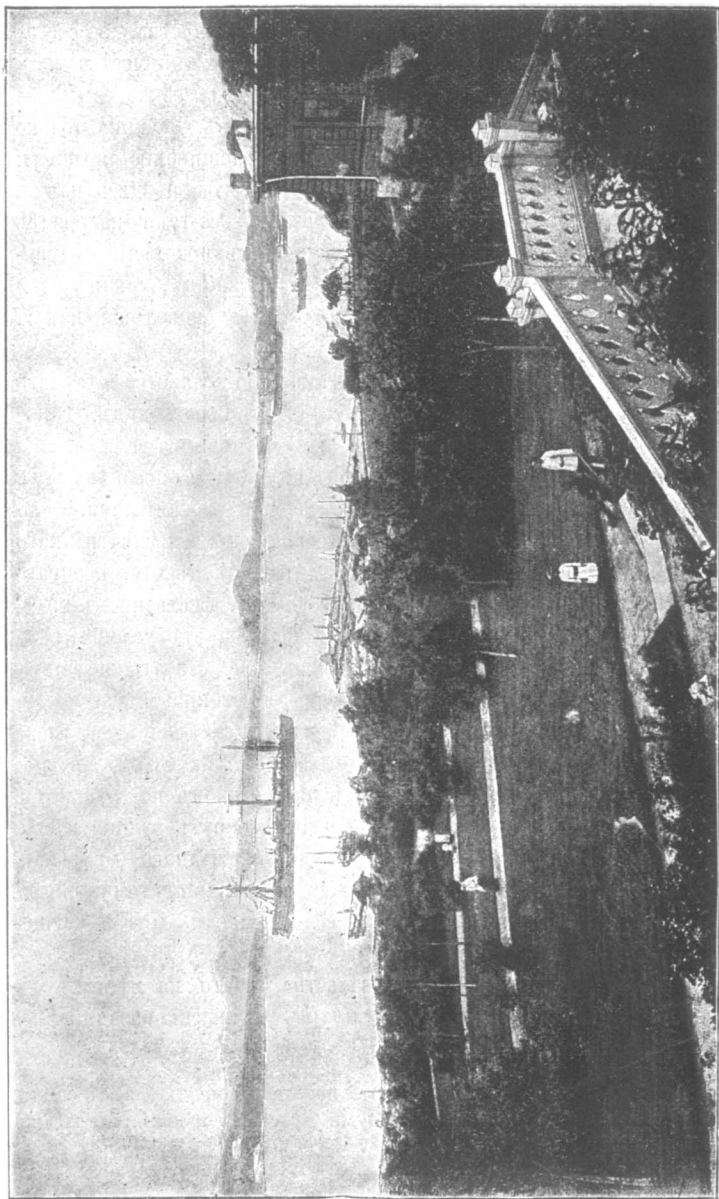
Въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ находится, также заселенный казаками, южно-амурскій районъ (отъ Благовѣщенска ниже по Амуру). Здѣсь посѣвовъ до 1,4 дес. на душу или 5,4 на дворъ, тогда какъ въ первомъ районѣ—1,1 дес. на душу и 3,7 дес. на дворъ. И почва, и климатъ здѣсь способствуютъ развитію земледѣлія и скотоводства, но по неумѣнію-ли казаковъ вести хозяйство или по другимъ причинамъ, только и здѣсь дѣла далеко не въ блестящемъ положеніи.

«Вообще, — пишетъ Коржинскій, — если мы бросимъ общій взглядъ на весь строй хозяйства казаковъ, то увидимъ, что оно стоитъ на весьма низкой ступени, и надо признаться, кромѣ того, что у населенія не замѣчается ни малѣйшей склонности и старанія къ его улучшенію. Никто рѣшительно не заботится о болѣе тщательной обработкѣ земли, культурѣ какихъ-либо иныхъ сортовъ злаковъ, о разведеніи болѣе рослаго и сильнаго скота, объ улучшеніи своего продовольствія и т. д. Одно лишь стремленіе господствуетъ надъ всѣмъ, проявляется и въ большемъ, и маломъ—расширить свое хозяйство. Каждый казакъ старается захватить подъ посѣвы какъ можно болѣе земли, распахать какъ можно болѣе залоговъ, при чемъ нерѣдко его пашни разбросаны клочками верстъ на 10—15 отъ станицы. Онъ старается завести какъ можно болѣе лошадей, хотя мелкихъ и слабосильныхъ, возможно болѣе рогатаго скота, хотя плохого и малолудойнаго, отгородить покотину верстъ на 15, накосить тысячи копенъ сѣна и т. п. Малая населенность края окружающій просторъ даютъ пищу этимъ инстинктамъ, но нельзя сказать, чтобы казакъ много выигрывалъ отъ этого. Запахиваніе большихъ участковъ требуетъ много труда, много лошадей и большого количества овса для ихъ прокормленія; ѣзда на отдаленныя пашни и обратно отнимаетъ много времени. А между тѣмъ, вслѣдствіе плохой обработки земли и небрежнаго посѣва, урожаи получаются въ большинствѣ случаевъ не блестящіе. Чтобы обезпечить кормъ скоту, нужно косить почти все лѣто до самой уборки хлѣба. Самая уборка часто затягивается и производится несвоевременно; сжатый хлѣбъ нерѣдко прорастаетъ въ снопахъ отъ дождей и т. д. Вслѣдствіе этого происхо-

Дитъ то, что, несмотря на постоянный упорный трудъ, несмотря на окружающій просторъ и видимое изобиліе, нельзя сказать, чтобы населеніе жило въ довольствѣ. Его питаніе въ общемъ весьма плохо. Даже болѣе или менѣе зажиточные люди, имѣющіе много скота, питаются щами изъ соленой свинины, одинъ запахъ которыхъ производитъ тошноту даже у неприхотливаго чело-вѣка, потому что они не умѣютъ или не стараются приготовить хорошую солонину. Здѣшній климатъ, влажный и теплый, благо-пріятствуетъ разведенію самыхъ разнообразныхъ овощей, но культура ихъ развита все-таки очень слабо, потому что ого-родъ слишкомъ тѣсенъ и мелокъ для широкаго размаха здѣш-няго земледѣльца. Поэтому пища населенія въ общемъ одно-образна и скудна. И во всѣхъ остальныхъ сторонахъ его быта замѣчаются слѣды того же отсутствія хозяйственности, забот-ливости и довольства. Правда, и здѣсь, какъ въ другихъ райо-нахъ Амурской области, во многихъ избахъ мы найдемъ не-рѣдко и швейную машину, и вѣнскіе стулья, и висячую лампу и т. д. Но всѣ эти предметы, столь чуждые крестьянину Евро-пейской Россіи, еще болѣе оттѣняютъ окружающую грязь и неряшливость, потому что они появились не какъ слѣдствіе дѣйствительной потребности и общаго довольства жизни, но скорѣе какъ результатъ относительной дешевизны денегъ съ одной стороны, а съ другой — нѣкотораго стремленія къ роскоши и городскимъ потребностямъ, стремленія, вообще свойственнаго крестьянину Восточной Сибири».

Въ гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ находятся жители Зейско-Буреинскаго района, какъ мы говорили объ этомъ уже выше. Внѣшній видъ селеній Зейско-Буреинскаго района, про-изводитъ самое отрадное впечатлѣніе. Живописная мѣстность, масса угодій, — все это придаетъ селеніямъ веселый, доволь-ный видъ.

Здѣсь распахиваютъ уже по 2,4 дес. на душу или 8,9 дес. на дворъ, т. е. вдвое болѣе, чѣмъ въ казачьихъ округахъ. Но примитивные способы обработки много вредятъ дѣлу. Правда, появляются и полевые машины у болѣе крупныхъ поселенцевъ, «но онѣ, по выраженію Коржинскаго, въ массѣ не служатъ еще выра-

Владивостокъ (входъ въ бухту Золотого Рога).

женіемъ прогресса и болѣе раціональнаго хозяйства, а составляютъ просто орудіе усовершенствованнаго хищничества».

«Отношеніе къ землѣ и система хозяйства тѣ-же самыя,—продолжаетъ Коржинскій,—какъ и у казаковъ. Разница только та, что тамъ земледѣлецъ стремится къ расширенію полей и переходитъ съ мѣста на мѣсто изъ-за нужды, а здѣсь изъ-за стремленія къ обогащенію. Тамъ казакъ все-таки покоряетъ природу и расчищаетъ почву для будущихъ поколѣній; здѣсь-же молочанинъ оставляетъ послѣ себя лишь бурьянъ *) и просто обкрадываетъ настоящее и будущее поколѣніе изъ-за цѣлей личной наживы.

Много вредитъ правильной организаціи хозяйства и страсть поселенца къ бродяжничеству: устроился крестьянинъ, запахалъ земли и вдругъ слышитъ, что въ другомъ мѣстѣ—еще лучше. Тогда онъ безъ сожалѣнія кидаетъ насиженное уже мѣсто и идетъ на новое, въ чемъ часто и раскаивается.

Положимъ, всѣ эти недостатки современнаго хозяйственнаго строя крестьянъ-переселенцевъ находятъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ трудности борьбы съ природою въ дѣйствительномъ край, условія жизни въ которомъ такъ отличаются отъ условій знакомыхъ имъ, родныхъ мѣсть. Но нельзя не сказать, не малую роль здѣсь играетъ и жадность: у обезземеленнаго, изголодавнагося на родинѣ крестьянина просто, какъ говорится, глаза разбѣгаются при видѣ такой «благодати», какую онъ встрѣтилъ на Амурѣ. И вполне естественно, что онъ не рѣшается, что ему выбрать, боясь, что другіе выберутъ лучшіе куски. Это обычная страсть всякаго крестьянина, жаднаго до земли.

Указанная выше разница между казачьими станицами съ одной стороны и крестьянскими селеніями съ другой—существуетъ и въ Уссурийскомъ край.

Поселенные по приказу начальства, часто на мѣстахъ совершенно непригодныхъ для культуры, уссурийскіе казаки испыты-

*) Это происходитъ оттого, что поселенцы не удобряютъ земли, а используя ее урожаемъ—двумя, бросаютъ и поднимаютъ новую „цѣлину“.

тали сначала много горя. Поселки ихъ были почти совершенно изолированы другъ отъ друга, и сообщеніе между ними было весной и осенью въѣзное, а лѣтомъ въ лодкахъ. «Семьи селились въ жалкихъ лачугахъ, врачебной помощи почти не было, и инфекціонныя болѣзни, въ особенности оспа, заносимая отъ гольцовъ и манджуровъ, съ другого берега Уссури, не разъ свирѣпствовали между казаками. Кромѣ того, въ лѣтнее время мириады мошекъ и комаровъ прямо являлись бичомъ какъ для людей, такъ и для скота, не оставляя ихъ въ покоѣ ни днемъ, ни ночью. Все это усугубляло неприглядность и тяжесть жизни казаковъ на новыхъ мѣстахъ *). Наконецъ, ихъ пограничная служба и разныя политическія обстоятельства (борьба съ китайскими шайками и мобилизація войскъ въ 1877—78 г., а также въ 1895 г., когда ожидалась война съ Японіей) заставляли казаковъ часто браться за оружіе, бросая пашни и луга.

Все это не могло, конечно; не отразиться на благосостояніи этихъ невольныхъ переселенцевъ съ Забайкалья.

Положеніе ихъ нѣсколько улучшилось только съ 1879 г., когда было разрѣшено недовольнымъ изъ нихъ переселиться далѣе по Манджурской границѣ, отъ оз. Ханка до р. Суйфуна. Такихъ переселенцевъ оказалась почти цѣлая половина, которая и выселилась. Оставшіеся, увеличивъ теперь свои посѣвы, имѣли возможность расширить хозяйство, да и промыслы, которыми они занимались, за уменьшеніемъ числа лицъ, ими занимавшихся, стали выгоднѣе. Съ другой стороны, и переселенцы, попавъ на лучшія земли, стали быстро оправляться. Впослѣдствіи поднятію ихъ благосостоянія много помогла и постройка Уссурийскаго участка Сибирской желѣзной дороги, гдѣ казаки получили хорошій заработокъ; кромѣ того, изъ войсковыхъ владѣній начался доходный для войска отпускъ на строящуюся дорогу лѣса, камня, извести и т. п. Правда, всѣ эти промыслы развивались въ ущербъ земледѣлію, которое и не могло получить широкаго развитія.

Поселившіеся въ 1895 г. оренбургскіе и довскіе казаки

*) П. Унтербергеръ, Приморская Область.

сразу же устроились довольно хорошо, что объясняется исключительно тѣмъ, что имъ предоставили полную свободу выбирать мѣста для поселенія по всей уссурійской казачьей округѣ *). Пользуясь этимъ, оренбургцы поспѣшили присмотрѣть хорошія земельныя угодья, почему у нихъ хозяйство сразу же пошло хорошо, а донцы заняли такъ называемыя «бойкія мѣста около желѣзнодорожныхъ мостовъ и станцій, рассчитывая больше на торговлю и отхожіе промыслы, чѣмъ на культуру почвы».

Еще болѣе благоприятное впечатлѣніе производятъ крестьянскіе поселки въ Южно-Уссурійской округѣ (см. I на картѣ). Заселенные крестьянами изъ южныхъ, земледѣльческихъ губерній, получившими возможность свободнаго выбора мѣста, они сразу же встали на положеніе зажиточныхъ деревень (въ 1897 году у нихъ было разработано до 60 тыс. десятинъ полей). Впрочемъ, и почва, и климатъ оказались здѣсь самыми благоприятными во всемъ Уссурійскомъ краѣ. Можно смѣло сказать, что будущность этихъ селеній вполне обезпечена, — и тутъ правительство еще разъ убѣдилось въ преимуществѣ свободнаго переселенія передъ казеннокоштнымъ. Какъ это ни странно, но казеннокоштные переселенцы достигли меньшаго благосостоянія, чѣмъ своекоштные, хотя, прибывъ первыми въ край, имѣли возможность выбрать лучшія земли и были широко снабжены даровыми казенными средствами на обзаведеніе.

Только благодаря свободному переселенію Амурскій край сталъ быстро заселяться русскимъ элементомъ и приобрѣлъ видъ цивилизованной страны, вмѣсто дикой пустыни, какою былъ всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Особенно быстро развивается Уссурійскій край **).

Теперь въ Южно-Уссурійской округѣ 98 тыс. жителей, въ Уссурійско-казачьей—21 тыс., въ Удской—10 тыс. и въ Хабаровской—12 тыс. Въ собственно Амурской области—112

*) Эта округа (см. II на картѣ) расположена въ бассейнѣ Усури, до впаденія въ нея р. Сунгачи.

***) Къ собственно Уссурійскому краю мы причисляемъ четыре округа, расположенныя по Амуру и Усури: I. Южно-уссурійскую, II. Уссурійскую казачью, III. Хабаровскую и IV. Удскую.

тысячъ. Изъ всего этого населенія сельскаго, земледѣльческаго населенія будетъ около 120 тыс., что, принимая во вниманіе 40-лѣтнюю колонизаціонную дѣятельность и крупныя расходы казны *), нельзя не считать цифрой сравнительно небольшою. Въ этомъ сказалась отдаленность края отъ внутренней Россіи, страшная трудность пути черезъ Сибирь, существовавшая до послѣднихъ временъ, и длинный, непривычный для жителей континентальной страны морской путь черезъ Суецъ и кругомъ Индіи.

Впрочемъ, теперь, съ окончаніемъ Великаго Сибирскаго пути, переселеніе значительно облегчится.

Характерную особенность въ жизни Приамурья представляетъ быстрый ростъ городовъ. Въ Хабаровскѣ въ 1884 г. насчитывалось всего около 4000 жителей, черезъ десять лѣтъ было уже 10 тыс., а въ 1897 г.—около 15 тыс. Въ такой же приблизительно степени увеличивалось и населеніе Владивостока: въ 1891 г. въ немъ было всего 8 тыс. жит., а теперь около 31 тыс. Въ Благовѣщенскѣ въ началѣ 1895 г. было 13 тыс., а теперь—37 тыс. Наконецъ, Николаевскъ имѣетъ 5600 жителей, а Никольскъ Уссурійскій—около 9 тысячъ.

Главнымъ, по своему политическому значенію, городомъ является, несомнѣнно, Владивостокъ. Сосредоточивая въ себѣ всѣ центральныя гражданскія учрежденія цѣлой области (Приморской), онъ въ то же время представляетъ изъ себя главный укрѣпленный пунктъ на нашемъ побережьи Тихаго океана; кромѣ того, это первоклассный военный и коммерческій портъ.

Основаніе его относится еще къ году заключенія Пекинскаго договора, когда отрядъ нашихъ войскъ занялъ бухту «Золотой Рогъ», на сѣверныхъ берегахъ которой и расположенъ амфитеатромъ самый городъ. Бухта эта, по своимъ морскимъ качествамъ и природнымъ красотамъ, принадлежитъ къ лучшимъ въ мірѣ; жаль только, что она замерзаетъ зимою.

При занятіи русскими, не только берега этой красивой

*) Всего за послѣднія пять лѣтъ (1894—1899 г.) израсходовано на крестьянскія поселенія 509 тыс. рублей.

бухты, но и весь полуостровъ Муравьевъ-Амурскій, гдѣ она находится, были покрыты вѣковымъ лѣсомъ хвойныхъ и лиственныхъ породъ. Но съ возникновеніемъ города мѣстность стала быстро оголяться, и теперь отъ этихъ лѣсовъ остались лишь воспоминанія.

Въ 1872 г. во Владивостокъ перенесли изъ Николаевска портъ, что повело къ быстрому развитію этого приморскаго города *). Теперь онъ растянулся болѣе, чѣмъ на 5 верстъ, вдоль «Золотого Рога» и берега Амурскаго залива. Довольно крутые склоны горъ, отроговъ Сихотэ-Алинскаго хребта, вытянувшихся вдоль полуострова Муравьева-Амурскаго, представляютъ много трудностей къ правильному распланированію города и прокладкѣ улицъ, хотя, съ другой стороны, эти топографическія условія много содѣйствуютъ красотѣ города. «Климатическія условія здѣсь нѣсколько своеобразны. Зимой рѣдко бываютъ морозы свыше 20° R., обыкновенно же зимы легкія, съ оттепелями. Санный путь держится мѣсяца 2, рѣдко 3. Переходъ отъ зимы къ лѣту быстрый, и весны почти не бываетъ. Лѣтомъ, до конца августа, часто бываютъ туманы. Осень теплая, ясная и составляетъ лучшую часть годв. Въ общемъ, климатъ хотя и переменчивый, но здоровый. Оживленіе во Владивостокѣ проявляется во время навигаціи. Ежегодно приходятъ, кромѣ коммерческихъ судовъ, иностранныя военныя суда, и все лѣто стоитъ на рейдѣ наша Тихоокеанская эскадра. Морской элементъ въ это время въ городѣ преобладаетъ и много содѣйствуетъ оживленію общественной жизни. Зимой же почти все затихаетъ, и общественныя увеселенія сосредоточиваются въ разныхъ клубахъ **).

Большую заботу города составляетъ снабженіе жителей достаточнымъ количествомъ хорошей воды. Теперь вода добывается исключительно изъ колодцевъ, которые собираютъ въ себѣ воду изъ верхнихъ слоевъ почвы, но, при недостаткѣ дож-

*) Изъ 31 тыс. всего населенія—русскихъ около 16 тыс., остальное: корейцы (1,5 тыс.), китайцы (11 тыс.), японцы (1,2 тыс.), иностранцы-европейцы (0,5 тыс.).

***) П. Унтербергеръ, тамъ же.

дей, въ колодцахъ мало воды, а зимою она иногда совершенно замерзаетъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Очевидно, нужно озаботиться болѣе подходящимъ водоснабженіемъ.

Относительно внѣшняго вида зданій и внутренняго устройства города говорить нечего: Владивостокъ—типичный русскій городъ съ казенными постройками. Только кварталы китайцевъ заставляютъ вспомнить, что здѣсь—Азія.

Недавно здѣсь открытъ памятникъ герою Приамурья—Адмиралу Невельскому. Первый камень былъ положенъ 14 мая 1891 г. Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ, въ бытность Его во Владивостокѣ, во время путешествія по Востоку Азіи.

Не менѣе важенъ, чѣмъ Владивостокъ, и Хабаровскъ, какъ резиденція Приамурскаго генералъ-губернатора. Онъ также возникъ еще при Муравьевѣ-Амурскомъ (въ концѣ 50-хъ годовъ) и назывался (до 1893 г.) просто селеніемъ Хабаровка, въ память казака Хабарова, когда-то имѣвшаго здѣсь свое временное становище. Городъ сталъ расти съ 1884 г., когда изъ состава Восточной Сибири былъ выдѣленъ, въ качествѣ особой административной единицы, Приамурскій край. Много способствовало оживленію города и положеніе его при устьи р. Усури (Хабаровскъ расположенъ на правомъ возвышенномъ берегу Амура), такъ какъ здѣсь происходитъ перегрузка товаровъ съ пассажирскихъ амурскихъ большихъ пароходовъ на мелко сидящіе.

Окрестности города покрыты сильно вырубленнымъ лѣсомъ и потому не особенно красивы. Да и самый городъ—довольно невзраченъ, такъ какъ, за исключеніемъ казенныхъ построекъ, дома болѣею частью деревянные.

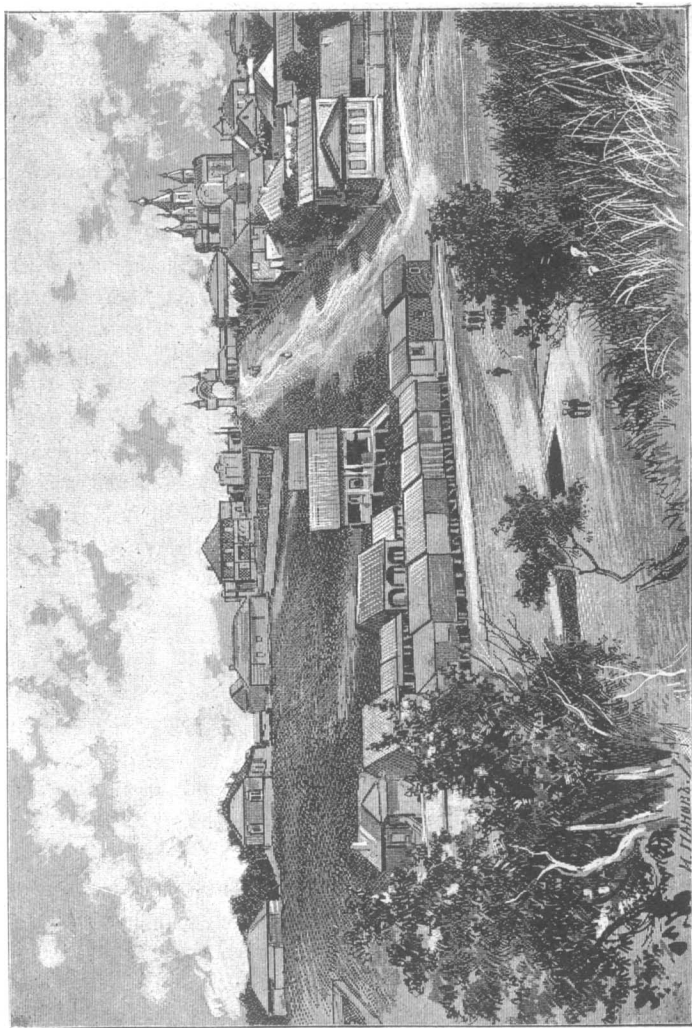
Изъ главныхъ достопримѣчательностей края слѣдуетъ отмѣтить памятникъ графу Муравьеву-Амурскому, который возвышается въ городскомъ саду на почти отвѣсной скалѣ, спадающей въ Амуръ. Памятникъ виденъ далеко съ пароходовъ, идущихъ сверху и снизу по Амуру и Усури. Высота его отъ поверхности земли—7 саж. 2 арш., а бронзовая фигура самого

Муравьева на памятникъ — высотой 7 арш. Памятникъ былъ освященъ 30 мая 1891 г. въ присутствіи Его Величества Государя Императора, въ бытность его Наслѣдникомъ, во время путешествія по Сибири.

Ниже Хабаровска, на устьѣ Амура, расположенъ г. Николаевскъ, основанный Невельскимъ въ 1850 г., для защиты входа въ рѣку. Однако, незначительное населеніе по низовью Амура и отсутствіе сухопутныхъ сообщеній тормозили развитіе городской жизни и торговли. Городъ жилъ только отъ порта и разныхъ административныхъ учрежденій, бывшихъ здѣсь, какъ въ областномъ городѣ Приморской области. Поэтому, когда портъ перевели во Владивостокъ, а областное управленіе въ Хабаровскъ (въ 1880 г.—тогда еще Хабаровку), Николаевскъ совсѣмъ заглохъ. Теперь, съ развитіемъ золотопромышленности въ бассейнѣ р. Аргуни, онъ сталъ повенному опять оживляться.

Что касается собственно Амурской области, то здѣсь единственнымъ городскимъ поселеніемъ является областной городъ Благовѣщенскъ, расположенный при слияніи Амура и Зеи, на лѣвомъ обрывистомъ, но ровномъ берегу, окаймленномъ съ з. и с.-з. невысокими холмами. Основанъ онъ въ 1856 г., въ качествѣ военнаго поста, подъ названіемъ Усть-Зейска, а чрезъ 2 года, по заключеніи Айгунскаго трактата, переименованъ въ Благовѣщенскъ, въ ознаменованіе того, что здѣсь прежде всего распространилась «благая вѣсть» о присоединеніи Амурскаго края къ Россіи.

Новый городъ, благодаря выгодному положенію при двухъ судоходныхъ рѣкахъ и близкому сосѣдству съ населенной частью Манчжуріи, началъ постепенно развиваться, особенно съ начала 80-хъ годовъ, благодаря развитію золотопромышленности въ край и усиленному движенію колонизаціи въ Зеи-Буреинскую равнину. Городъ распланированъ правильно: улицы широкія, прямыя. Вдоль Амура тянутся параллельно четыре улицы, раздѣленные на правильные кварталы, мощеныхъ улицъ нѣтъ. Набережная Амура украшена красивымъ бульваромъ. Въ окрестностяхъ города растительности мало,—только небольшія мелкія рощицы.

Общій видъ г. Хабаровска.

Жителей въ Благовѣщенскѣ по послѣдней переписи значилось 32,606 человекъ обоого пола.

Торговля въ городѣ доходитъ до 4—6 милл. въ годъ. Наряду съ торговлей по области, для которой Благовѣщенскъ является центральнымъ пунктомъ, постепенно развивается торговля съ Манчжуріей.

Къ историческимъ сооруженіямъ, свидѣтельствующимъ о выдающихся событіяхъ, пережитыхъ краемъ, принадлежитъ находящійся въ 2-хъ верстахъ выше города, въ саду, на берегу Амура, памятникъ, въ видѣ небольшого обелиска, поставленный еще въ 1856 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ была палатка графа Муравьева-Амурскаго во время экспедиціи 1856 г., и позднѣе, во время переговоровъ съ китайцами, при заключеніи Айгунскаго договора.

Украшеніемъ города, также ознаменовывающимъ выдающееся въ его исторіи событіе, служитъ каменная триумфальная арка, выстроенная въ 1891 г., ко времени посѣщенія города Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Николаемъ II, въ бытность Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Эта арка построена на береговой полосѣ Амура.

IX.

Сельское хозяйство края.

Различныя сельско-хозяйственныя области.—Верхнее Приамурье.—Зейско-Зуренская равнина.—Южно-Уссурийскій край.—Полеводство и животноводство.—Другія главнѣйшія отрасли мѣстнаго сельскаго хозяйства.—Общее заключеніе.

Занимая громадное пространство, около 800,000 кв. верстъ, или около 80 милл. десятинъ *), Амурскій край имѣетъ всего около 100,000 десятинъ разработанной земли, т. е. $\frac{1}{800}$ часть всей площади.

*) Собственно Амурская область—393 тыс. кв. в. и четыре округа (Южно-Уссурийская, Уссурийская казачья, Хабаровская и Удская) Приморской области—около 307 тыс. кв. в.

Населенными, и то далеко не густо, могут считаться: лѣвый берегъ долины Амура, Зейско-Буреинская равнина, Ханкайская равнина и долины рѣкъ и рѣчекъ, протекающихъ по южной части Южно-Уссурийскаго края. Да и эти участки не одинаково культивируются.

Слабѣ всего развита обработка земли въ Верхнемъ Приамурьи. Здѣсь долина Амура представляетъ, въ широкихъ мѣстахъ, террасы, или елани, какъ ихъ называютъ казаки. Изъ нихъ нижняя терраса, какъ подверженная наводненіямъ, используется только какъ пастбище, сѣверная, самая верхняя, покрыта болотами и лѣсами,—удобною для земледѣлія является только средняя терраса, гдѣ и раскинуты угодья казаковъ. Здѣсь изъ 150 тыс. десятинъ земельного надѣла обрабатывается около 6000 десятинъ, въ среднемъ по 1 десятинѣ, а то и менѣе, на душу.

Такая незначительная площадь папены объясняется, съ одной стороны, малочисленностью казачьяго населенія, съ другой — разными промыслами (охотой, извозомъ, рыбной ловлей и пр.), которыми болѣе занимаются казаки, предпочитая ихъ земледѣлію, тѣмъ болѣе, что послѣднее и довольно затруднительно здѣсь по трудности обработки супесчаной почвы, которую казакамъ пришлось отвоевывать отъ деревьевъ и кустарниковъ. Сѣютъ больше всего пшеницу яровую, овесъ, яровую рожь, или, какъ ее называютъ здѣсь, ярицу, гречиху, картофель, ячмень. Осимой ржи почти не сѣютъ, такъ какъ при здѣшнихъ, почти безснѣжныхъ земляхъ, она плохо вызрѣваетъ; кромѣ того, уборка озими совпадаетъ здѣсь съ сѣнокосомъ, который играетъ въ казачьемъ хозяйствѣ весьма важную роль, въ видахъ обезпеченія скота сѣномъ. И яровой ржи сѣютъ меньше, чѣмъ пшеницы, такъ какъ населеніе предпочитаетъ послѣднюю, да она, къ тому же, и менѣе требовательна къ почвѣ, чѣмъ рожь. Урожай ея самъ 4—6 (или 40—75 пуд. съ десятины). Еще урожайнѣе—овесъ (60—100 пуд. съ дес.), или самъ 6—7. Онъ занимаетъ по своей площади первое мѣсто между другими хлѣбами, такъ какъ площадь его посѣвовъ превышаетъ площади, занятыя пшеницей и рожью вмѣстѣ. Нако-

нецъ, онъ еще нетребовательнѣе къ почвѣ, чѣмъ пшеница. Наоборотъ, болѣе требовательный ячмень сѣется въ весьма ограниченномъ количествѣ, урожай его — самъ 3—4. Лучше родится, благодаря супесчаной почвѣ, картофель (самъ 7—10), посѣвы котораго годъ отъ году увеличиваются, вмѣстѣ съ овсомъ и еще съ гречихой. Зато, въ теченіе 5 отчетныхъ лѣтъ (1893—1898 гг.) посѣвъ другихъ хлѣбовъ значительно сократился. Такъ, въ четырехъ округахъ (Игнашенскомъ, Албазинскомъ, Черняевскомъ, и Кумарскомъ) въ 1893 г. было посеяно десятинъ: пшеницы 1530, ярицы—1120, ячменя—180, а въ 1898 г.—пшеницы 1090, ярицы—640, ячменя—30. Въ общемъ же пашни уменьшилось съ 4300 дес. до 3700, т. е. около 600 десятинъ.

Эти цифры рисуютъ нѣкоторый упадокъ сельскаго хозяйства у казаковъ,—но они, въ свое оправданіе, говорятъ, что имъ тѣсно жить (это при двадцати-то и даже 30 десятинахъ на душу!). Проще всего объясняется дѣло нерадивостью казаковъ, безразсудно выпававшихъ свои поля, не удобряя ихъ. Вмѣсто того, чтобы лучше использовать свои надѣлы, они стараются только захватить побольше земли и, выпававъ, бросить ее. Поэтому они и за сѣномъ ѣздятъ за Амурь, гдѣ арендуютъ землю манджурь.

Очень низко стоитъ у казаковъ и животноводство: у нихъ почти совсѣмъ нѣтъ мелкихъ животныхъ, да и крупныя — рогатый скотъ и лошади—мало заслуживаютъ клички крупныхъ. На дворъ здѣсь приходится, въ среднемъ, рогатаго скота 4—6, лошадей 6—7, свиней—0,4—3, птицы 2—10. Причинами, вліяющими на такой упадокъ животноводства, являются плохое питаніе, худой уходъ за скотомъ и эпизоотіи.

Коровы здѣсь—очень мелки и маломолочны, что прямо объясняется вліяніемъ манджурскихъ производителей. Скотъ казачій является продуктомъ скрещиванія забайкальской, монгольской и главнымъ образомъ манджурской породы, которая маломолочна, такъ какъ китайцы и манджуры совсѣмъ не потребляютъ молока и потому не обращаютъ вниманія на молочность коровъ. Измельчали и лошади, выведенныя было казаками съ

своей родины—Забайкалья: на нихъ вредно отразилась замѣна сухихъ солонцеватыхъ пастбищъ Забайкалья высокорослыми, черезчуръ сочными травами Приамурья. «Хотя лошади и скотъ паслись здѣсь на лугахъ, изъ высокой травы которыхъ виднѣлись лишь ихъ головы, но питательный эффектъ корма былъ плохъ. Къ этому прибавилась мошка и гнусъ, не дающіе животнымъ покоя ни днемъ, ни ночью».

«Нужны были годы, чтобы нѣсколько сжиться съ новыми условіями. Только слѣдующее поколѣніе лошадей и скота, родившееся въ новой обстановкѣ, приспособилось къ ней, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишилось нѣкоторыхъ цѣнныхъ свойствъ забайкальскихъ родителей.

«Кромѣ этой невзгоды, и другая оказала вліяніе на вырожденіе породы. Падежъ животныхъ лишалъ казаковъ лучшихъ лошадей и коровъ; сообщеніе съ Забайкальемъ было затруднительно; поэтому пополнять убыль приходилось мелкой манчжурской лошадкой и маломолочнымъ манчжурскимъ скотомъ.

«У казака при разведеніи животныхъ вся забота хозяина сосредоточивается на заготовкѣ достаточнаго количества сѣна на зиму, что, однако, составляетъ задачу не малую. При разбросанности участковъ, пригодныхъ для сѣнокошенія, на большомъ разстояніи *), то по эту, то по ту сторону Амура, казаку не мало хлопотъ съ уборкой сѣна, которое, вслѣдствіе сочности толстостебельныхъ травъ и перепавшихъ дождей, плохо сохнетъ. А тутъ еще бѣда угрожаетъ: разливъ Амура можетъ затопить сѣно, и тогда пропала не только работа, но и средства для зимовки. Поэтому высохшее сѣно поскорѣ мечутъ въ стоги, закладываемые на буграхъ, для чего приходится вывозить его съ острововъ и низкихъ мѣстъ.

«Если не успеютъ скосить травы до наводненія, то она потомъ негодна: на ней осадился иль, дѣлающій ее несъѣдобной. Сѣнокося длится все лѣто вплоть до уборки хлѣбовъ.

«Понятно, что не все собранное количество скармливается

*) У большинства казаковъ луговъ 12—17 десятинъ на дворѣ

своимъ животнымъ — имъ полагается отъ 25 до 35 копенъ на голову; весь же излишекъ продается.

«Зимою животныя содержатся въ особыхъ загородкахъ, гдѣ имъ подбрасываютъ сѣна вволю. Солома не идетъ въ дѣло, развѣ лишь овсяная, если собрана впрозелень и не покрыта ржавчиной. Овсомъ подкармливаютъ только работающих лошадей. Лѣтомъ пастба безъ пастуха; животныя бродятъ косяками или табунами, гдѣ имъ заблагоразсудится, и часто лишь осенью хозяинъ позаботится ихъ разыскать. При неудовлетворительномъ качествѣ травъ и сѣна казакская лошадь выродилась-бы еще въ худшую, если-бы не подборъ жеребцовъ. Ради улучшения породы нѣкоторые казаки держатъ томскихъ производителей; но настоящій томскій конь, хорошій въ обозѣ, для казака мало пригоденъ: нѣтъ въ немъ той подвижности, которая требуется отъ верховой лошади; помѣсь-же томской породы съ мѣстной даетъ удовлетворительные результаты» *).

Далѣе, внизъ по теченію Амура, расположена Зейско-Буреинская равнина, болѣе плодородная и болѣе культивированная, чѣмъ Верхнее Приамурье. Въ общемъ она представляетъ рядъ небольшихъ неровностей, разныя части которыхъ неодинаково пригодны для сельскаго хозяйства. Низины обыкновенно болотисты и покрыты кочками, иногда до 1 арш. высоты, гдѣ растутъ болотныя травы. Срѣзывать эти кочки стоитъ большого труда, гораздо дѣйствительнѣе — выжигать ихъ, предварительно дренировавъ болото. Тогда болото можно превратить постепенно въ дугъ и вмѣстѣ съ тѣмъ избавиться отъ мириадъ мошкеры, терзающей животныхъ. Но если эти мѣста заливаются въ половодье водою, то и этого улучшения не стоитъ производить, такъ какъ все равно сѣна нельзя убрать до наводненія (вспомнимъ, что послѣднее бываетъ здѣсь не весною, а лѣтомъ). Болѣе пригодны для хозяина увалы, или возвышенныя мѣста между ложбинами («памями», по здѣшнему). Но и здѣсь можно скорѣе пользоваться только склонами, такъ какъ вершины часто заболачиваются мочежинами («лиманистая» почва, какъ

*) Е. Смирновъ, тамъ же.

называютъ ее крестьяне). Это заболочиваніе зависитъ оттого, что подъ почвою, на глубинѣ 8—12 вершковъ, находится слой, глины, задерживающій воду. Склоны, съ краевъ мочезинъ, въ этомъ отношеніи лучше, такъ какъ здѣсь лежитъ 2—3 вершковый слой черной земли, въ родѣ чернозема, но съ большою примѣсью торфа. Это—«тундра» (испорченное слово отъ «тундра») крестьянъ. Иногда «тундра» даетъ сносный урожай, за то въ дождливый годъ все вымокаетъ, а въ сухой засыхаетъ. Мѣстами только, въ западной части равнины, встрѣчается настоящій черноземъ, мощностью иногда до 12 вершковъ. Большею же частью неопытные переселенцы принимаютъ за черноземъ немного разложившійся торфъ. Впослѣдствіи практика выработала нѣкоторыя правила для опредѣленія свойствъ почвы, по рельефу мѣстности (высокія или низкія мѣста) и по растущимъ на почвѣ растеніямъ. Такъ, въ Гильчинской волости лучшею землею считается земля подъ бѣлой березой, а худшей—подъ дубомъ. Въ другихъ мѣстахъ на хорошую почву указываетъ орѣшникъ, а тальникъ—на сырую.

Въ общемъ, въ Зейско-Бурейской равнинѣ, имѣется до 400,000 дес. свободной земли, годной для обработки, сверхъ 50,000, уже обрабатываемыхъ теперь. Такимъ образомъ эта равнина справедливо можетъ считаться житницею Амурской области. Сельское хозяйство стало здѣсь на твердую почву; зажиточныхъ крестьянъ очень много. Въ хозяйствѣ ихъ наблюдается распространеніе разныхъ машинъ, ускоряющихъ работу, особенно по уборкѣ хлѣба и травы, такъ какъ, въ виду частыхъ дождей, хозяинъ дорожитъ каждымъ яснымъ днемъ. Сѣнокосъ начинается здѣсь съ 23 іюня, а уборка сѣна продолжается до начала августа.

Въ 1898 г. во всей равнинѣ состояло 5,612 дворовъ поселенцевъ, съ 44,000 душъ, составлявшихъ 8 волостей. Посѣвами ихъ занято было до 53,000 десятинъ, при чемъ главное мѣсто и здѣсь занималъ овесъ (22 тыс. десятинъ), затѣмъ пшеница (19 тыс.), потомъ шли: ярица (4 тыс.), просо (4 тыс.), гречиха (3 тыс.), огородныя растенія (4 тыс.) и пр.

Хозяйство зейско-бурейскихъ крестьянъ быстро про ресси-

руеть въ количественномъ отношеніи. Такъ, въ 1893 г. было засѣяно 38,000 дес., съ которыхъ собрано 1,800 тыс. пудовъ разныхъ хлѣбовъ, а черезъ 5 лѣтъ, въ 1898 г., было 53 тыс., съ которыхъ собрано 3,400 тыс. пудовъ. Въ 1893 г. было посеяно 8,82 дес. на дворъ, или 1,23 на душу, а въ 1898 г.—10,45 на дворъ, или 1,33 на душу. Въ лучшемъ случаѣ, посѣвъ доходитъ даже, въ Гильчинской волости, до 14,1 дес. на дворъ, или 1,57 на душу, въ худшемъ же (Красноярская волость)—5,7 дес. на дворъ, или 0,66 на душу.

Сѣютъ здѣсь болѣе разнообразныя, чѣмъ въ Верхнемъ Приамурьи, растенія; такъ, сверхъ обычныхъ тамъ пшеницы, ржи, ячменя, овса, гречихи, здѣсь сѣютъ коноплю, лёнъ, просо и др. Осимей, вслѣдствіе климатическихъ условій, и здѣсь нѣтъ, зато разводятся нѣкоторыя китайско-маньчжурскія культурныя растенія, напр., бобы.

Вообще здѣшній крестьянинъ — не рутинеръ и всячески готовъ улучшать свое хозяйство. Урожай его хлѣбовъ выше верхне-амурскаго: такъ, пшеница здѣсь родится самъ 7—10, овесъ—самъ 7—11, ярица самъ 5—10, ячмень—самъ 5—13, просо—самъ 7—18.

Относительно сортовъ воздѣлываемыхъ здѣсь хлѣбовъ трудно сказать что-либо опредѣленное. Каждая партія переселенцевъ провозитъ съ собою съ родины понемногу разныхъ сѣмянъ, которыя впоследствии смѣшиваются съ мѣстными, — и получается смѣсь.

И здѣсь практика научила крестьянъ вывести нѣкоторыя сорта, замѣнивъ ихъ другими. Такъ, безостая красноколосая пшеница, лѣтъ 15 тому назадъ дававшая хорошіе урожаи, была замѣнена бѣлоколосой усаткой, несмотря на то, что послѣдняя и менѣе урожайна, и легко осыпается. Причиною этой замѣны была *помха*, нападающая на красноколоску и не трогающая бѣлоколоску.

Что такое *помха*, крестьяне говорятъ разнорѣчиво, но дѣйствіе ея на пшеницу губительное: пшеница не родится или получается «щуплое» зерно.

«Когда во время цвѣтенія или налива подуетъ южный вѣ-

терь, въ воздухѣ парить, небо какъ бы въ туманѣ, какъ будто гдѣ-то горить, что особеннo замѣтно въ полдень, хотя пожара нѣтъ нигдѣ, тогда листья пожелтѣютъ, какъ-бы сварятся, -- вотъ тебѣ и помха», говорятъ одни крестьяне.

«Другіе указываютъ, что листья хлѣбовъ при этомъ покрываются пятнами (ржавчина), а колосья — клеютъ (медовой росой). Третьи утверждаютъ, что помха опасна лишь во время цвѣтенія, а позже — нѣтъ. Четвертые, — что нужно бояться помхы только во время налива, около «Ильи» и, наконецъ, есть такіе, которые ни тумана, ни какой-либо росы не замѣчали, а все-таки поле повредила помха. Послѣдняя портитъ и овесъ, отчего тотъ родится горькимъ, и просо; а, по мнѣнію нѣкоторыхъ крестьянъ,—всѣ хлѣба».

Къ помхѣ въ иные годы присоединяются и другія невзгоды *); появляется «пьяная» пшеница и «неѣдовый» овесъ. Послѣдній на видъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго: зерно нормальнаго вѣса, цвѣта, формы, запаха и вкуса. Между тѣмъ лошади отказываются ѣсть его. Поэтому въ годы, когда появляется «неѣдовый» овесъ, никто не купитъ овесъ, пока лошади не признаютъ его годнымъ. Не ѣдятъ его и свиньи, а также гуси, плохо клюютъ и куры, но рогатый скотъ и овцы не брезгаютъ имъ. Такой овесъ болѣе идетъ на сѣмена.

Очевидно, причиною порчи овса являются какіе-то неизвѣстные еще микроорганизмы (именно, грибки), нападающіе на овесъ. Подобные же микроорганизмы вызываютъ и другую болѣзнь культурныхъ растений, извѣстную здѣсь подъ названіемъ «пьянаго» хлѣба. Такое названіе дано потому, что хлѣбъ, приготовляемый изъ зараженнаго зерна, вызываетъ въ людяхъ болѣзненные явленія — ихъ тошнить, является головокруженіе. Даже собаки и свиньи отказываются отъ такого хлѣба.

Никакой борьбы съ грибами, вызывающими «пьяный» хлѣбъ или «неѣдовый» овесъ, въ краѣ не производится.

Что касается животноводства въ разсматриваемомъ районѣ,

*) Е. Смирновъ, тамъ же.

то, подобно тому, какъ и у казаковъ, оно много страдаетъ отъ разныхъ эпизоотій, борьба съ которыми ведется еще слабо. Въ настоящее время, на каждый дворъ приходится 3—4 рабоч. скота, 4—6 лошадей, 0,1—2 овецъ, 0,7—2 свиней и 8—24 разной птицы. Кроме того, въ настоящее время животноводство и не представляетъ здѣсь выгоды, такъ какъ Манчжурія, Монголія и Забайкалье доставляетъ много рабочаго скота, лошадей и овецъ, а за-зейскіе и амурскіе манчжуры заолоняютъ Благовѣщенскій рынокъ свиными тушами. Насколько низкія цѣны стоятъ на скотъ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Хозяину конь, вырощенный въ своемъ хозяйствѣ, обходится около 200 рублей, а между тѣмъ средняя рыночная цѣна рабочей лошади — только 100 рублей. Содержаніе рогатаго скота обходится около 30 рублей (за 5 лѣтъ), не считая ухода, а цѣна его на рынкѣ 40—50 рублей штука. Но изъ этой цѣны нужно еще вычесть неизбежную убыль отъ падежа, — и мы увидимъ, что отъ продажной цѣны почти ничего не остается.

Оносительно овцеводства, свиноводства и птицеводства нужно замѣтить, что недостаточность ихъ развитіи обусловливается частію недостаткомъ корма, часто плохимъ подборомъ производителей, часто тѣмъ, наконецъ, что эти отрасли хозяйства мало обращаютъ на себя вниманіе крестьянъ.

Переходимъ теперь къ положенію сельскаго хозяйства въ Хабаровской, Удской, Уссурійской казачьей и Южно-Уссурійской округахъ. Въ первыхъ двухъ округахъ, какъ лежащихъ вблизи океана, притомъ обладающихъ еще худшими климатическими и почвенными условіями, мало развито сельское хозяйство, такъ какъ жители ихъ привыкли снискивать пропитаніе другими занятіями (морскими и рѣчными промыслами, горнымъ дѣломъ и т. п.). Даже часть (сѣверная) Уссурійской казачьей округи мало имѣетъ своего хлѣба и принуждена покупать его со стороны. Только южная часть этой округи, расположенная къ юго-западу отъ оз. Ханка, и вся Южно-Уссурійская округа, представляя собою преимущественно земледѣльческій районъ, пользуются почти исключительно своимъ хлѣбомъ.

Большая часть нашихъ владѣній въ бассейнѣ Уссури пред-

ставляетъ гористую сторону, изрѣзанную долинами рѣчекъ и покрытую разнообразнымъ лѣсомъ, который теперь, впрочемъ, годъ отъ году сильно рѣдѣетъ. Почва здѣсь—сѣрый суглинокъ 2—6 верш. глубины, съ примѣсю чернозема; подпочва—тотъ же суглинокъ. На увалахъ же подпочвою часто служитъ чистая глина, производящая здѣсь застои воды. При разливѣ Уссури и ея притоковъ низкія части этой странѣ затопляются весною и лѣтомъ, поэтому пашни приходится располагать по склонамъ уваловъ. Вслѣдствіе тѣхъ же разливовъ чувствуется недостатокъ въ сѣнокосныхъ угодьяхъ,—и уссурійскіе казаки, подобно амурскимъ, нерѣдко принуждены косить сѣно на китайскомъ берегу.

Весь Южно-Уссурійскій край можно раздѣлить на три характерныхъ района. Первый, наиболѣе обширный и пригодный для земледѣлія,—долины рѣчекъ (Суйфуна, Мо, Лефу, Даубихе, Улахе и Сунгачи), впадающихъ частію въ Амурскій заливъ, частію въ оз. Ханка (Даубихе и Улахе составляютъ р. Уссури, съ которою оз. Ханка соединяется р. Сунгачей). Плодородный черноземъ, достигающій здѣсь полуторааршинной глубины, привлекаетъ сюда массу поселенцевъ, главнымъ образомъ малороссовъ.

Второй районъ расположенъ по восточнымъ и юго-восточнымъ склонамъ Сихота-Алиньскаго хребта (высота 2,200 фут. а отд. вершинъ—3000 фут.). Здѣсь также много угодій для земледѣльца, но близость холоднаго моря и туманъ дѣлаетъ этотъ край не особенно привлекательнымъ для поселенца. Третій районъ тянется узкой полосой вдоль западнаго берега Амурскаго залива, отъ устья р. Суйфунъ вплоть до границъ Кореи, и также подверженъ сильнымъ туманомъ, мѣшающимъ вырѣванію пшеницы и овса, а потому имѣетъ незначительное русское населеніе. Больше всего, въ узкихъ долинахъ прорѣзывающихъ эту страну рѣчекъ, живутъ здѣсь китайцевъ.

Изъ хлѣбовъ въ краѣ сѣютъ преимущественно пшеницу, яровую рожь, овесъ, ячмень, гречиху, затѣмъ идутъ — ленъ, конопля, а у китайцевъ и корейцевъ—просо (буда), сорго (гаолянъ), бобы, кукуруза, кунжутъ. Урожай пшеницы —

самъ 6—7, проса—35—40, картофеля — самъ 12. Сѣять стараются пораньше (въ началѣ апрѣля), чтобы хлѣбъ успѣлъ отцвѣсти до лѣтнихъ дождей. Въ 1897 г. было подъ посѣвами земли: въ Южно-Уссурійской округѣ—47 тыс. дес., а въ Уссурійской казачьей окрѣло 7 тыс. Хлѣба теперь рождается такъ много, что въ 1892 г. интендантство могло купить его у мѣстнаго населенія до 600,000 пудовъ для потребности войскъ, расположенныхъ въ Приморской области. Но когда то-же интендантство, платившее раньше хорошую цѣну (въ 1888 г.—1 р. 70 к.) стало постепенно спускать ее (въ 1892 г. уже 1 р. 10 к. за пудъ, а послѣ 80 и даже 60 коп.), то хлѣбопашество перестало быть выгоднымъ, — и пашни стали относительно сокращаться, а крестьяне стали переходить къ другимъ занятіямъ (отхожіе промыслы и пр.). Въ виду этого правительство рѣшило опять увеличить покупку хлѣба для войскъ и поднять цѣну на хлѣбъ, чтобы не допустить упадка земледѣлія.

Много мѣшаетъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и конкуренція съ манзами и корейцами, которые, обладая поразительною нетребовательностью, довольствуются такимъ ничтожнымъ барышемъ, что сами крестьяне, если не занимаются земледѣліемъ, находятъ выгоднымъ покупать хлѣбъ у манзъ и «каули», чѣмъ производить его самимъ. Тоже происходитъ и съ овощами. Выгодность эта доходитъ до того, что и войсковыя части, располагающія даровою рабочею силою для своихъ хозяйственныхъ надобностей, считаютъ дешевле—купить овощи у китайцевъ и корейцевъ, чѣмъ разводить ихъ самимъ.

Такая невозможная конкуренція русскому населенію со стороны представителей монгольскаго племени начинаетъ уже сильно озабочивать правительство, почему оно и ограничиваетъ китайцамъ и корейцамъ доступъ въ страну.

За то, пользуясь дешевой рабочей силою тѣхъ же китайцевъ и корейцевъ, многіе хозяева Южно-Уссурійскаго края могутъ доводить свое хозяйство до высокой степени культуры. чѣмъ особенно отличаются многія частныя хозяйства. Употребленіе земледѣльческихъ орудій и машинъ нашло здѣсь еще болѣе широкое распространеніе, чѣмъ въ Амурской области,

Что касается животноводства въ Уссурийскомъ краѣ, то развитіе его видно изъ слѣдующихъ цифръ. Въ Южно-Уссурийской округѣ было въ 1897 г.: лошадей—24 тыс., рогатаго скота—44 тыс., овецъ 760, свиней—26 тыс., козъ—200, ословъ и муловъ—1000. Въ Уссурийскомъ казачьемъ округѣ: лошадей—около 8 тыс., рог. скота—7 тыс., овецъ—460, свиней—около 5 тыс. Въ сѣверныхъ округахъ—Хабаровской и Удской обыкновеннаго скота меньше (всего около 3 тыс. лошадей, около 2 тыс. рогат. скота, 2 тыс. свиней), но за то до 10 тыс. бѣздовыхъ собакъ.

Главнѣйшія породы домашняго скота тѣ-же, что и въ Амурской области.

Посвящая почти все свое время полеводству, затѣмъ—скотоводству и травосѣянію, Амурскіе поселенцы почти пренебрегаютъ другими отраслями сельскаго хозяйства, напр., огородничествомъ, садоводствомъ, пчеловодствомъ и пр. Впрочемъ, ихъ и винить особенно нельзя, такъ какъ если такое, относительно, несложное занятіе, какъ полеводство, требуетъ особаго навыка и приспособленія къ мѣстнымъ условіямъ, то о садоводствѣ или огородничествѣ и говорить нечего: здѣсь требуется предварительно выработать извѣстный ассортиментъ овощей и фруктовъ, которые бы съ успѣхомъ можно было разводить въ краѣ. Этою симпатичною цѣлью и задалось основанное въ 1897 г. въ Никольско-Уссурийскомъ Обществѣ садоводства и огородничества.

Оно открываетъ склады сѣмянъ и изданій по огородной и садовой культурѣ, производитъ опыты акклиматизаціи полезныхъ растений, распространяетъ лучшіе сорта растений среди мѣстныхъ жителей, содѣйствуя имъ въ выискѣ сѣмянъ и черенковъ и давая указанія о рациональныхъ способахъ ухода за ними.

Несмотря на кратковременность своего существованія, Общество сумѣло уже зарекомендовать себя въ глазахъ населенія своею полезною дѣятельностью; по указанію его, въ краѣ введено уже много полезныхъ растений. Такъ выяснилась возможность разводить, кромѣ нашихъ обыкновенныхъ овощей, осо-

бенно въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, яблоки (антоновку, титовку, апортъ), малину, крыжовникъ и красную смородину. Теперь въ Южно-Уссурійскомъ краѣ существуетъ уже нѣсколько хорошихъ садовъ. Правда, здѣсь требуется очень внимательный уходъ за садомъ. Но гдѣ же этого не нужно? Примѣняясь къ особенностямъ здѣшняго климата, здѣсь даже черную смородину приходится весной прикрывать соломой, а плодовые деревья залѣчивать отъ ранъ, нанесенныхъ «ожогами».

Въ задачи общества входитъ и облагороженіе дикаго винограда, широко распространеннаго въ нашемъ краѣ. Въ настоящее время онъ даетъ плохіе плоды, годные лишь на варенье, морсы и вино низкаго качества,—и потому имъ мало занимаются здѣшніе садоводы. Зато амурскій виноградъ не страдаетъ отъ столь губительной въ Европѣ филлоксеры и разныхъ грибовъ, что дѣлаетъ его очень цѣннымъ растеніемъ, если бы его удалось облагородить. Однако, по отзыву специалистовъ, облагороженіе при помощи прививки благородныхъ сортовъ даетъ плохіе результаты. Лучше дѣйствуетъ раціональная обрѣзка, увеличивающая сахаристость его до 4%.

Въ зачаточномъ положеніи находится и пчеловодство, хотя, по выраженію переселенцевъ, многія мѣстности Южно-Уссурійскаго края «текутъ медомъ».

Много трудовъ нужно будетъ приложить къ распространенію въ Амурско-Уссурійскомъ краѣ другихъ отраслей сельскаго хозяйства. А пока, подводя общій итогъ дѣятельности русскаго населенія здѣсь, слѣдуетъ сказать, что, несмотря на первобытные способы обработки земли, еще практикующіеся здѣсь, несмотря на всю неурядицу, которая, впрочемъ, неразрывна съ заселеніемъ новыхъ мѣстъ, дѣятельность нашихъ выходцевъ Руси сказалась благотѣльно на поднятіи благосостоянія края: не говоря уже о томъ, что они приобщили его къ цивилизованнымъ странамъ, они стали производить одного пищевого хлѣба столько, что могутъ окончательно вытѣснить привозный манджурскій и избыткомъ своего производства обезпечить продовольствіе всего городского населенія Амурско-Уссурійскаго края, рабочаго его населенія и войскъ.

Правда, наряду съ цивилизаціей края, пока все еще возрастають и расходы, такъ что за 50 лѣтъ своего существованія этотъ край принесъ государству чистаго убытка свыше 304 милл. рублей. Одинъ досужій статистикъ въ «Дальнемъ Востокѣ» представилъ наглядно эту крупную, дѣйствительно, сумму въ слѣд. видѣ.

«Длина кредитной бумажки около $\frac{1}{4}$ аршина; на протяженіи аршина укладывается, слѣдовательно, 4 кредитныхъ бумажки; на протяженіи сажени — 12; на протяженіи версты 6,000. Отъ г. Николаевска, отъ мыса Куегда и устья Амура, до Петербурга и Балтійскаго моря — около 10,000 верстъ. Отсюда явствуетъ, что всю эту громадную линію мы можемъ сплошь выложить пятирублевыми бумажками и у насъ еще останется свыше 4-хъ миллионѡвъ (если, разумѣется этотъ «остатокъ» не присвоять, какъ «экономію», тѣ, кому мы поручимъ «укладку» такой соблазнительной линіи).

«Если,—дальѣ вычисляетъ онъ,—мы возьмемъ средней годовой дефицитъ по Приморской области (Уссурийскій край, Хабаровская и Удская округа) за послѣднее 3-лѣтіе (1898—96 гг.) 21.965,757 руб. и раздѣлимъ его на количество русскихъ семей (18.824), то въ частномъ получимъ 1,168 руб. 80 к.—«Что же это показываетъ?—А то, что *за удовольствіе* созерцать русское населеніе въ нашей отдаленной окраинѣ Россія какъ бы выплачиваетъ здѣсь каждой семьѣ ежегодную пенсію въ размѣрѣ, превышающемъ пенсію дѣйствительнаго статскаго совѣтника»...

«Кто же, именно, уплачиваетъ въ Россіи эти наши столь щедрыя и многочисленныя «пенсіи»? — естественно является вопросъ.—Конечно, главнымъ образомъ населеніе Европейской Россіи, на которую и ложится вся тяжесть присоединенія къ намъ новыхъ владѣній».

Все это такъ, — замѣтимъ мы отъ себя, — противъ этого врядъ ли кто станетъ и спорить. Но, вѣдь, эти жертвы—неизбѣжны. Неправъ сотрудникъ «Дальняго Востока» въ одномъ только, что эти жертвы приносятся «въ удовольствіе созерцать русское населеніе на нашей отдаленной окраинѣ». Вовсе не для

удовольствія, а въ силу необходимости, историческаго порядка вещей, русскіе заняли земли на Амурѣ и Уссуріи: бассейны этихъ рѣкъ необходимы для отвлеченія избытка населенія Европейской Россіи, избытка, который уже теперь даетъ себя чувствовать нашему крестьянину. Кто знаетъ крошечные надѣлы нашего крестьянина въ густо-населенныхъ губерніяхъ, тотъ пойметъ, что забота объ его будущности, не говоря про стратегическія соображенія, должна была заставить Россію присоединить къ себѣ Амурско-Уссурійскій край. Правительство шло только навстрѣчу желаніямъ народа.

Истраченные на колонизацію нашего края суммы, какъ бы ни были онѣ велики, со временемъ будутъ возвращены сторицею. Уже теперь русскіе поселенцы превратили страну, бывшую до нихъ настоящею пустынею, въ цивилизованный край.

Въ ближайшемъ же будущемъ, когда поселенцы свыкнутся съ новыми условіями своей жизни, когда перейдутъ къ болѣе усовершенствованной культурѣ, ихъ дѣятельность станетъ еще плодотворнѣе.

X.

Манджурія *).

Знакомство съ нею русскихъ. — Устройство поверхности. — Горы и рѣки. — Населеніе. — Промышленность. — Города. — Нѣсколько словъ о Манджурской вѣтви Сибирской желѣзной дороги.

Амурскій край назывался раньше, до занятія его русскими, лѣвобережною Манджуріею; правобережная же Манджурія и теперь еще остается во владѣніяхъ китайцевъ и даже имѣетъ, по крайней мѣрѣ номинально, первенствующее значеніе въ Китаѣ, какъ родина царствующей теперь династіи. Однако, появившись на лѣвомъ берегу Великой Черной рѣки, русскіе не замедлили перебраться и на правый. Такъ было и въ старину, когда казаки ходили сюда за добычей, такъ продолжается и

*) Правильнѣе—Маньчжурія.

теперь, когда русскіе поселенцы переѣзжаютъ рѣку, чтобы арендовать пастбища или поля у китайцевъ. Кромѣ того, русскимъ постоянно приходится сталкиваться съ правобережными китайцами (манджурами, собственно китайцами и пр.) на почвѣ торговыхъ интересовъ. Изъ предыдущаго мы уже видѣли, что эти китайцы питаютъ многія русскія поселенія и хлѣбомъ, и скотомъ, и овощами. Далѣе, много русскихъ бродитъ по китайской сторонѣ въ видѣ вольныхъ «старателей», отыскивая золотыя россыпи. Въ самое послѣднее время это знакомство русскихъ съ китайскою Манджуріею еще болѣе укрѣпилось, когда по этой сторонѣ пошла, по направленію къ Портъ-Артуру, черезъ Цицикаръ и Мукденъ, вѣтвь Сибирской желѣзной дороги. А недавнія стычки съ китайскими войсками, послѣдовавшія за бомбардировкой нашего Благовѣщенска, на опытѣ познакомили съ этою страной и нашъ оффиціальный міръ, который, впрочемъ, былъ уже освѣдомленъ за-глазно о Манджуріи чрезъ изслѣдованія русскихъ путешественниковъ (проф. Позднѣва и др.).

Такимъ образомъ русскіе могли, дѣйствительно, хорошо ознакомиться съ правобережною Манджуріею. Оказалось, что сѣверная часть ея составляетъ часть сибирскаго міра, а южная, по своему климату и культурѣ, принадлежитъ къ внутреннему Китаю. На западѣ страны возвышаются горы Большого Хингана, среди которыхъ находится нѣсколько древнихъ вулкановъ изверженія, какъ, напр., «Девять бугровъ», извергавшихъ потоки лавы еще въ 1720 году. Существованіе этихъ вулканическихъ отдушинъ на разстояніи 1,000 верстъ отъ береговъ океана составляетъ въ геологіи, безспорно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ.

Въ верховьяхъ р. Нонни Большой Хинганъ соединяется съ другимъ хребтомъ, называемымъ у русскихъ Малымъ Хинганомъ, а у китайцевъ—Даусе-Алинь. Высота его—около 5,000 футовъ. Продолженіемъ этихъ горъ по другую сторону Амура являются Буреинскія горы, о которыхъ мы говорили выше.

Въ этой горной странѣ, на дорогѣ между Айгуномъ и Мергенемъ, среди поляны, затерявшейся въ густомъ лѣсу, стоитъ китайскій храмъ, куда заходятъ путники—помолиться богамъ

о счастливомъ окончаніи своихъ путешествій, такъ какъ узкія, мало проторенныя тропинки, замѣняющія здѣсь дороги, представляютъ не мало опасностей, особенно въ весеннюю и осеннюю распутицу.

Въ южной Манджуріи идетъ, по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, горная цѣпь Шань-янь-алинь («Длинная Бѣлая Гора»), оканчивающаяся у водъ Желтаго моря. Занимая огромное протяженіе до 1,500 верстъ, эта цѣпь развѣтвляется на множество отроговъ между рѣчными долинами. Говорятъ, что и въ этой цѣпи находятся угасшіе теперь вулканы.

Между Хинганомъ и Шань-янь-Алинемъ,—этими главными цѣпями страны,—проходитъ, все въ томъ же направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ, — нѣсколько другихъ, менѣе важныхъ горныхъ цѣпей, также съ потухшими вулканами. Нѣкоторыя вершины этихъ горъ, напр., Гуанъ-нинъ и Чанъ-ботанъ, окружены особымъ почитаніемъ, какъ хранители Манджуріи и одни изъ «деяти стражей и патроновъ Небесной Имперіи».

Что касается рѣкъ Манджуріи, то въ сѣверной ея части главною нужно считать многоводный «Молочный цвѣтокъ», какъ называютъ китайцы Сунгари, и ея притокъ Нонни, а въ южной части—Шара-Мурэнь съ своимъ притокомъ Ляо-хэ.

Мутная Сунгари значительно уступаетъ Амуру по своей длинѣ и количеству проносимой воды и только лѣтомъ, благодаря лѣтнимъ дождямъ, кажется многоводнѣе Черной рѣки. Въ этотъ періодъ и безъ того довольно широкая (до 2 верстъ ширины) Сунгари представляетъ картину цѣлаго моря, усѣянаго безчисленными низкими островками, гдѣ кишатъ стаи водныхъ пернатыхъ, міриадами гнѣздятся ласточки, а въ протокахъ между островками снуютъ цѣлыя флотиліи барокъ съ товарами. Въ торговомъ отношеніи Сунгари, а также Нонни, имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ нашъ Амуръ, такъ какъ протекаютъ по болѣе населенной странѣ. Въслѣдствіе мелкой осадки китайскихъ судовъ обѣ манджурскія рѣки судоходны на большомъ протяженіи, по крайней мѣрѣ, Сунгари—тысячи на 2 версть.

Сунгари и Нонни играютъ большую роль во внутренней жизни страны, представляя ея естественныя водныя дороги, по которымъ происходитъ и обмѣнъ товаровъ, и движеніе населенія. Для внѣшней же торговли важное значеніе имѣетъ Шарамурѣнь, какъ единственный выходъ Манджурии къ берегамъ океана. Только протекая вдоль пустынной террасы Восточнаго Гоби. «Желтая рѣка», какъ переводятъ китайское слово Шарамурѣнь, является менѣе оживленною, тѣмъ болѣе, что внѣшняя торговля еще мало направляется сюда, да и портовъ, удобныхъ для стоянки океанскихъ судовъ, здѣсь нѣтъ.

Представляя, благодаря своимъ горамъ и водамъ, большое разнообразіе въ рельефѣ, Манджурия, понятно, обладаетъ и большимъ разнообразіемъ климата и почвы. Хребетъ Шань-янь-Алинь, воздвигнутый природой на юго-востокѣ страны, стоитъ на пути благодѣтельныхъ муссоновъ, и потому влага, приносимая этими вѣтрами, вся остается въ прибрежной полосѣ. Кромѣ того, внутри страны присоединяется еще вредное дѣйствіе сухихъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, свободно распространяющихся по всей Манджурии. Этимъ обстоятельствомъ, быть можетъ, и объясняется существованіе почти въ центрѣ Манджурии бесплодныхъ степей и пустынь, извѣстныхъ подъ названіемъ Восточнаго Гоби. Вся остальная часть описываемаго края представляетъ переходъ отъ благодатныхъ странъ собственнаго Китая до дикихъ пустынь, при чемъ сѣверная часть имѣетъ болѣе дикій характеръ, чѣмъ южная, гдѣ почти всѣ удобныя земли заняты полевой культурой. Подобно громадной части нашего Амурскаго края, сѣверъ Манджурии, т. е. бассейнъ Сунгари весь покрытъ то болотами и лугами, гдѣ трава скрываетъ всадника съ конемъ, то кустарниками и лѣсами, сквозь которые едва проберешься и съ топоромъ. Эта буйная растительность кишитъ жизнью и представляетъ настоящее раздолье для охотника. Породы звѣрей и птицъ, равно какъ и флора, одинаковы съ нашимъ Приамурьемъ, что и понятно: рѣка Амуръ вовсе не можетъ служить крѣпкой преградой для распространенія звѣрей или пернатой дичи.

Что касается населенія, то главною частью его являются

племена тунгусской народности, извѣстные подъ общимъ названіемъ манджурь. Къ этимъ племенамъ причисляютъ какъ собственно манджурь, со времени завоеванія Китая (въ 1636 г.) оставившихъ бродячій образъ жизни и перешедшихъ къ земледѣлю, такъ и бродящихъ по прежнему по лѣсамъ и берегамъ рѣкъ солоновъ, дауровъ, гольдовъ, манегровъ и орончонъ. Изъ нихъ солонь больше другихъ племенъ сохранили свои старинныя обычая и вѣрованія. Такъ, они по прежнему—убѣжденные шаманисты; мертвецовъ своихъ не хоронятъ, а сжигаютъ и пепель собираютъ въ кожаные мѣшки, которые и подвѣшиваютъ на деревья. Напротивъ, дауры, считающіеся самыми храбрыми и вмѣстѣ съ тѣмъ жестокими изъ всѣхъ манджуровъ,—ревностныя ламаисты.

Общій типъ настоящаго манджура — довольно пріятный. Это—вѣжливый, привѣтливый и скромный человекъ, живого характера. Веселость и нѣкоторая беззаботность манджурь сразу напоминаетъ объ ихъ дикихъ родичахъ — настоящихъ тунгузахъ. Къ сожалѣнію, приливъ китайскаго населенія, все болѣе и болѣе развивающійся, производитъ коренныя измѣненія въ характерѣ манджурь, и послѣдніе, подобно настоящимъ «сынамъ неба», дѣлаются также низкопоклонны и лукавы, лѣнны и грубы, жестоки, какъ и сами китайцы. Во многихъ мѣстахъ Манджурии манджура нельзя уже отличить отъ китайца ни нравомъ, ни по платью, ни даже по языку, такъ какъ, посылая своихъ дѣтей въ китайскія школы, манджуры сами способствуютъ забвенію своего языка. Между тѣмъ не забудемъ, что это—господствующая народность, пользующаяся особымъ покровительствомъ китайскаго правительства! Вѣроятно, манджурскій языкъ быстро исчезъ бы и изъ литературы, если бы его не считали привилегированнымъ языкомъ, необходимымъ при занятіи всѣхъ высшихъ государственныхъ, а также ученыхъ должностей.

Кромѣ того, можно пожалѣть объ упадкѣ манджурскаго языка и потому, что онъ гораздо звучнѣе и легче для изученія, чѣмъ китайскій, благодаря правильности своихъ грамматическихъ формъ.

Еще до недавняго времени манджуры занимали привиле-

гированное положеніе въ государствѣ, какъ единоплеменники царствующей династіи Цинъ. Составляя поголовно военное сословіе, они раздѣляются на восемь знаменъ, отчего и произошло названіе «знаменнаго» войска. Кромѣ того, помимо военной службы, они несутъ и нѣкоторыя другія повинности: содержатъ казенныхъ лошадей для перевозки почты и чиновниковъ, служатъ матросами на правительственныхъ судахъ на Сунгари и т. д. За это они пользуются большими земельными надѣлами, а раньше получали жалованье натурой изъ казенныхъ магазиновъ. Однако, съ тѣхъ поръ, какъ столкновенія съ европейцами, начиная съ 50-хъ годовъ, показали всю несостоятельность «знаменнаго» манджурскаго войска и, стало быть, выгодность замѣны его регулярными войсками, привилегіи манджуръ стали быстро сокращаться, и нынѣ они во всемъ сравнены съ китайцами. вмѣстѣ съ тѣмъ стала исчезать и та обособленность манджуръ отъ другихъ народовъ, подвластныхъ Китаю, при помощи которой манджурскіе императоры думали сохранить свое родное племя. Съ этою цѣлью они долгое время запрещали китайцамъ селиться въ Манджуріи и покупать тамъ земли. Первое время туда ссылали лишь преступниковъ, которые, по отбытіи наказанія, дѣлались колонистами. Но потомъ сюда двинулись изъ южныхъ провинцій и настоящіе колонисты, обходившіе законъ о запрещеніи покупки земли у манджуръ арендою земли. Мало-по-малу колонизаціонное движеніе такъ возросло, что правительство уже не могло остановить его; впрочемъ, колонизація была въ видахъ самого правительства, желавшаго поскорѣе населить пустыя земли, лежація по правому берегу Амура, когда русскіе стали колонизовать лѣвый берегъ. Такимъ образомъ, параллельно заселенію нашего Пріамурья шло и заселеніе манджурамъ китайскими переселенцами. Въ недалекомъ будущемъ странѣ грозитъ полное окитаеніе.

Впрочемъ, нельзя скрыть и того, что китайская колонизація много способствовала поднятію общей культурности страны, бывшей до прихода китайцевъ почти исключительно страной звѣриной охоты. Съ появленіемъ же китайцевъ въ Манджуріи

появилась и торговля, и усовершенствованная культура полей, такъ что многія мѣстности, особенно южной Манджуріи, превратились въ чисто земледѣльческія. Понятно, что вся торговля и сельское-хозяйство находятся въ рукахъ китайцевъ.

Послѣдніе разводятъ свиней и воздѣлываютъ пшеницу, ячмень, кукурузу, просо и другіе хлѣба, а также «желтый горохъ», или сою, изъ сѣмянъ которой готовится съѣдобное масло. Кромѣ того, въ южной Манджуріи можно нерѣдко встрѣтить плантаціи индиго, хлопчатника и винограда, въ другихъ мѣстахъ—тутовое дерево, служащее для выкормки шелковичныхъ червей; наконецъ, почти повсюду распространена культура мака, изъ котораго готовятъ ядовитый опиумъ, несмотря на всѣ запрещенія правительства.

Сѣверная Манджурія промышленнѣе болѣе охотой, а также культурой хлѣбовъ и овощей, которые находятъ хорошій сбытъ въ нашемъ Примурьи, какъ мы видѣли выше. Далѣе, здѣсь скрыты въ нѣдрахъ земли естественныя сокровища, въ видѣ золота, которое разрабатывается и теперь, но примитивнымъ способомъ, каменнаго угля и желѣза. Эксплоатація этихъ естественныхъ богатствъ—дѣло болѣе или менѣе близкаго будущаго.

Что касается, наконецъ, городскихъ поселеній Манджуріи, то нужно прежде всего упомянуть объ извѣстномъ Айгунѣ на р. Амурѣ. Это — административный центръ китайскаго Примурья. Населенія всего 10—15,000, но, благодаря разбросанности китайскихъ домовъ, а также обширнымъ садамъ и огородамъ, городъ растянулся по берегу на протяженіи цѣлыхъ 8 верстъ. А его подгородныя селенія доходятъ до деревни Сахалань (противъ нашего Благовѣщенска), разрушенной недавно нашими войсками за бомбардировку Благовѣщенска; при этомъ справедливомъ возмездіи сильно пострадалъ, понятно, и самый Айгунь, укрѣпленный было китайцами. Теперь укрѣпленія уничтожены и приведены въ прежній, безопасный для насъ видъ.

Верстахъ въ 200—250 отъ Айгуна, по прямому направленію, лежитъ на р. Нонни Мэргень, захудалый городъ (2,000 жителей), почти покинутый жителями, которые перешли отсюда

въ бойкій, торговый Цицикаръ, главный городъ провинціи того же имени (70,000 жит.).

Этими городами почти и исчерпывается все городское население сѣверо-западной Манджурии, населенной, вообще говоря, довольно рѣдко. Болѣе плотное население въ сѣверо-восточной части Манджурии. Здѣсь находятся нѣсколько большихъ, оживленныхъ городовъ, каковы: Гиринь (административный центръ провинціи, 120,000 жит.), Куань-чэнь-цзы (70,000 жит.), Нуньянь-Сань (20,000 жит.), Нингута (30,000 жит.), Шаунь-чэньтинь (35,000 жит.) и др., болѣе или менѣе получившіе известность благодаря послѣднимъ событіямъ и подвигамъ русскихъ войскъ.

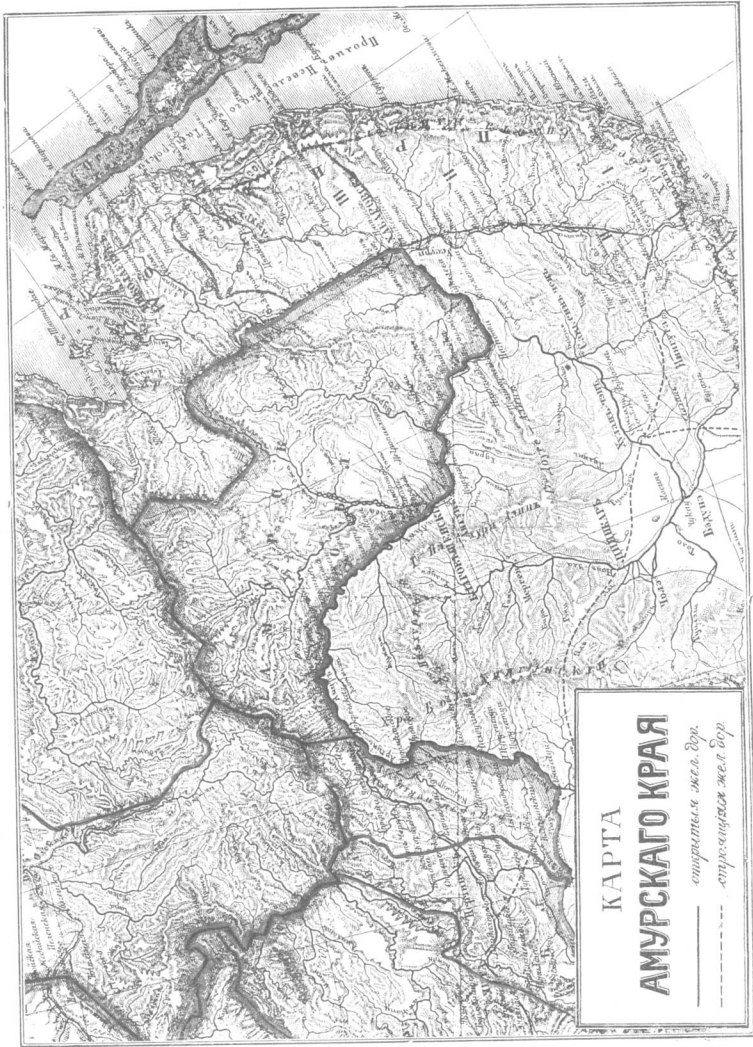
Главное значеніе имѣеть, конечно, Гиринь, расположенный на р. Сунгари. Здѣсь строится много судовъ для плаванія по р. Сунгари, а въ окрестностяхъ города лежатъ богатые золотые прииски. Кромѣ того, служа административнымъ центромъ провинціи, Гиринь имѣеть богатый арсеналь, а также орудійный и пороховой заводъ.

Г. Бодунэ, расположенный ниже по теченію Сунгарь, известенъ какъ важный торговый центръ, ведущій торговлю съ г. Куань-чэнь-цзы, куда являются съ своимъ скотомъ кочующіе въ Восточной Гоби монголы.

Въ южной Манджурии еще больше значительныхъ городовъ, но мы не будемъ останавливаться на нихъ. Укажемъ только на священный городъ манджуровъ, вторую столицу Китая, г. Мукденъ («Цвѣтущій»), служившій мѣстопребываніемъ предкамъ нынѣшнихъ богдыхановъ. Этотъ городъ, «который отличается между всѣми городами, — говоритъ императоръ Цинь-Лунь, — какъ драконъ и тигръ между животными», окруженъ глинобитною стѣною, около 17 верстъ въ окружности; внутри этой ограды находится другая, кирпичная, протяженіемъ въ $4\frac{1}{2}$ версты, которая и защищаетъ центральную, самую торговую и оживленную часть города. Здѣсь, въ центрѣ города, стоитъ небольшой желтый дворецъ, въ которомъ сохраняются, какъ святыня, обувь и пастушеская сума Нурхади, основателя династии нынѣшнихъ богдыхановъ. Густо населенный (250,000 жит.), Мук-

день пользуется, въ качествѣ древней столицы, большими привилегіями; тамъ, подобно Пекину, въ немъ существуютъ особыя министерства. Главною достопримѣчателнѣестью Мукденя является расположенное въ 5 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ города священное кладбище, съ могилами предковъ нынѣшнихъ богдыхановъ. Сквозь густыя вѣтви развѣсистыхъ деревьевъ видны желтыя крыши гробницъ, но ни одинъ иностранецъ не смѣетъ подойти ближе, подѣ страхомъ смертной казни. Сюда, въ это священное мѣсто упокоенія предковъ, богдыханы манджурской династіи постоянно отправлялись на богомолье. Съ начала XIX стол. послѣднее было замѣнено присылкою сюда, чрезъ каждые десять лѣтъ, «священнаго лика», т. е. портрета богдыхана, а теперь отмѣнена и эта церемонія.

Городское населеніе Манджуріи составляетъ $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{12}$ общаго всего населенія, доходящаго теперь до 20 милл. чело-вѣкъ. Это громадное количество размѣщено на пространствѣ 600,000 кв. верстъ, т. е. на площади, гораздо меньшей, чѣмъ нашъ Амурско-Уссурийскій край. Сосѣдство съ нами такого густо населеннаго края не можетъ, конечно, не имѣть весьма важнаго экономическаго и политическаго значенія для нашего Амурско-Уссурийскаго края. Но значеніе это будетъ вполне выяснено только съ постройкою Манджурской вѣтви Великой Сибирской желѣзной дороги, которая теперь строится нашими инженерами. Во всякомъ случаѣ, эта дорога, возбудивъ къ новой жизни Манджурію, подниметъ благосостояніе и нашего Амурско-Уссурийскаго края,—и эта отдаленная наша окраина, такъ обильная естественными богатствами, быть можетъ, дѣйствительно станетъ житницей и сокровищницей Сибири, если не всей Россійской Имперіи. Тогда найдетъ въ ней пропитаніе не 300—400,000 чело-вѣкъ, какъ теперь, а населеніе и въ 10 разъ большее. Будемъ же думать, что громадныя жертвы, приносимыя нашимъ государствомъ на эти отдаленныя отъ Европейской Россіи страны, будутъ со временемъ сторицею возвращены намъ!

КАРТА
АМУРСКОГО КРАЯ

———— *струги и ж.в. дор.*
- - - - - *строитель ж.в. дор.*